

ISSN: 2542-212X

Кавказология

Caucasology

IV

2018

Кавказология

Caucasology

№ 4 / 2018

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4

<i>Свидетельство о регистрации</i>	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
<i>Периодичность</i>	4 раза в год
<i>Учредитель/Издатель</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
Е-mail редакции	caucasology.kbsu@gmail.com
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye- izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, директор Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, директор Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, ректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, президент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афаковна, ректор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Director, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Rector, Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, President, Kabardinj-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Rector, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Director, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Боров Аслан Хажисмелович

Редакционная коллегия

Башиева С.К. (заместитель главного редактора),
Мусукаева А.Х. (заместитель главного редактора),
Аликаев Р.С. (заместитель главного редактора),
Азикова Ю.М. (ответственный секретарь),
Баразбиев М.И., Бозиева Н.Б., Борова А.Р.,
Геляева А.И., Гукепшочков М.Х., Дзамихов К.Ф.,
Кажаров А.Г., Камбачоков А.М., Каранашев А.Х.,
Карданов М.Л., Кетенчиев М.Б., Кимов Р.С.,
Кочесоков Р.Х., Кузьминов П.А., Кучукова З.А.,
Мамсиров Х.Б., Марченко Ю.В., Муратова Е.Г.,
Сабанчиев Х.-М.А., Тамазов М.С., Текуева М.А.,
Тенов Т.З., Тимижев Х.Т., Тхагапсоев Х.Г., Шидов А.Х.

Editor-in-Chief

Borov Aslan Hazhismelovich

Editorial board

Bashieva S.K. (Deputy Editor-in-Chief),
Musukaeva A.Kh. (Deputy Editor-in-Chief),
Alikaev R.S. (Deputy Editor-in-Chief),
Azikova Yu.M. (Executive Secretary),
Barazbiev M.I., Bozieva N.B., Borova A.R., Gelyaeva A.I.,
Gukepshokov M.Kh., Dzamikhov K.F., Kazharov A.G.,
Kambachokov A.M., Karanashev A.Kh., Kardanov M.L.,
Ketenchiev M.B., Kimov R.S., Kochesokov R.Kh.,
Kuzminov P.A., Kuchukova Z.A., Mamsirov Kh.B.,
Marchenko Yu.V., Muratova E.G., Sabanchiev H.-M.A.,
Tamazov M.S., Tekueva M.A., Tenov T.Z.,
Timizhev Kh.T., Thagapsoev Kh.G., Shidov A.X.

СОДЕРЖАНИЕ***ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА*****Апфельбаум А.С.**Участие народов Кавказа в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. **12-41****Пазов И.С.**Финансы и экономика Нальчикского округа в начале XX века **42-64**
(1905-1917 гг.)**Прасолов Д.Н.**Съезды доверенных в Нальчикском округе: эволюция после **65-75**
революций**Шорова М.Б.**Борьба с детской беспризорностью в Северо-Кавказском крае в **76-91**
1920-е гг.**Мамсиров Х.Б., Лаврова Н.С.**Политика коренизации на Северном Кавказе в 1920-1930-х годах в **92-130**
зеркале архивных документов: цели и результаты**Аккиева С.И, Геккиев А.Б.**Понятие справедливости в культуре и истории балкарского народа **131-144****Фоменко В.А.**Об актуальных проблемах изучения и сохранения археологического **145-160**
наследия в Кабардино-Балкарии***ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА*****Борова А.Р.**Эволюция пространственных восприятий в лирике кабардинских **161-169**
поэтов советской эпохи**Керимова Р.А.**Карачаево-балкарская поэзия конца XX – начала XXI века: **170-181**
тенденции и особенности

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА

Горюшина Е.М.

Конфликтный потенциал кавказского региона в оценках западных экспертов **182-191**

Узнародов Д.И.

Ногайский вопрос в постсоветской России: актуальное состояние и исторические предпосылки **192-203**

КАВКАЗ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

Башкан А.

Растущее присутствие Китая на Кавказе и его окрестностях: новый шелковый путь **204-225**

Наши авторы

226-227

CONTENTS

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY OF THE CAUCASUS**Apfelbaum A.S.**Participation of the Peoples of the Caucasus in the Russian-Turkish War of 1828-1829 **12-41****Pazov I.S.**Finance and Economy of Nalchik District in the Beginning of the XX Century (1905-1917) **42-64****Prasolov D.N.**Congress of Entrusted in the Nalchik District: Evolution After the Revolutions **65-75****Shorova M.B.**Struggle with Child Impartiality in the North Caucasian Territory in the 1920s **76-91****Mamsirov H.B., Lavrova N.S.**The Policy of Indigenization in the North Caucasus in the 1920-1930s in the Mirror of Archival Documents: Goals and Results **92-130****Akkieva S.I., Gekkiev A.B.**Concept of Justice in Culture and History of the Balkar People **131-144****Fomenko V.A.**On the Actual Problems of Studying and Preserving the Archaeological Heritage in Kabardino-Balkaria **145-160*****FOLKLORE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS*****Borova A.R.**Evolution of Spatial Aptitude in Lyrics of the Soviet Era's Kabardian Poets **161-169**

Kerimova R.A.

Karachay-Balkar Poetry of the End of the 20th – Beginning of the 21th Century: Trends and Features **170-181**

POLITICAL REGIONALISTICS AND ETHNOPOLITICS

Goryushina E.M.

Conflict Potential of the Caucasus Region in Evaluation of Western Experts **182-191**

Uznarodov D.I.

Nogai Question in Post-Soviet Russia: Current Status and Historical Background **192-203**

CAUCASUS IN INTERNATIONAL AFFAIRS

Başkan A.

China's Growing Presence in the Caucasus And its Neighbourhood: New Silk Road **204-225**

Our authors

226-227

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

УДК 94 (479)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-12-41

**УЧАСТИЕ НАРОДОВ КАВКАЗА В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ
1828-1829 гг.****А.С. АПФЕЛЬБАУМ***Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173*

Аннотация. Статья представляет собой извлечение из неопубликованной работы рано ушедшего из жизни одаренного историка Александра Семеновича Апфельбаума (1956-1994)¹. Редакция сочла неоправданной ситуацию, когда интересный материал, иллюстрирующий укрепление связей народов Кавказа с Россией в условиях русско-турецкой войны 1828-1829 гг., остается не вовлеченным в научный оборот. Автор рассматривает в комплексе вопросы внешнеполитической ориентации народов Кавказа, формы и масштабы их участия в военных действиях на стороне России, значение итогов войны для всего региона и его отдельных подразделений. Война 1828-1829 гг. рассматривается в качестве важной этапной вехи в истории Кавказа и в складывании единства исторического развития русского и кавказских народов. Повсеместное активное выступление народов региона на стороне России в войну рассматривается в качестве весомого фактора, повлиявшего на ход военных действий. Почти 10 тысяч представителей кавказского населения, составлявшие более трети войск России на кавказском театре военных действий, значительно укрепили войска Отдельного Кавказского корпуса и внесли большой вклад в победу над Турцией. Ликвидация военно-стратегических плацдармов Османской империи в регионе привела к значительному сокращению ее возможностей влиять на обстановку на Кавказе. Адрианопольский мир знаменовал присоединение к России Черноморского побережья Кавказа и Ахалцихского края, тем самым завершив международно-признанное и юридически оформленное присоединение Кавказа к России. Определяющая роль для дальнейших исторических судеб региона отводится общению передовых кавказцев в ходе войны с членами освободительных движений и с представителями прогрессивных течений русской общественной мысли в целом.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1828-1829 гг.; Отдельный Кавказский корпус; кавказский фронт; народы Кавказа; ополчение; конно-мусульманские части; офицеры-декабристы; Адрианопольский мир; культурное общение; укрепление связей.

**PARTICIPATION OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS IN THE
RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1828-1829****A.S. APFELBAUM**

---

¹ Апфельбаум А.С. Кавказ и русско-турецкая война 1828-1829 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. – Нальчик: КБГУ, 1985. – 226 с.

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173*

Abstract. The article represents an excerpt from unpublished work of a gifted historian Alexander S. Apfelbaum (1956-1994), who regrettably early passed away. Editors of the Caucasology journal have found it unjustified that such an interesting material illustrating the ties of the Caucasian peoples with Russia in times of the Russian-Turkish war of 1828-1829 are not yet involved in scholarly discussions. The Author examines in conjunction the issues of Caucasian peoples' orientation in international relations, scale and forms of their participation in armed strife on Russia's side, significance of the war's outcomes for the region as a whole and for its different territorial subdivisions. The War of 1828-1829 is considered as an important milestone in the history of the Caucasus and in shaping the unity of the historical development of the Russian and Caucasian peoples. The countrywide ardent participation of the region's peoples in the war on the Russian side is considered as a weighty factor in the course of military operations. Almost 10 thousand Caucasians, who constituted more than a third of the Russian troops in the Caucasian theater of military operations, significantly strengthened the forces of the Detached Caucasian Corps and made a meaningful contribution to the victory over Turkey. The elimination of the military-strategic footholds of the Ottoman Empire in the region led to a significant reduction in its ability to influence the situation in the Caucasus. The Adrianople Treaty fixed the accession by Russia of the Black Sea coast of the Caucasus and the Akhaltsikhe region thus completing the process of internationally acknowledged and legally registered joining of the Caucasus to Russia. The pivotal role for the consequent historical development of the region is assigned to the contacts that advanced Caucasians had during the war with members of the liberation movements and with representatives of progressive currents of Russian social thought in general.

Keywords: Russian-Turkish war of 1828-1829; Detached Caucasian Corps; Caucasian front; peoples of the Caucasus; the militia; cavalry-muslim units; officers-decembrists; Adrianople Treaty; cultural communication; strengthening ties.

1. Создание кавказских воинских иррегулярных формирований для участия в войне в составе русских войск

Крупные победы, одержанные Отдельным Кавказским корпусом над превосходящими силами турок, вызвали недоумение и в Западной Европе, и в Турции, и в самой России, в чем можно убедиться, внимательно проанализировав некоторые статьи того времени в «Русском инвалиде» и «Московских новостях». Следует вспомнить, что и первоначальные планы царской ставки были значительно менее масштабны по сравнению с действительными достижениями на Кавказском фронте. Однако в начале войны даже эти скромные наступательные установки казались проблематичными, так как командование Отдельным Кавказским корпусом и Главный штаб русской армии прекрасно осознавали всю ограниченность средств корпуса, значительно уступавшего по численности войскам Османской Турции в этом районе. Активные наступательные операции были затруднены протяженностью военного кордона, в любом месте которого турки могли прорваться в глубь Закавказья. Не хватало маневренных кавалерийских частей, в то время как турки в избытке имели иррегулярную конницу, от которой можно было ждать высокой маневренности.

Наиболее верным средством сбалансировать ситуацию в этих условиях было формирование ополчения и иррегулярных частей из представителей кавказских народов. В некотором смысле это был единственно возможный резерв корпуса, ибо ждать подкрепления из Центральной России не приходилось. Совместные выступления русских войск с кавказцами на поле брани восходят своими корнями к XVI веку, когда в составе армии Ивана Грозного сражались адыгские формирования. В период Отечественной войны 1812 г. мысли об использовании кавказцев в борьбе против Наполеона, в своеобразной форме проявились в действиях Романа Медокса, выдавшего себя за гвардейского офицера и адъютанта министра полиции Соковнина и попытавшегося организовать «черкесские ополчения» [Утверждение... 1904: 131] в районе Кавказской линии. И хотя полуавантюрные попытки Медокса-Соковнина потерпели неудачу, они показательны как в плане идей, «носившихся в воздухе», так и в плане того энтузиазма, который был вызван действиями Медокса у самих горцев. Очень хорошо зарекомендовали себя временные кавказские ополчения в период русско-персидской войны 1826-1827 гг.

Поэтому не удивительно, что к началу новой войны снова был поднят вопрос о создании кавказских формирований. Правда, сама мысль об этом зачастую наталкивалась на упрямое сопротивление царских вельмож, недоверчиво и презрительно относившихся к кавказским народам. Весьма характерно в этом отношении мнение Нессельроде, писавшего 10 февраля 1828 г. начальнику главного штаба русской армии Дибичу: «Касательно набора вспомогательного отряда между горцами на случай войны с турками, я должен откровенно вам сказать, милостивей государь, что имея в виду прежние опыты, я бы отнюдь не желал подобного набора, во-первых, потому что не всегда можно положиться на их верность, во-вторых, стоят сии отряды чрезвычайно дорого или прямыми или косвенными издержками и по заключению мирного договора притязания лиц, составлявших в прежние времена вспомогательные отряды, были всегда преувеличены и бесконечны» [РГВИА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 2539. Л. 8 об. – 9]. Когда в конечном счете было принято решение о создании кавказских формирований, то причиной этого была крайняя нужда.

Показательной в этом смысле была позиция Паскевича, начиная с января активно поднимавшего вопрос о создании кавказских формирований в составе корпуса. Впоследствии многие историки как отечественные (Лукьянович, Ушаков, Потто), так и зарубежные (Фонион, Валентини) изображали Паскевича главным инициатором формирования кавказских частей, верным другом и добрым покровителем сражавшихся в этих частях воинов. Такое изображение не соответствует истине. Возвращенный в придворной атмосфере, карьерист Паскевич отнюдь не был ярким сторонником русско-кавказского сближения. Однако в силу своего служебного положения он лучше многих чинов царской ставки видел, что единственным условием успешного выполнения задач войны может быть только опора на народы Кавказа. Имеющиеся в его письмах, рапортах и приказах по корпусу упоминания о героизме и успешных действиях кавказских войск являются лишь констатацией общеизвестных фактов.

Уже в марте 1828 г. царской ставкой обсуждался вопрос о формировании «земского ополчения» в Закавказье и использовании отрядов местных властей [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4649. Л. 1-3]. В результате этого обсуждения и после консультации с Паскевичем было издано распоряжение о формировании ополчения в составе 1600 пехотинцев (1000 азербайджанцев и 600 армян), 1500 кавалеристов (все азербайджанцы) и одного батальона сарбазов (пехотинцев по персидскому образцу) из числа «ереванских мусульман» [Ибрагимбейли 1969: 220]. Отряды эти должны были соединиться с концентрировавшимися на граница силами Главного действующего корпуса не позже 1828 г. [Ибрагимбейли 1969: 220]. Несколько позже, в мае-июне 1828 г., были сформированы отряды мегрельской и имеретинской милиции, защищавшие впоследствии Боржомское ущелье и участвовавшие во взятии Поти и в боях в Гурии. Осенью после ликвидации Гурийского княжества, были сформированы отряды гурийской милиции.

Принципы формирования кавказских ополчений в 1828 году были сходны с методами формирования в предшествующую русско-персидскую войну. Это были традиционные для этих мест феодальные ополчения под руководством своих владетелей (беков, агаларов, меликов, князей) и содержавшиеся, в значительной своей части, как за их счет, так и за счет самих ополченцев. Несмотря на это, кавказские ополчения, как мы увидим позже, очень хорошо себя показали и сыграли важную роль в успехах русских войск. Всего по нашим подсчетам общая численность кавказских ополчений, сражавшихся в первый год войны в разных местах кавказского театра, достигла 8 тысяч человек, что составляло 1/3 часть всех войск, непосредственно действовавших против турок.

Хорошие результаты использования кавказских войск в боевых действиях первого года войны, явная поддержка кавказскими народами России в этой войне, проявившаяся уже в первый период военных действий, а также то тяжелое положение, в котором малочисленные русские силы оказались перед лицом многократно превосходившего их противника к весне 1829 г., заставило русское командование решиться не более широкомасштабное привлечение кавказских народов к участию в боевых действиях в составе Отдельного Кавказского корпуса. Хорошо изучивший вопрос об участии азербайджанских, армянских, грузинских формирований в войне советский историк Хаджи-Мурат Ибрагимбейли указывает, что активное участие в создании этих формирований зимой и весной 1829 г, принимали офицеры-декабристы Н.Н. Раевский (впоследствии на свой страх и риск отправивший офицера Горишева в Пятигорск для набора кабардинцев в армию), И.Г. Бурцов, а также представитель прогрессивных слоев азербайджанского общества, герой войны Аббас Кули Ага Бакиханов [Ибрагимбейли 1969: 228-229]. Следует добавить, что из других представителей прогрессивных слоев Кавказа в числе инициаторов использования кавказцев в составе войск корпуса в 1829 г. можно назвать кабардинца генерала князя Бековича-Черкасского [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6230. Л. 79] и генерала князя Чавчавадзе.

В 1829 г. кавказские части формировались на новых принципах. От каждых пяти дворов набиралось по одному ополченцу. При этом обор был поручен представителям царской администрации, а не местным феодалам, как это было раньше. На этот раз и содержание кавказских частей производилось полностью за счет царского правительства, что позволило придать частям постоянный характер на протяжении всей кампании 1829 г.

Формированием конно-мусульманских полков в Азербайджане занимался начальник азербайджанских провинций князь Абхазов [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 117. Л. 3. Распоряжение Паскевича Абхазову от 23 февраля 1829 г.], в Грузии – генерал Сипягин, в Армении – генерал Чавчавадзе [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 117. Л. 24. Распоряжение Паскевича Абхазову от 23 февраля 1829 г.]. Следует отметить, что, несмотря на то, что основную часть сформированных весной 1829 г. 4-х конно-мусульманских полков составляли азербайджанцы, ими состав этих полков не исчерпывался. В конно-мусульманских полках служили кабардинцы, чеченцы, дагестанцы, а также армяне и грузины [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 117. Л. 24. Распоряжение Паскевича Абхазову от 23 февраля 1829 г.]. Армян особенно много было в 4 полку, формовавшемся в Армянской области [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 117. Л. 3. Распоряжение Паскевича Абхазову от 23 февраля 1829 г.]. Конно-мусульманские полки перед вступлением в боевые действия проходили военную подготовку под руководством русских офицеров, причем в полном соответствии с программой, по которой проходили боевую выучку русские кавалерийские полки [Ибрагимбейли 1969: 236].

Всего было сформировано четыре конно-мусульманских полка, по шесть сотен в каждом, увеличено число сарбазов в Нахичеванском и Эриванском полубатальонах, сформирован полк Кенгерлы в тюркских селениях Нахичевани, а в Баязетском пашалыке – ополчение армян и конный полк из тамошних курдов [Потто 1889: 285]. В Баязете активным организатором армянского ополчения был влиятельный деятель мелик Мартирос. Прокламация Паскевича вызвала большой энтузиазм. С инициативой образования грузинских полков в составе Отдельного Кавказского корпуса выступила часть грузинских дворян [Акты... 1878: 326]. Весной 1829 г. было сформировано двухтысячное грузинское ополчение для защиты Боржомского ущелья, однако затем формирование частей в Грузии натолкнулось на преграду в виде крестьянских волнений, охвативших ряд грузинских уездов и затем перекинувшихся на Шамшадильскую, Борчалинскую, Казахскую дистанцию. По поводу этих волнений разными исследователями в разное время высказывалась различные мнения. Мы полагаем, что более правильным является мнение Х.-М. Ибрагимбейли, считающего, что волнения были вызваны новыми методами набора, слишком напоминавшими непопулярные наборы рекрутов в крепостнической России. «Грузины и азербайджанцы, - пишет Ибрагимбейли, - не отказывались от службы в иррегулярных формированиях и участия в войне, но опасались «25-летней солдатчины» и потому выступали за сохранение былых форм организации ополчения» [Ибрагимбейли 1969: 233]. К этому можно, по нашему мнению, добавить

только, что в ряде мест выступления против рекрутчины были переплетены с антифеодальным и антикрепостническим движением, не прекращавшимся и в период войны. Так было, например, в рутульских селениях, где крестьяне выступали не столько против наборов в армию, сколько против произвольных денежных сборов, налагавшихся на них под этим предлогом царскими чиновниками и местными помещиками [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4648. Л. 42. Докладная записка генерала Сипягина от 18 декабря 1828]. Вообще произвол провинциальных царских бюрократов, способных своими грубыми действиями извратить самое доброе начинание, сыграл, видимо, не последнюю роль в разжигании волнений.

Тем не менее кроме боржомского ополчения в рядах Отдельного Кавказского корпуса сражались в 1829 г. действовавшие на старых основах отряды гурийской и мегрельской милиции. Определенное количество бойцов-грузин было в составе конно-мусульманских частей.

Общая численность всех кавказских иррегулярных частей, милиции и ополчений, сражавшихся против турок в 1829 г., в соответствии с нашими подсчетами, составляла свыше 10 тысяч человек, что превышало 1/3 часть сражавшихся против турок на Кавказе войск.

С первых же дней войны воины-кавказцы отличались высокими боевыми качествами и играли большую роль в победах русской армии. Уже под стенами Карса среди особо отличившихся было много бойцов из кавказских частей. Знаком военного отличия за взятие этой крепости были награждены Марам-Шахверды Оглы из карабахской конницы и Измаил-Микаил Оглы из ширванской конницы [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 46. Л. 125, 129.]. За взятие Карса получил награду также капитан азербайджанской кавалерии Аббас-Кули-Ага [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 46.]. За храбрые действия под стенами Карса особым приказом Паскевича по корпусу были отмечены также сражавшийся в рядах кавказской кавалерии осетинский старшина подпоручик Султан Дударов, азербайджанцы Мамад-Кули-бек Карабахский, Мустафа Юсуф, Умбай-бек, Вагин-бек, Аджи-Гассан Султан-оглы, Мирза Али-бек, Рагим-бек Оглы и другие [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 53-53 об.].

По отзывам всех современников, наблюдателей, военных специалистов решающую роль в успехах операции Гессе против Потти 15 июля 1828 г. сыграла мегрельская конница во главе с князем Дадиани. Паскевич вынужден был отметить их героизм в рапорте царю [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4649. Л. 100]. В эти же дни был совершен один из ярчайших подвигов за всю историю войны. 21 июля большой контингент турецких войск атаковал из Ацхура Боржомское ущелье, желая ворваться во внутренние области Грузии. Им преградил дорогу маленький отряд имеретинской милиции под командованием штабс-капитана Вазирова. На каждого грузинского бойца приходилось 13 турок, однако защитники Боржомы отразили несколько ожесточенных штурмов и в конце концов заставили противника повернуть [Потто 1889: 200]. События июля 1828 г. в юго-западной Грузии показали туркам, по мнению Потто, «как неосновательны были их расчеты на сочувствие к ним народов картвельского

племени, а русские, напротив, могли убедиться в их искренней преданности» [Потто 1889: 261].

Русские войска продолжают наступать, и вот уже в новом рапорте в Главный штаб Паскевич отмечает особые заслуги кавказских частей при взятии крепостей Ахалкалаки в Хертвиса [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4649. Л. 104]. В операции против Хертвиса они выступали под командованием полковника Н.Н. Раевского. За взятие Ахалкалаки и Хертвиса приказом по корпусу были отмечены начальник Карабахского ополчения поручик Гюль-Мамет и младшие командиры Карабахского и Борчалинского Шамшадильского ополчения Мирза-Али-бек, Джафар-бек, Караман-Ага, Векил-Ага, Киши-бек, Ага Джан-Султан Мустафа Султан-оглы [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 50 об. – 51]. Самой яркой страницей летней кампании 1828 г. было взятие Ахалциха, сопровождавшееся разгромом войск Киос-Магомед-паши. И здесь Паскевич не мог не отметить мужество и выдержку кавказских кавалерийских частей. Здесь вновь отличились Умбай-бек, Мирза-Али-бек, Ага Киши-бек, Караман-Ага, Векил Огур Хан-Оглы, Джафар-бек, а также Ягья-бек, Караман Мамет-бек, Кярим-бек-оглы, Рустам-бея, Али-бек, Фараджулла-бек, Ага Джан-Султан Мустафа Оглы [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 72 об. – 73]. При взятии Ахалциха особо отличились также бойцы армянского пехотного ополчения Алиханов, Аганезов, Петросов [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 72 об. – 73]. Орденом святой Анны были награждены осетины Темрюк Дударов, Дуда Мамсуров, Аза Шелаев и другие, чеченец Гаджи Бималсадов. После взятия Ахалциха отряд под командованием Берхмана и Бековича-Черкасского был двинут вдогонку за убегающими остатками корпуса Киос-Магомед-паши, а затем овладел Ардаганом. В составе отряда Берхмана находились части армянского ополчения. Они сыграли выдающуюся роль в успехе этой операции [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 14. Журнал военных действий отряда Берхмана]. Паскевич в своей записке в журнале Главного действующего корпуса от 28 августа 1828 г. отмечает храбрость армянских ополчений и командовавшего ими в эти дни князя Бековича-Черкасского при взятии Адагана [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4649. Л. 171]. В то же время отряды грузинской милиции успешно участвовали во взятии крепости Ацкура [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4649. Л. 138], откуда османы угрожали внутренним областям Грузии.

В тяжелые месяцы зимы и весны 1829 г., когда основные силы Главного корпуса находились на зимних квартирах в различных областях Закавказья, роль кавказских ополчений еще более возросла. Паскевич использовал их для защиты уязвимых мест русских кордонных линий, которые столь рьяно атаковались турками в этот период. Все архивные материалы, свидетельства современников, указания историков в один голос утверждают решающую роль грузинской гурийской кавалерии в сражении при Лимани, где были разбиты войска рвавшегося в Западную Грузию и на Северный Кавказ трапезундского паши. Именно атаки гурийцев обратили в бегство силы паши. Этот факт особенно показателен, если учесть ту усиленную пропагандистскую обработку, которую проводили османы от имени династии прежних властителей Гурии. За «отменное мужество» в сражении под Лиманью были награждены военными

отличиями Церетели, Лемидзе, Дидабуладзе [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 116-116 об.]. В апреле 1829 г. вновь возросла угроза прорыва турецкой конницы в Грузию через Боржомское ущелье. Именно в это время здесь появляется корпус сераскерского начальника штаба Кягьи-бека. Одновременно активизировались в направлении Боржоми силы аджарских беков. Не имея наличных сил для защиты этого важнейшего прохода Паскевич использовал здесь грузинское ополчение, которое и пресекло все попытки захвата турками ущелья. За героизм при обороне ущелья военными отличиями были награждены унтер-офицеры Кайхосро Багратион Мухранский и Иосиф Сакарадзе [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 115-116 об.].

Во время второго наступления Ахмед-бека на Ахалцих среди войск, преградивших ему дорогу, был только что сформированный первый конно-мусульманский полк. Он, в частности, принял активное участие в бою 1 мая 1829 г. у селения Цурцукаба [ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 113. Л. 3]. Здесь полностью проявились высокие боевые качества кавказских частей, сформированных с помощью новых методов в 1829 году.

Трудно переоценить роль четырех конно-мусульманских полков иррегулярной конницы Кенгерлы в решающих боях на Саганлуге. Следует помнить, что они составляли в это время до половины всей кавалерии, столь нужной Паскевичу в условиях сражений при Каинлы и Меллидюзе, в обстановке быстро меняющейся ситуации и острой необходимости широкого маневра кавалерийскими частями. Это признавал в свое время в своем журнале и Паскевич [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4643. Л. 183]. За сражения при Каинлы и Меллидюзе орденами, военными отличиями и производством в следующий чин были награждены 98 офицеров конно-мусульманских полков, в том числе прикомандированные к этим полкам офицеры-армяне (Григорий Абамеликов), грузины (Заал Баратов), кабардинцы (Хакаш Перхишев), чеченцы и ингуши (Телов Кайтукин, Ханакай Атавов) [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4649. Л. 169-170 об.].

Не менее активно сражались в эти дни кавказцы на флангах русских войск. Героические страницы вписало оборонявшееся в июне 1829 г. Баязет от войск ванского паши армянское ополчение. Об этом Паскевич позже писал: «В Баязете, государь, 2 тысяч армян храбро сражались в рядах ваших войск» [Щербатов 1891: 226] Более 100 из них геройски пали на стенах и улицах города. Специальным приказом по корпусу за храбрость в дни обороны Баязета были отмечены и представлены к офицерским чинам Мелик Мартиросов, Мекертич Ага, Антон Агаджанов [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 36.]. Советский исследователь Ц.П. Агаян указывает: «Героическая защита Баязета стада еще одной славной вехой на пути боевого содружества русского и армянского народов» [Агаян 1978: 224]. В то же время на северном фланге, в Гурии, грузинские ополчения вместе с войсками Гессе преграждали путь туркам в глубь Закавказья. Всю армию облетела весть о подвиге, совершенном 8 мая 1829 г. ополченцем Бежаном Болквадзе. Во время разведки у селения Озургети он вступил один в бой с 8 турками, двоих из них ранил, двоих убил, а остальные обратились в бегство, «сам же в борьбе сей был ранен кинжалами в обе руки я в ногу» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 230-231. Приказ по

корпусу от 24 ноября 1829 г.]. Подвигу Болквядзе был посвящен специальный приказ по корпусу от 15 июля 1829 г. Храбрый ополченец был произведен в офицерский чин прапорщика – случай не очень частый в царской армии.

Быстрые действия кавалерийских кавказских частей во время наступления на Эрзерум сыграла немалую роль в почти бескровном взятии столицы Восточной Анатолии. За успешные действия у стен Эрзерума был награжден военным отличием дагестанец Аскар-Исмаил-оглы. Оценивая роль кавказских формирований в операциях июня 1829 г., Паскевич рапортовал в Петербург: «В атаках были все впереди, бросались мужественно на неприятельскую пехоту, большая часть пушек, знамен и пленных отбиты ими» [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4809. Л. 482].

В этот период в различных областях Кавказа наблюдался значительный подъем энтузиазма, связанный с началом русского наступления в Восточной Анатолии. По собственному почину формируются и отправляются на фронт отряды ополченцев. Потто сообщает даже, что под стены Эрзерума прибыл влиятельный среди чеченцев известный противник царской власти на Северном Кавказе Бей-Булат Таймазов, чтобы «добровольно служить в русской армии и на парадном обеде в честь взятия Эрзерума сидел за столом Паскевича рядом с русскими офицерами и А.С. Пушкиным» [Потто 1889: 479].

Сведения об участии в боях на стороне России известных врагов царизма на Кавказе даже, возможно, и несколько преувеличенные, прекрасно характеризуют те настроения, которые господствовали на Кавказе летом 1829 г. Впечатление от побед российских войск в Анатолии и тот энтузиазм, который они вызывали в широких кругах кавказского общества, могли оказать влияние на определенное время и на некоторых активных участников прежних движений, направленных против царских властей. Говоря об участии кавказских ополчений в операциях на Эрзерумском направлении и во взятии столицы турецкой Армении, нельзя не упомянуть и наличие здесь армянских добровольческих дружин. Факт участия армянских формирований во взятии древних армянских городов (Карса, Эрзерума) рассматривается современным исследователем В.А. Дилояном как свидетельство того, что «армяне старались придать национально-освободительный характер войне» [Дилоян 1974: 82].

Не менее важна, чем на начальном этапе кампании, была роль кавказских формирований в боях, развернувшихся на трапезундском направлении в июне-сентябре 1829 г. В тяжелом для русской армии бою у селения Харт 19 июля 1829 г. они отличились в лучшую сторону. За храбрость в этом бою были награждены орденами и отличиями офицеры конно-мусульманских частей азербайджанцы капитан Гусейн-Бек Шихали-Бек Оглы, прапорщики Нух-Бек Шихали-Бек Оглы, Расул-Бек, Гаджи Ахмет Султан Оглы, Мурсали-Бек Ляли бек Оглы и многие другие [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 240-241. Приказ по корпусу от 24 ноября 1829 г.]. В конце июля во время наступления основных сил корпуса на север, в боях под Балахором и Бейбуртом храбро сражались отряды чеченских, дагестанских ополчений, нахичеванская конница Кенгерлы, курды, вступившие в отряды Отдельного Кавказского корпуса, ополчение карских армян. Особенно отличился полусотенный отряд дагестанских горцев,

приведенный на фронт Ибрагим-беком табасаранским. Самостоятельно сформированный в Дагестане, этот отряд, торопясь не фронт, «пренебрег обыкновенными дорогами и прошел через вершины снегового Шах-Дага» [Потто 1889: 539].

В это же время на северо-востоке, у побережья Черного моря, между Кинтриши и Сзургети русские бойцы отряда Гессе в соединении с гурийским и мегрельским ополчением сорвали последнюю отчаянную попытку турок прорваться во внутренние районы Западной Грузии. В сражении 4 августа у Муха-Эстатэ, где, как указывалось выше, был разбит 8-тысячный турецкий корпус Тусчи-оглы, «вся честь победы принадлежала храброй милиции, заплатившей за нее кровью ста своих лучших воинов» [Потто 1889: 589].

Гурийскому и Мегрельскому ополчениям вручены за эту битву знамена. Возглавлявший мегрельское ополчение князь Дадиани получил орден св. Александра, его сын Давид – орден Владимира с бантом. Во время операций отряда Симоновича в Олтинском санджаке неувядаемой славой покрыли себя 2-й конно-мусульманский полк и конница Кенгерлы. У селения Сурп-Саркис они вступили в бой с превосходящим их количеством и занявшим к тому времени выгодные высоты отрядом делибашей и в ожесточенном кровавом бою разгромили этот отборный контингент турецкой кавалерии [Акты... 1878: 824].

В венчавших кампанию 1829 г. боях у Бейбурта 26 в 27 сентября 1829 г. смелые атаки кавказских кавалерийских частей и армянского ополчения внесли значительный вклад в разгром войск трапезундского паши – последнего султанского резерва в Восточной Анатолии. За храбрость под Бейбуртом орденами были награждены капитан Ассан-ага, князь Аслан Аргутинский-Долгоруков, следующие чины подучили азербайджанцы Мамад-Кули-бек, Кассум-ага Абдел-оглы, грузин Григорий Мачабели, дагестанец (из Дербента) Аслан-бек-Шефир-Оглы, карачаевец Ибрагим Мустафьев [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 251 об. Приказ по корпусу от 15 декабря 1829 г.].

Знаками военных отличий были награждены осетин (из Тагаурии) Азо Санаев, чеченец Ака Асланов [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 252. Приказ по корпусу от 15 декабря 1829 г.]. Специальной серебряной медалью на георгиевских лентах были награждены чеченец Бацук, карачаевцы Магул Реза, Омар Тары Кули, Султан-Аби-оглы, Ваад-Магмад-оглы [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 252. Приказ по корпусу от 15 декабря 1829 г.]. Паскевич, оценивая то значение, которое кавказское ополчение приобрело во время войны в рядах его корпуса, указывает, что оно «служило весьма усердно и во многих случаях, быв подкрепляемое регулярной конницей и артиллерию, было полезно» [Акты... 1878: 326]. Такая оценка в устах представителя царских административных кругах, в большинстве своем недоверчиво относящихся к кавказским народам, звучит весьма высоко. Значительно более восторженно оценивали роль кавказских формирований в войне наблюдатели событий, относящиеся к прогрессивным слоям русского общества. Такую оценку можно найти, например, в «Путешествии в Эрзерум» А.С. Пушкина [Пушкин 1936]. Характерен отзыв П.П. Зубова, находившегося в русском лагере во время боев на Саганлуге и взятия Эрзерума: «Надо видеть сии (кавказские – А.А.) полки в

сражении, чтобы судить о них – это молния, это огонь раздраженного бога, упавший вдруг с неба в середину неприятелей и рассыпавший смерть и ужас. Я видел их ... и до сего времени с восторгом вспоминаю чудеса храбрости, совершенные перед моими глазами полками мусульманскими» [Зубов 1834: 107].

По завершении войны в знак награды за храбрость кавказских кавалерийских полков городам, где они формировалась (Шемаха, Гянджа, Шека и другие) были дарованы знамена.

Таким образом, вклад, внесенный кавказскими ополчениями в победу русских войск на Кавказском театре военных действий, представляется несомненным. Однако общий вклад народов Кавказа в эту победу этим не ограничивается. Большое количество кавказцев служило непосредственно в составе русских войск, причем занимали здесь офицерские посты на всех уровнях. Уже в боях за взятие Карса особо отличились и были награждены различными орденами и переводом в следующие чины офицеры-грузины Андронников, Дадиани, Ратиев, Абашидзе, Амирэджибов, Вачнадзе, Эристов, армянин Лазарев, кабардинец Бекович-Черкасский, азербайджанец Шемир-Беллярров [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 45-49 об. Приказ по корпусу от 12 апреля 1829 г.]. Во время осады и взятия Поти особо отличились и были награждены орденами майор Чичуа, подпоручики Микаладзе, Геловани, Церетели, Георгий Дадиани, Чиквани, Микадзе, прапорщики Накахинадзе, Пагава, Ширвашидзе, Бакрадзе [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 122 об. – 123]. Отличились офицеры-кавказцы и в решающих в 1828 году боях под стенами Ахалциха. Паскевич особо отметил в рапорте героизм штабс-капитана Мамия Орбелиани во время битвы с корпусом Киоса-Магомеда-паши [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4649. Л. 138.]. Орденами различных категорий, знаками военных отличий и переводом в следующие чины были награждены офицеры-грузины три брата Чавчавадзе, Шаликов, Вахвахов, Амирзджибов, Вачнадзе, Мухелов, Абашидзе, Эристов, азербайджанец Бектибеков, армянин Абамелик [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4649. Л. 175; РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 54-57 об.].

Осенью 1829 г. кавалерийские части турок из западной части Олтинского санджака атаковали Хертвис. Путь им преградил малочисленный отряд под командованием подпоручика Джандиери. Героическая оборона, которой умело руководил молодой офицер-грузин, сорвала попытки турок прорвать кордонную линию русских в этом месте. А весной 1829 г. во время героической обороны Ахалциха Джандиери вновь отличился. Вместе с ним за стойкость в мужество в боях в Ахалцихе были награждены офицеры-грузины Вачнадзе, Эгадзе в другие, армянин Тер-Степанов Араратский [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 115-115 об. Приказ по корпусу от 14 мая 1829 г.]. И этот список можно было бы продолжить. До последнего дня войны кавказцы в составе русских регулярных частей сражались стойко и мужественно, сознавая, что они стоят на рубеже своей Родины и кровью скрепляя связи их народов с Россией.

В составе Отдельного Кавказского корпуса были высшие офицеры, кавказцы по происхождению, чей вклад в стратегическое руководство операциями русской армии трудно переоценить. Здесь прежде всего следует

остановиться на личности кабардинского князя генерала Федора Александровича Бековича-Черкасского. Опытный офицер, участвовавший во многих кампаниях ермоловской эпохи на Северном Кавказе, он отличился уже под Карсом, и в бою и в переговорах о взятии крепости, в которых Бекович участвовал вместе с начальником штаба корпуса генералом Остен-Сакеном. После взятия Карса он был назначен начальником пашалыка. Храбрость, военный талант Бековича в комплексе с большим умом, глубокое знание обстановки, истории, традиций и обычаев народов Кавказа и Турецкой империи делали Бековича незаменимым и непосредственно в боевых действиях, и в руководстве кавказскими формированиями, и в управлении занятыми областями, и в переговорах с противной стороной [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4649. Л. 171. Запись от 28 августа 1828 г.]. Большое значение имела деятельность Бековича против Ардагана. Роль его во взятии Ардагана была специально отмечена Паскевичем в своем журнале. Летом 1829 г. в боях на Саганлуге генерал Бекович-Черкасский командовал соединенным контингентом кавалерии донского казачьего и 1-го конно-мусульманского полка, активно участвовал в разгроме Меллидюзского лагеря Гагки-паши. Именно атака его колонны явилась завершающей в сражении при Меллидюзе. После разгрома армии сераскера Бекович во главе кавалерийского авангарда преследовал остатки османов, и именно быстрота и натиск его при занятии Хорасана и Гассан-кале не дали туркам возможности прийти в себя и организовать оборону Эрзерума. Во время осады столицы Восточной Анатолии именно Бековичу-Черкасскому было поручено ведение переговоров о сдаче города. Направившись в Эрзерум в сопровождении пяти узденей-кабардинцев, охранявших его в походе, Бекович с большим искусством и мужеством провел переговоры в условиях быстро меняющейся и угрожающей самой жизни посланника обстановки. Пожалуй, именно ему принадлежит заслуга в том, что Эрзерум был взят практически бескровно. И после взятия города именно Бекович назначается его комендантом.

Велика была роль в руководстве действиями корпуса видного представителя прогрессивной общественности Грузии, поэта, друга декабристов, тестя Грибоедова генерала Александра Герсевича Чавчавадзе. В историю русско-турецкой войны 1828-1829 годов он вписал славную страницу, овладев в 1628 г. во главе руководимых им войск Баязетом, Топрак-кале, Диадином и впервые водрузив русское знамя на берегах Евфрата (что, кстати, вызвало сильную зависть и недовольство Паскевича). В качестве начальника Армянской области Чавчавадзе внес немалый вклад в формирование кавказских соединений в составе Отдельного Кавказского корпуса.

Нельзя не назвать здесь и имя другого кавказского военного деятеля генерала-армянина Бебутова, возглавлявшего героическую оборону Ахалциха в феврале-марте 1829 г. Участие этих генералов-кавказцев в военных действиях в определенной мере обеспечило успехи русских войск в сложной обстановке кавказского фронта. Бои против турок и их приспешников шли и на Северном Кавказе. Документами отмечено активное участие в боях против отрядов Ага-

Магомед-бея и Сеид-Ахмед-паши служивших урядниками в Горском казачьем полку кабардинцев Н. Шедакаева, И. Губжокова, К. Ханжуева, С. Улигова, М. Калабекова, П. Наурзокова, В. Кудаяева, С. Нахушева, осетина Камбулата Мистулова, чеченца Шарипа Ходжаева [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 17. Д. 88. Л. 4-14; РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 46. Л. 79]. За особые заслуги и отличия в этих боях из урядника в заурядхорунжие был переведен кабардинец Г. Гошокин, причем сделано это было по личному представлению начальника Кавказской линии генерала Эмануэля [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 46. Л. 143]. Такого же отличия и особого приказа Паскевича по корпусу удостоился другой урядник-кабардинец Мисост Карагачиров [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 225 об. Приказ по корпусу от 6 ноября 1829 г.]. Кавказцы сражались во многих частях русской армии и на Балканском театре военных действий. Здесь можно назвать, например, кабардинца полковника Бегидова, командовавшего казачьим полком в начальный период операции 2-й армии. Он принял активное участие в осаде Силистрии, где командовал контингентом из трех казачьих полков, здесь же был ранен. На заключительном этапе войны Бегидов состоял в корпусе генерала Рота и вполне мог вместе с ним (хотя это пока и не подтверждено документами) участвовать в решившей кампанию битве при Кулевче.

На протяжении всех военных действий русские войска опирались на активную поддержку местного кавказского населения. Эта поддержка чувствовалась и под стенами Карса, и в Ахалцихе, и Эрзеруме, и в Баязете, и на границах Гурии и Имеретии – под Лиманью и Боржоми, и, наконец, на Северном Кавказе, где, например, важнейшие сведения об осажденной Анапе и ее гарнизоне доставили Меншикову проживавшие в городе адыги [Потто 1889: 79-80]. Эта поддержка была наглядно продемонстрирована и после окончания военных действий, когда вслед за уходящими русскими войсками из оставляемых туркам местностей ушло 14044 армянских и грузинских семей, иди 84 тыс. человек [Галоян 1976: 177].

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что сознательное и активное участие кавказских народов в войне на стороне России стало важным фактором, сыгравшим значительную роль в громких победах сравнительно малочисленного Отдельного Кавказского корпуса над количественно превосходящими силами противника.

2. Особенности состава Отдельного Кавказского корпуса

Другим важным фактором, работавшим в том же направлении, были особенности организации несения службы и военной подготовки в Отдельном Кавказском корпусе, а также его состава. Тому, что в ходе всей исследуемой нами войны самые громкие и эффективные победы выпали на долю этого корпуса, соединения довольно малочисленного и отнюдь не избалованного царским вниманием и подкреплениями (в то время как более многочисленные и лучше снабжаемые войска 2-й армии месяцами топтались под стенами турецких крепостей на Балканах), были свои причины. Здесь царил относительный демократизм как внутри офицерского корпуса, так и в

отношениях между рядовыми и значительной частью офицеров. На облике корпуса отражалась и специфичность функций, которые он выполнял. С одной стороны, здесь присутствовала карательная функция подавления всех антицарских движений – как феодально-сепаратистских, инспирированных из-за рубежа, так и народных, освободительных, направленных против колониального гнета и феодальной эксплуатации. С другой стороны, корпус активно выполнял функции защиты Кавказа и его народов от нападений турецких и иранских феодалов, мечтавших о реставрации своей власти или влияний в областях региона. Причем на протяжении всего первого тридцатилетия XIX века эта функция кавказских войск была не менее важна, чем карательная. Роль русских воинов как защитников и освободителей народов Кавказа от крайних форм феодального произвола отсталых азиатских империй наглядно проявилась в ходе войны 1828-1829 годов. Достаточно вспомнить героический подвиг летом 1828 г. русских частей под командованием Федора Бековича-Черкасского, освободивших угоняемое делибашами из-под Карса население, февральско-мартовскую 1829 г. оборону Ахалциха, когда в чрезвычайно трудных условиях осады гарнизон спас и приютил в цитадели до 1000 местных жителей-армян. По словам участника обороны декабриста Петра Бестужева: «Утешно было видеть, с каким патриархальным гостеприимством солдаты наши, сердца закаленные в ужасе сеч и зареве пожаров, делились с ними последнюю крохую пайка» [Воспоминания... 1951: 374]. И недаром войска корпуса с таким энтузиазмом встречались с нетурецким населением Карса, Баязета, Эрзерума, Гюмиш-хане.

Облик Отдельного Кавказского корпуса во многом определяется особенностью его состава. Еще до восстания 14 декабря 1825 г. на Кавказе служили или ездили туда многие лица, в той или иной степени относившиеся к «тайным обществам»: А.А. Авенариус, братья Борисовы, П.А. Муханов, П.К. Каховский, Г.И. Копылов, П.М. Сахно-Устимович, В.Ф. Тимковский, А.Ф. Фурман, П.Д. Черевин, А.И. Якубович [Кавтарадзе 1977: 182]. Позднее здесь оказались подозреваемые в принадлежности к декабристскому заговору А.С. Грибоедов, Н.Н. Муравьев, Н.Н. Раевский-младший, И.Г. Бурцов, В.Д. Вольховский. Все они играли большую роль в жизни и действиях корпуса. Роль в ходе военных действий на Кавказе этих ближайших сотрудников Паскевича, большинство из которых имело в той или иной степени отношение к декабристским обществам, трудно переоценить. Генерал Н.Н. Муравьев принимал активное участие в планировании и проведении многих операций корпуса, и вклад его в победу велик и при взятии Карса, и под Ахалцихом, и во время боев на Саганлуге. Другой «неблагонадежный», И.Г. Бурцов, непосредственно командовал значительным контингентом войск во всех этих операциях и к тому же прославился в ходе войны как руководитель деблокады Ахалциха в марте 1829 г. и победитель турок при Цурцукубе и Дигури. Сын героя войны 1812 г., Николай Раевский показал себя отличным кавалерийским командиром, умелым и инициативным руководителем как русских соединений, так и кавказских. Высланный на Кавказ декабрист В. Вольховский занимал в период Русско-турецкой войны важный пост обер-квартирмейстера Отдельного

Кавказского корпуса и в этом качестве принимал активное участие в оперативном планировании военных действий. Большую роль Вольховского в организации побед русских войск на Кавказе в 1828-1829 гг. отмечали как современники, так и позднейшие военные историки [Гейсман 1910: 84-85].

К этой группе следует отнести начальника штаба корпуса генерала Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена. Человек этот был в очень хороших отношениях с служившими в составе корпуса декабристами и другими «неблагонадежными». В военных действиях он проявил себя умелым стратегом и тактиком, корректировавшим многие огрехи Паскевича и проявлявшим инициативу там, где ее явно недоставало у главнокомандующего.

Паскевич довольно быстро понял, что немедленное введение в вверенном ему корпусе аракатеевских методов руководства войсками, чего требовали от него царь и Главный штаб, может привести к тяжелым последствиям. Он вынужден был на первых порах в условиях войны сохранить, а местами повысить положение «неблагонадежных», служивших в корпусе. Сам Паскевич объяснял это впоследствии так: «Не имея других, которые бы с пользою употреблены быть могли, я, по малому числу людей в сем корпусе способных, принужден был давать поручения мои сего рода чиновникам» [Щербатов 1891: 328-329]. Декабристов в корпусе становилось все больше и больше. Больше всего их было среди солдат, так как именно на Кавказ было сослано большинство солдат гвардейских полков, участвовавших в восстании 14 декабря в Петербурге, и солдат Черниговского пехотного полка. Всего их, согласно сведениям А.В. Фадеева, было в корпусе к концу 1827 года 2800. Из офицеров-декабристов на Кавказ по приговору Верховного уголовного суда были сосланы двое. Затем приказом от 22 августа 1826 г. царь перевел на Кавказ 11 декабристов-офицеров, находившихся с весны 1826 г. в гарнизонах Оренбургской губернии. В 1827-1828 гг. на Кавказ прибыло еще 25 офицеров. Наконец, в 1829 г. на Кавказе оказалось еще 12 офицеров-декабристов [Фадеев 1951: 100].

В Нижегородском драгунском полку служил поручик Н.И. Депрерадович, переведенный сюда из лейбгвардии кавалергардского полка. Поручиком он (ранее разжалованный) стал за особое отличие в персидскую кампанию [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 66. Л. 5]. В Таманском гарнизонном полку служил переведенный из Московского лейб-гвардейского полка прапорщик Д.А. Арцыбашев [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 66. Л. 5]. Из того же полка попали на Кавказ В.А. Волков, служивший штабс-капитаном тенгинского полка, и А.А. Брокке, поручик Мегрельского полка [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 66. Л. 5]. Известный декабрист-преображенец Н.В. Шереметьев служил с конца 1826 г. в Ширванском пехотном полку. Здесь в 1827 г. он прославился в боях с персами, и начальство вынуждено было произвести его в чин подпоручика [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 66. Л. 15]. В рядах Севастопольского и Кабардинского пехотных полков храбро сражались декабристы-измайловцы М.П. Малютин и А.С. Гангеблов [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 65. Л. 5 об.]. В Серпуховском уланском полку служил корнетом бывший кавалергард Васильчиков, а в прославившемся в ходе войны против

турок 41-м егерском полку – поручик А.А. Добринский [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 65. Л. 5 об.]. Большую популярность в рядах Отдельного Кавказского корпуса успел уже завоевать к началу войны подпоручик Ширванского полка А.Е. Рынкевич, ранее разжалованный за принадлежность к «злоумышленным» обществам, а затем представленный к офицерству за отличия в персидской кампании [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 66. Л. 6]. Из членов тайных обществ, игравших значительную роль в руководстве действиями корпуса, мы уже называли Муравьева, Бурцова и Вольховского. Сюда же следует добавить подполковника 42-го егерского полка А.Н. Гвоздева, уволенного в свое время из царской свиты, и полковника того же полка А.М. Миклашевского [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 66. Л. 6]. Активное участие в планировании операций 42-го егерского полка, да и некоторых других частей принимал подпоручик Д.А. Искрицкий, до декабристского восстания служивший в Гвардейском Генеральном штабе. Мегрельским пехотным полком в продолжение всей войны командовал декабрист полковник П.М. Леман [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 65. Л. 6 об.].

Следует отметить, что довольно много декабристов собралось в Нижегородском драгунском полку под командованием Н.Н. Раевского. Здесь служили капитан Н.Н. Семичев, Н.Н. Оржицкий, Квартано и т.д. Григорий Кононицын служил прапорщиком конно-артиллерийского полка. П.И. Пыхачев там же капитаном, Н.Р. Цебриков и Ф.Г. Вишневский в Ширванском пехотном полку, также отличившемся в ходе войны против турок высокими боевыми качествами [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 66. Л. 7].

Друг А.С. Пушкина декабрист М.И. Пущин был разжалован в рядовые и прикомандирован к 8-му пионерному батальону, однако использовался в основном как главный военный инженер корпуса [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 66. Л. 7]. Как один из самых храбрых офицеров куринского пехотного полка отмечается в документах поручик-декабрист Корсаков.

К началу 1829 г. в частях Отдельного Кавказского корпуса служили рядовыми разжалованные офицеры-декабристы: в 41-м егерском Александр Берстель, Захар Чернышев, в линейных Кавказских батальонах – Владимир Толстой, Валериан Голицын, Александр Бестужев; в Северском конно-егерском полку – Николай Булгари; в Куринском пехотном – Петр Бестужев, оставивший интересные записки о русско-турецких военных действиях на Кавказе; в 44-м егерском – Александр Фок; в Тенгинском пехотном – Алексей Веденяпин; в Кабардинском пехотном – Николай Акулов; в Мегрельском пехотном – Эпафродит Мусин-Пушкин; в 42-м егерском – Нил Кожевников и Матвей Лаппа; в Тифлисском пехотном – Борис Бодиско [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 52. Д. 97. Л. 47-47 об.].

Вопрос о пребывании декабристов в Отдельном Кавказском корпусе исследовался целым рядом историков как дореволюционных (Вейденбаум), так и советских (А.В. Фадеев, Х.-М. Ибрагимбеили и многие другие). Менее изученным является вопрос об участии в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. на Кавказе людей, причастных к другим освободительным выступлениям против царизма. Между тем здесь в это время находились и некоторые члены

польских тайных обществ: Ворцель, Корвицкий, Довгер [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 631. Л. 30], участники основанного в Оренбурге декабристом Завалишиным в 1826 г. тайного общества: Старков, Витошников и Шестаков, участники антиправительственного выступления в Литовском пионерном батальоне: Петровский, Восхович, Вилканец, Гофман [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 66. Л. 7].

Таким образом, мы можем на основании всего выше приведенного материала сделать вывод, что практически во всех частях Отдельного Кавказского корпуса и на всех военно-иерархических уровнях были представители наиболее прогрессивных слоев российского общества, имевших в той или иной степени отношение к освободительному движению против царизма. Как правило, это были люди высокоодаренные, проявлявшие свои способности в разных отраслях, в том числе и военной. Некоторые из них участвовали еще в Отечественной войне 1812 года. Были среди них и люди, отличавшиеся глубокими военно-теоретическими знаниями. Достаточно вспомнить того же И.Г. Бурцова, известного своими теоретическими статьями, публиковавшимися в «Военном журнале» [Военный... 1819], впоследствии закрытом Аракчеевым. М.И. Пущин считался одним из лучших военных инженеров в русской армии, а Н.Е. Лачинов проявил себя блестящим топографом.

Глубокие знания, выделявшие декабристов из общей массы офицеров царской армии, сочетались у них с большим личным мужеством и высоким сознанием долга. Отношение декабристов к данной войне проявлялось в многочисленных фактах самоотверженности и героизма офицеров и солдат-декабристов в ходе боев с османами. Уже под стенами Карса большую роль сыграл руководивший осадными работами М.И. Пущин. Здесь необходимо отметить также отличившихся в ходе штурма Н.Н. Акулова и А.В. Веденяпина, Петра Бестужева и Н.Р. Цебрикова. При взятии Ахалциха вновь отличился Пущин, а также Коновницын, Гангелов, Искрицкий, В.Д. Сухоруков. В наиболее героические страницы военных действий на Кавказе вписан подвиг разжалованного декабриста А.А. Фока. Он в разгар боя с войсками Киос-Магомед-паши привял на себя командование ротой егерей, потерявшей своих офицеров, хотя сам был ранен. С поля боя Фока вынесли только после третьего ранения [Фадеев 1951: 105].

Пребывание в составе корпуса большого количества участников освободительного движения против царизма сыграло особую роль и в укреплении особых товарищеских отношений между солдатами корпуса и значительной частью офицеров – отношений, складывавшихся еще в ермоловский период и имевших немалое значение для повышения боевого духа корпуса. Итак, по сравнению с другими соединениями русской армии Отдельный Кавказский корпус отличался большей прогрессивностью своего офицерского и личного состава, и это следует признать весьма положительным фактором и в военном плане, повышавшим общий потенциал корпуса и позволявшим одерживать победы там, где в соответствии с обычными расчетами их быть не должно было.

Следует констатировать, что на первых порах царской военной бюрократии не удалось вполне добиться целей полной изоляции декабристов в корпусе. Весьма часто присылаемые на Кавказ «неблагонадежные» попадали под покровительство высших офицеров, которые сами в той или иной степени имели отношение к «злоумышленным обществам». В числе покровителей декабристов можно назвать и генералов Н.Н. Муравьева, И.Г. Бурцова, оберквартирмейстера В.Д. Вольховского, и А.С. Грибоедова, фактически управлявшего в 1826-1827 годах канцелярией главнокомандующего корпусом, и начальника его штаба Д.Е. Остен-Сакена, сдружившегося с декабристами. Особо следует отметить в этом отношении Н.Н. Раевского, командовавшего драгунской кавалерией в корпусе. Про него Михаил Бестужев впоследствии писал: «Генерал Раевский, бывший член нашего общества и прощенный государем за чистосердечное раскаяние, проживал в Тифлисе (речь идет, видимо, об осени 1828 года – А.А.), наполнил свой штаб большею частью из декабристов и ссыльных офицеров. Прочих, не бывших в его штабе, он ласково принимал у себя в доме» [Бестужев 1951: 55].

В разное время под началом Раевского служили декабристы Коновницын, Александр Бестужев, Валериан Голицын, Захар Чернышев, Руфин Дорохов, П.Б. Шереметьев. Раевский опекал их, хлопотал за них перед начальством, добивался скорейшего помилования [Архив... 1908: 348], за что получил уже в 1827 г. раздраженные наставления Дибича.

Впоследствии известный дореволюционный исследователь Б.Л. Модзалевский, издавший Архив Раевских, совершенно справедливо отмечал: «Так водилось на Кавказе, и такое отношение к разжалованным вне службы казалось столь естественным, что никому не приходило в голову видеть в этом опасное колебание дисциплины или политическую неблагонадежность» [Архив... 1908: 494]. Отношение Паскевича к разжалованным было на первых порах весьма сложным. С одной стороны, во многих его действиях сквозило понимание того, что без талантов и способностей «неблагонадежных» ему не обойтись. С другой стороны, он прекрасно знал истинные причины опалы Ермолова и те цеди, с которыми посылал его Николай Павлович на смену, безусловно, более талантливому «проконсулу Кавказа». К тому же он не питал никакого личного расположения к декабристам. Типичный продукт придворной среды, Паскевич постоянно оглядывался на двор, на мнение царя и всесильного шефа жандармов Бенкендорфа. Типичной в этом отношении является переписка Паскевича с Главным штабом по поводу штабс-капитана князя Кудашева. Этот офицер лейб-гвардии Московского полка был переведен на Кавказ в составе сводного гвардейского полка, сформированного, как известно, из чинов лейб-гвардии, участвовавших в восстании 14 декабря. Кудашев отличался и в персидскую, и в турецкую кампании как храбрый и исполнительный офицер. За взятие Ахалциха он получил орден святой Анны 4-й степени [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 54]. Паскевич охотно использовал способности Кудашева, сделал его своим адъютантом и давал даже дипломатические поручения, с успехом Кудашевым выполняемые. Очень скоро это обратило на себя внимание Главного штаба, напомнившего

главнокомандующему о том, что «капитан сводного гвардейского полка князь Кудашев был несколько замешан в происшествии 14 декабря 1825 года». Паскевич отреагировал на это немедленно. 21 февраля 1829 г. он почти в паническом духе писал Дибичу, что все его действия в отношении Кудашева были произведены им по незнанию его «причастности к сему происшествию», причем попытался даже сослаться на незнание этого и в отношении других офицеров Сводного Гвардейского полка, в том числе полковника Шипова, что уже совсем абсурдно, так как роль Шипова в тайных обществах была общеизвестной. Кудашев был отдален от главнокомандующего.

Таким образом, отношение Паскевича к ссыльным с самого начала было далеко от идиллии. По мере того, как победы русских войск приближали конец войны, Паскевич, менее нуждавшийся в их услугах, все более старался показать себя бдительным в глазах царя и его окружения в отношении «неблагонадежных».

Следует, однако, отметить, что для основной массы ссыльных результаты всех этих событий вполне проявились уже после окончания войны. В ходе же ее «дух сообщества», о котором с тревогой писал Паскевич, безусловно, имел место. Особое значение имело общение ссыльных офицеров и солдат с воинами кавказских национальных формирований и офицерами-кавказцами в рядах регулярных полков Отдельного Кавказского корпуса. Офицеры-декабристы, как правило, благожелательно относились к народам Кавказа, активно интересовались местной историей, культурой, обычаями, выступали против колониальной политики царизма на Кавказе, воплощенной в грубых действиях военных администраторов. Прекрасным примером этих отношений являются записки П. Бестужева, Лорера, Лачинова и других. Большими друзьями декабристов были видные представители культуры кавказских народов азербайджанец Аббас-Кули Бакиханов, грузин А.Г. Чавчавадзе. Декабрист В.Д. Сухоруков сотрудничал в газете «Тифлиссские ведомости». Активную роль в духовных связях кавказцев с ссыльными участниками освободительного движения играл офицер-декабрист А.С. Гангеблов, грузин по национальности. Нельзя не назвать в этой связи и имя Н.Н. Раевского, вокруг которого концентрировались многие декабристы в рядах Отдельного Кавказского корпуса. Между тем Раевский командовал сводной мусульманской бригадой. Его популярность была ответом на большую заботу, проявляемую Раевским к кавказцам. Характерно, что из всех представлений к наградам, сделанных Раевским и содержащихся в Архиве Раевских и в личном фонде Раевского в Центральном Государственном военно-историческом архиве (ныне Российский государственный военно-исторический архив – РГВИА – *Ред.*) [Фонд РГВИА № 90], примерно половину составляют представления к наградам кавказцев-мусульман. В шатре Раевского представители прогрессивных кругов кавказского общества имели возможность встречаться с участниками освободительного движения России и Польши. Они обменивались мнениями по разным вопросам жизни империи и о русско-кавказских отношениях. Следы этого общения, безусловно, видны и в литературном наследии декабристов, и в произведениях кавказских просветителей той эпохи.

Во время пребывания в лагере русских войск под Эрзерумом А.С. Пушкин почти постоянно находился рядом с Н.Н. Раевским. Здесь происходили его встречи с офицерами-декабристами, многие из которых (тот же Пушин, например) были его близкими друзьями. Здесь же он встречался с такими общественными деятелями, как Аббас-Кули Бакиханов, Федор Бекович-Черкасский и др. Упоминания о таких встречах есть в записках Гангеблова и Юзефовича [Апфельбаум 1981: 24].

Общение с передовыми представителями кавказского общества наложило вполне определенный отпечаток на пушкинское «Путешествие в Эрзерум», являвшееся плодом поездки Пушкина на фронт. Этот отпечаток явно прослеживается в слабо скрытом осуждении колониальной политики царизма, которое прослеживается на страницах, описывающих поездку через кабардинские земли, и в своеобразном описании военных действий на Саганлуге, и в доброжелательном интересе к местной обстановке. Конечно, значение такого общения для передовых представителей кавказской культуры трудно переоценить.

Таким образом, можно указать, что обстановка в Отдельном Кавказском корпусе, самом «неблагонамеренном» с точки зрения придворной камарильи военном соединении России, создавала определенные условия для тесного боевого братства и духовного общения передовых представителей русского и кавказского народов. Особенности корпуса, активная роль в нем ссыльных участников освободительного движения поднимали боевой дух и качества войск, сражавшихся в его составе, что сыграло важную роль в победе русских войск на Кавказском фронте в 1828 и 1829 годах. В то же время на полях сражений русско-турецкой войны укреплялись связи передовых слоев русского и кавказского общества, создавая весьма долговременный фактор, игравший немалую роль в последующей истории (политической в культурной) народов России и Кавказа.

3. Адрианопольский мир и значение победы России для социально-экономического развития Кавказа

К концу сентября 1829 г. ситуация на Анатолийском фронте явно свидетельствовала о полной победе русского оружия. А на Балканах в 1829 г. также произошел перелом, апогеем которого стала победа русских при Кулевче и взятие Адрианополя – древней столицы турецкой Румелии. Только теперь, в августе 1829 г., турецкое правительство было вынуждено прибегнуть к посредничеству послов западноевропейских держав для проведения переговоров. С большой остротой встал на этих переговорах вопрос об изменении границ между Россией и Турцией в Азии. Сохранение за Турцией важных стратегических плацдармов на Черноморском побережье Кавказа и его юго-западном регионе представляло постоянную угрозу политической стабильности кавказского региона в рамках Российской империи, являлось причиной дипломатических и военных столкновений, переросших затем в широкий конфликт 1828-1829 годов. Именно поэтому вопрос о ликвидации

кавказских владений Турции стал важным пунктом мирных условий России. Среди военных и политических сановников России существовали различные мнения по поводу объема территориальных требований, которые могли быть предъявлены Турции за столом переговоров. Еще 3 июня 1829 г. (накануне начала решающей летней кампании) И.Ф. Паскевич в письме к вице-канцлеру К.В. Нессельроде выдвигал три варианта таких требований: «... из коих по 1-му достаются нам Гурия (Паскевич имеет в виду крепость Поты и ее округу – А.А.) и пашалыки Ахалцихский и Карский, по 2-му Гурия, Ахалцих и Ахалкалаки с Ацкуром, по 3-му – последние две крепости» [АВП РФ. Ф. 1-9. Оп. 9. Д. 6. Л. 44; АВП РФ. Ф. 133 (Канцелярия МИД). Д. 468, 8916]. При этом о переходе под власть России крепостей Анапы и Суджук-кале не говорилось, так как это считалось само собой разумеющимся еще в начале войны. Предложения Паскевича выдвигались в тот период, когда не был еще известен исход решающих сражений войны. Тем не менее уже тогда Паскевич больше склонялся к первому варианту своих предложений, предусматривающему распространение российских владений до самого Саганлугского хребта. Еще более определенной в этом отношении стала его позиция после разгрома войск сераскера Гаджи-Салех-паши и взятия Эрзерума. Паскевич настаивая на оставлении в руках России всего Ахалцихского пашалыка, включая Поцховский и Олгинский санджаки, а также Карса. Он полагал, что оставление Карского пашалыка в руках османов создаст угрозу Армянской области и даже Картли, а наиболее безопасной границей России в этом направлении может быть лишь граница по Саганлугскому хребту. Еще дальше шел влиятельный министр финансов граф Канкрин. Большой сторонник широких колониальных проектов, он считал желательным удержание за Россией Баязета и Диадина, создавших хорошие условия для распространения российского влияния вплоть до берегов Персидского залива и Аравии. Особенно же активно Канкрин настаивал на передаче России территории от Трапезунда до Терджена, что должно было закрепить господство империи на Черном море и в Лазиане [АВП РФ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 2372. Л. 18].

Более умеренной позиции придерживался Дибич, переведенный к этому времени с должности начальника Главного штаба на пост главнокомандующего 2-й армией. В депеше графу Нессельроде от 9 июня 1829 г. он предлагает ограничивать требования России Анапой, Поты, Ахалкалаки и Ацкуром, «но зато, в статье о денежном вознаграждении требовать 10 млн. червонцев, и если турки объявят себя несостоятельными, то предложить, чтобы они взамен части сей суммы уступили в Азии первую пространнейшую пограничную линию сполна или хотя бы с некоторыми отменами (в этой туманной фразе Дибич намекает, судя по всему, на передачу России Ахалциха – А.А.)» [АВП РФ. Ф. 1-9. Оп. 9. Д. 6. Л. 45]. Мнение Дибича было поддержано самим Нессельроде. Это мнение и определило ход переговоров с Турцией по данному вопросу.

По поводу мирных условий России и результатов русско-турецких переговоров в западной и турецкой исторической науке до сих пор продолжают изыскания, призванные доказать извечно захватническую политику России по отношению к Турции. Следует еще раз подчеркнуть, что

признавая корыстные цели царизма, стремившегося в ходе войны 1828-1829 гг. укрепить свое господство на Кавказе и влияние на Балканах, следует признать и объективно прогрессивное значение результатов этой политики для народов Кавказа и Балкан. В то же время в данном случае нельзя не отметить ограниченность территориальных претензий России. В военно-дипломатическом руководстве Российской империи возобладало мнение, предусматривавшее только те территориальные изменения, которые были необходимы для укрепления безопасности и стабильности областей кавказского региона в рамках Российской империи и не предусматривающих широких территориальных захватов. Территориальные требования России далеко не соответствовали военно-стратегическим результатам русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Поэтому, когда стали известны претензии России, переданные Дибичем через посредничавшего в переговорах прусского посланника Мюфлинга [Татищев 1887: 214], даже многие аккредитованные в Константинополе иностранные дипломаты удивились умеренности русских условий мирного договора.

Однако сами османы воспринимали возможность утраты своих стратегических плацдармов в Кавказском регионе болезненно. Предвидя основные моменты российских мирных условий, они еще до передачи их Мюфлингу сообщили ему свои предложения, в которых соглашались и на автономию Греции и на контрибуцию и признавали отвергнутую ими в декабре 1827 г. Аккерманскую конвенцию, но категорически выступали против всяких уступок на Кавказе [Татищев 1887: 267]. Уже после проведения предварительных переговоров, проведенных Мюфлингом, турецкое правительство, уступая в некоторых территориальных вопросах, высказывалось против передачи России Ахалциха [Адрианопольский... 1879: 14-15] и намеревалось при удачном развитии переговоров попытаться удержать за собой также Анапу. Непосредственные переговоры между русскими и турецкими представителями начались 21 августа 1829 г. в Адрианополе, в старой резиденции султана Мурада I – дворце Ески-Сарай. Здесь представители Порты сразу же натолкнулись на твердую позицию российских дипломатов, требовавших передать России Ахалцих, Ахалкалаки и черноморские крепости Кавказа. Османы всячески противились этому. Известный историк генерал Михайловский-Данилевский, служивший тогда в штабе 2-й армии и присутствовавший на переговорах, отметил то упорство, с которым турки попытались добиться оставления в их владениях Анапы и Ахалциха: «Видно было, что владения в Азии у них лежат более на сердце, нежели владения в Европе» [Шильдер 1889: 16].

В конечном счете турецкие представители вынуждены были уступить. Но когда выработанный уже проект договора был доставлен в Константинополь, он вызвал острое недовольство в окружении султана Махмуда II. На заседании Дивана некоторые высшие вельможи высказались против территориальных уступок. Понимая, что военными средствами этот вопрос уже не решить, рейсэфенди прибегнул к помощи западных дипломатов, прежде всего английского посла Гордона и французского – Гильельмино. Последние в

разговорах с сановниками Дивана выражали крайнее возмущение территориальными требованиями русских [АВП РФ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 2967. Ч. 1. Л. 100 об.]. Правда, реальности сложившейся обстановки они понимали несколько лучше, и послание Дибичу с просьбой о смягчении требований России составили в более умеренных тонах, причем вопрос о границе в Азии в этом послании был фактически обойден [АВП РФ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 2967. Ч. 1. Л. 115-116 об.]. Тем не менее Дибич привел войска в боевую готовность и начал приготовления к броску на Константинополь. Возможностей к сопротивлению у султана не было, и он вынужден был капитулировать. Но даже готовясь подписать выработанный в Адрианополе договор, он пытался изыскать способ удержать за собой какую-нибудь из крепостей на Кавказе. Мир был подписан 2-го (14) сентября 1829 г. Вопросы территориальных изменений на Кавказе содержались в IV статье трактата. Согласно ей, к России переходили крепости Ахалцих и Ахалкалаки, а также берег Черного моря от устья Кубани до поста святого Николая вместе с крепостями Поты, Суджук-кале и Анапой. Характерно, что в тексте трактата о черноморских гаванях не упоминалось, но это была чисто формальная, процедурная уступка России, которая на деле ничего не меняла. Наконец, Турция формально признавала все присоединения, сделанные Россией на Кавказе в последние 30 лет, и отказывалась от всех претензий на кавказские земли. Этот акт имел немалое значение – недаром Турция категорически выступала против такого признания и в 1812 г. на переговорах в Бухаресте, и в последующие годы.

Уже после подписания мирного трактата турецкие власти специально задержали русского представителя капитана Дюгамеля, который должен был известить войска Отдельного Кавказского корпуса о завершении войны. Порта надеялась в последние дни добиться эффективной победы над русско-кавказскими войсками и получить преимущества возможного пересмотра условий трактата. Однако надеждам этим не суждено было сбыться. Войска нового сераскера Осман-паши были разбиты под Бейбуртом, и только после этого Дюгамелю было разрешено прибыть в лагерь Паскевича [Дюгамель 1885: 32-41]. Последней операцией войны было занятие русскими войсками в первых числах октября Мушского пашалыка.

Паскевич был недоволен условиями мира, считая, что русские представители вполне могли настоять на оставлении за Россией Карса. Весьма недовольны условиями договора были и высшие классы Англии, но из совершенно противоположных соображений. Не было это секретом и для современников событий. Достаточно вспомнить ироническое замечание Д.Д. Давыдова в его письме А.А. Закревскому сразу после получения известия о заключении мира: «Я полагаю, что Веллингтон и Меттерних наденут траур» [Давыдов... 1890: 557]. Особенное возмущение у английских политиков и дипломатов вызывала 4 статья трактата, т.е. утрата Турцией стратегических плацдармов на Кавказе. Англия даже направила особую ноту в адрес российского министерства иностранных дел, в которой требовала пересмотра этой статьи. Причем делалось это под предлогом «нарушения европейского равновесия». В ответной ноте российский МИД совершенно справедливо

указал, что к «европейскому равновесию» крепости на Юго-Западном Кавказе и его черноморское побережье никакого отношения не имеют, а дипломатическое признание присоединения к России Закавказья является лишь констатацией реальностей, сложившихся к концу первого 30-летия XIX века.

Русские войска покидали занятые в 1828-1829 годах земли, возвращаемые по условиям мирного договора Турции. Вслед за ними уходило благожелательно настроенное к России местное население. Именно в это время в российские владения переселяется около 100 тысяч карских и баязетских армян. В пределы России переселяются многие курды, лазы, месхетинцы и т.д. Местному населению нельзя было особенно рассчитывать на благожелательное отношение турецких властей, т.к. слишком широка была их помощь русско-кавказским войскам в период решающих сражений войны на кавказском фронте – от поставок продовольствия и фуража до агентурных сведений, за которые теперь Паскевич спрашивал в Санкт-Петербурге награждения [РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3752. Л. 47-49 об., 52-54, 80-80 об.], а также до прямого участия в боевых действиях, как это было в Баязете.

Если оценивать значение результатов войны для различных районов Кавказа, то следует признать, что наибольшее значение она имела для Грузии. В соответствии с условиями мирного договора, за Россией оставалась значительная часть бывшего Ахалцихинского пашалыка, а именно 10 санджаков: Ахалцихский, Аспиндский, Ацхурский, Хертвисский, Квадлианский, Ахалкалакский, Абастуманский, Джеджерекский, Поцховский, Чалдырский. Общая их площадь составляла 4800 кв. км. [Орджоникидзе 1955: 10]. Таким образом, с Грузией воссоединился край Самцхе-Саатбаго – древняя колыбель грузинской культуры и государственности. Утрата Турцией важной черноморской гавани Поти создавала необходимые условия для широкого развертывания грузинской черноморской торговли, прежде всего торговли с центральными областями России. Объединение Грузии, начатое историческим манифестом 1801 года о вхождении Картло-Кахетинского царства в состав Российской империи, с заключением Адрианопольского мира фактически завершилось. Причем сопровождалось оно чрезвычайно важными процессами внутренней централизации – уже в ходе войны было ликвидировано Гурийское княжество – один из последних осколков средневековой раздробленности Грузии. «Было ликвидировано враждебное окружение ... Грузия вошла на путь мирного развития» [Думбадзе 1957: 20]. Ликвидация Ахалцихского военно-стратегического плацдарма Турецкой империи на Южном Кавказе сыграла громадную роль в общей стабилизации военно-политической обстановки в Закавказье. И влияние этого события весьма активно ощущается в последующие годы и в Армении, и в Азербайджане.

Нельзя недооценивать результатов данной войны и для народов Северного Кавказа. Следует помнить, что сохранение в руках Османской империи Анапской морской твердыни обеспечивало постоянное присутствие султанского влияния на Северном Кавказе. Выражалось оно в целом ряде процессов – и в стимулировании работоторговли, иссушавшей людские и материальные ресурсы горских народов, и в активизации межнациональных

противоречий в их среде, и в содействии обострению русско-кавказских противоречий, – одним словом, в сохранении общей военно-политической нестабильности в регионе и консервации самых отсталых укладов общественной и духовной жизни.

Переход Анапы в руки России если и не ликвидировал этот фактор совсем, то значительно ослабил его влияние, особенно для областей Центрального Предкавказья. Вполне можно согласиться с оценкой этого события А.В. Фадеевым: «Это не только пресекало ее (Турции – А.А.) экспансию в этом направлении, но и подрывало ее экономическое и политическое влияние среди горцев Северо-Западного Кавказа» [Фадеев 1960: 238]. Переход Анапы и всего черноморского побережья из рук османов в пределы Российской империи сыграл этапную роль и в истории народов Закубанья. Оценивая непосредственные результаты этого события в их развитии, А.Х. Бижев писал: «Значительно сократилась адыго-турецкая меновая торговля и в особенности доходная для адыгских феодалов и турецких купцов и чиновников работорговля. Значительно упал престиж Турции, ее агентов и проповедников в адыгском обществе. Упало влияние и протурецки настроенных феодалов, старшин и представителей духовенства» [Бижев 1971: 70].

Переходя к общему значению войны для всего Кавказского региона в целом, следует отметить, что одним из важнейших ее результатов было значительное усиление общеполитического престижа России и падение престижа и влияния ее азиатских соперников в борьбе за господство на Кавказе. Большую роль сыграло ознаменованное Адрианопольским миром политико-юридическое оформление вхождения в состав Российской империи всех областей Кавказского региона. В комплексе с важным фактором ликвидации военно-стратегических плацдармов Турции, дестабилизировавших обстановку в данном регионе, эти результаты позволили царскому правительству приступить к форсированию политической централизации и административной унификации в крае [Киняпина 1983: 39-40]. Недаром активизация этой политики связана с прибытием на Кавказ вскоре после окончания войны комиссии сенаторов Кутайсова и Мечникова [Акты... 1881: 3-6]. Большое внимание теперь стало обращаться кавказской администрацией «... на предметы проложения дорог, учреждения или улучшения водяных путей сообщения, военных укреплений, почт, жилищ и пр. [РГВИА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 2603 (Паскевич – Дибичу 13 апреля 1828 года). Л. 1 об.]

Эта политика при всей ее противоречивости играла положительную роль в экономической жизни народов региона. Говоря об экономических последствиях войны, следует отметить, что присоединение кавказского черноморского побережья к России имело громадное значение для всей южной части Российской империи. Необходимо упомянуть для иллюстрации хотя бы факт более чем двойного (с 4203 тыс. руб. серебра до 8633 тыс. рублей серебра) увеличения вывоза товаров из Одессы в 1830 году по сравнению с 1826 годом [Фадеев 1955: 341]. Для Кавказа же это значение вообще трудно переоценить. Закрепление России на берегах Черного моря обеспечило регион относительно

безопасными коммуникациями, связывающими его хозяйство с центральными губерниями. Укрепление военно-политической и административной стабильности в большинстве областей региона сыграло роль катализатора в экономическом и социальном развитии его народов. Оно значительно убыстрилось, причем господствующей тенденцией было развитие и укрепление новых экономических и социальных укладов, постепенно разрушавших старые формы хозяйства, быта и общественных отношений.

Когда мы говорим о новых моментах в развитии кавказского общества, пробивавших себе дорогу с начала XIX века, мы имеем в виду в экономическом отношении – формирование и усиление в отдельных местах элементов товарности хозяйства, расширение масштабов внутрирегиональной и кавказо-русской торговли, в наиболее развитых районах первых мануфактур; в социальном отношении – частичный переход на более развитые формы эксплуатации, в частности, связанные с товарным хозяйством, формы феодальной ренты, расширение купеческой прослойки и изменение социально-экономической основы отдельных групп феодального класса, а также медленное и постепенное разложение общинно-патриархальных элементов, все еще игравших значительную роль в целом ряде областей кавказского региона. В политическом плане эти новые моменты проявлялись в ликвидации пережитков феодальной раздробленности и в укреплении внутрирегиональных связей. Наконец, в культурном отношении это были новые передовые элементы общественной мысли, культуры и быта определенной, пусть небольшой, части кавказского общества, связанные с знакомством с передовой русской и, шире, европейской культурой. Следует оговориться, что моменты эти проявлялись робко, спорадически, неравномерно и более объемное значение приобрели лишь в последней трети XIX века, но как тенденции они имели место уже в описываемый нами период. Мы видели, как зарождались эти тенденции сразу после присоединения тех или иных областей Кавказа к России. Но в условиях военно-политической нестабильности, слабости экономических связей с Россией, постоянной военной угрозы и сохраняющейся административной раздробленности эти тенденции не могли проявить себя полностью. Можно сказать, что результаты русско-турецкой войны сыграли существенную роль в проявлении позитивных тенденций присоединения ряда областей Кавказа к России для их хозяйственного и культурного развития. Этот процесс можно проиллюстрировать данными советского армянского исследователя Ц.П. Агаяна, указывающего, что если в начале XIX столетия «население Восточной Армении составляло 100 тыс. человек, то уже в конце века, к 1 января 1900 года оно достигло 811330 человек, т.е. увеличилось в 8,1 раз. В этот же период население России увеличилось в 3,5 раза» [Агаян 1978: 252].

Другим важным результатом русско-турецкой войны было значительное укрепление культурных связей между передовыми слоями русского и кавказского общества. Происходившее в годы войны культурное общение явились значительным импульсом как для широкого развертывания культурно-просветительной деятельности на Кавказе (достаточно вспомнить в этой связи хотя бы имена Аббас-Кули Бакиханова, Александра Чавчавадзе, Николаза

Бараташвили, Казы-Гирея) и проникновения в кавказское общество элементов более передовой русской культуры и быта, так и для обогащения новыми темами и идеями самой русской литературы. Весьма важными были и создавшиеся на полях сражений связи между представителями освободительного движения Кавказа, России и других частей необъятной империи. Эти связи играли весьма благотворную роль в период, когда, говоря словами А.Х. Бижева «национально-освободительная борьба горцев сливалась с русским демократическим, революционным движением, закладывалась основа совместной борьбы русских и горцев против русского самодержавия в его социальной опоры» [Бижев 1971: 70].

Следует отметить также и благотворное влияние приобщения кавказских народов к тем элементам передовой военной мысли, носителями которых являлись многие военачальники Отдельного Кавказского корпуса и которые проявились в действиях русских войск и кавказских формирований. За всю предшествующую историю никогда еще не было столь широкого участия кавказских народов в военных действиях русских войск, и это имело, конечно, свои последствия.

Влияние общей борьбы и победы сказалось также в укреплении тесных связей между самими народами Кавказа. На полях сражений утверждалось сознание исторического и культурного единства кавказского региона, сыгравшее столь большую роль во всей его последующей истории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Агаян 1978 – *Агаян Ц.П.* Роль России в исторических судьбах армянского народа. – М.: Наука, 1978. – 311 с.

Адрианопольский... 1879 – *Адрианопольский мир 1829 года.* Из переписки графа Дибича / Сост. и автор предисловия Н.К. Шильдер. – СПб.: Типография В.И. Грацианского, 1879. – 63 с.

Акты... 1878 – *Акты Кавказской археографической комиссии.* – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. Т. VII. – 1011 с.

Акты... 1881 – *Акты Кавказской археографической комиссии.* – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1881. Т. VIII. – 1033 с.

Апфельбаум 1981 – *Апфельбаум А.С.* А.С. Пушкин и Н.Н. Раевский // Материалы научно-практической конференции «Молодежь и наука». – Нальчик, 1981.

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации.

Архив... 1908 – *Архив Раевских: в 5 т. Т.1.* (Письма 1791-1829 гг.) / Изд. П.М. Раевского; Ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. Т. 1-5. – СПб.: тип. М. А. Александрова, 1908. – 574 с.

Бестужев 1951 – *Бестужев М.* Мои тюрьмы. Очерки и ответы 1869 г. // Воспоминания Бестужевых. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 51-124.

Бижев 1971 – *Бижев А.Х.* Северо-Западный Кавказ в сфере Восточного вопроса (1826-1830 гг.) // Ученые записки КБГУ. Серия историко-филологическая. – 1971. – Выпуск 43. – С. 70-88.

Военный... 1819 – *Военный журнал.* – 1819. – Кн. 2.

Воспоминания... 1951 – *Воспоминания Бестужевых.* – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 891 с.

Галоян 1976 – *Галоян Г.А.* Россия и народы Закавказья. – М.: «Мысль», 1976. – 456 с.

- Гейсман 1910 – *Гейсман П.* Генеральный штаб в русско-кавказской войне 1828-1829 гг. // Военный сборник. – 1910. – № 4.
- Давыдов... 1890 – *Давыдов Д.Д.* Закревскому А.А. 23 сентября 1829 г. // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. 148 т. (1867-1916) Т. 73: Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского: Ч. 1 / Изд. под ред. Н. Ф. Дубровина. – 1890. – XVIII, XVI, – 616 с.
- Дилоян 1974 – *Дилоян В.А.* Восточная Армения в первой трети XIX столетия и армяно-русские отношения. Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. – Ереван: АН Арм. ССР. 1974. – 85 с.
- Думбадзе 1957 – *Думбадзе М.К.* Западная Грузия в первой половине XIX в. (присоединение к России и социально-экономическое развитие). – Тбилиси: АН Груз. ССР, 1957. – 406 с.
- Дюгамель 1885 – *Дюгамель А.О.* Автобиография. – М.: Изд. В.В. Комаров, 1885. – 319 с.
- Зубов 1834 – *Зубов П.П.* Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанные в 1833 году. – М.: тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1834. – 117 с.
- Ибрагимбейли 1969 – *Ибрагимбейли Х.-М.* Россия и Азербайджан в первой трети XIX в. – М.: Наука, 1969. – 287 с.
- Кавтарадзе 1977 – *Кавтарадзе А.Г.* Генерал А.П. Ермолов. – Тула: Тульское книжное издательство, 1977. – 119 с.
- Киняпина 1983 – *Киняпина Н.С.* Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии // Вопросы истории. – 1983. – № 4. – С. 35-47.
- Орджоникидзе 1955 – *Орджоникидзе Э.А.* Присоединение Ахалцихского края к Грузии в 1828-1829 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Тбилиси: АН Груз. ССР, 1955. – 36 с.
- Потто 1889 – *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5-и т. Том 4-й. Турецкая война 1828-1829 г. – СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1889. – 731 с.
- Пушкин 1936 – *Пушкин А.С.* Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г. // Полное собрание Сочинений: в 6-и т. Т. 4. – Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1936. – С. 391-430.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- Татищев 1887 – *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая I. – СПб.: Петербургский императорский университет, 1887. – 714 с.
- Утверждение... 1904 – *Утверждение* русского владычества на Кавказе / Под ред. В.И. Потто. Т. 3. Ч. I. – Тифлис: Изд-во Штаба Кавказской армии, 1904. – 425 с.
- Фадеев 1951 – *Фадеев А.В.* Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе // Вопросы истории. – 1951. – № 1. – С. 100-107.
- Фадеев 1960 – *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 398 с.
- Фадеев 1955 – *Фадеев А.В.* Социально-экономические предпосылки политики царизма в период «восточного кризиса» 20-х годов // Исторические записки. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1955. – Вып. 54. – С. 327-342.
- ЦГИА Грузии – Центральный государственный исторический архив Грузии
- Шильдер 1889 – *Шильдер Н.К.* Адрианопольский мир. По рассказу Михайловского-Данилевского // Русский вестник. – 1889. Август. – Т. 203.
- Щербатов 1891 – *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность: в 7-и т. Т. 3: октябрь 1827 – май 1831. – СПб.: Тип. Р. Голике, 1891. – 524 с.

REFERENCES

AGAYAN Ts.P. *Rol' Rossii v istoricheskikh sud'bakh armyanskogo naroda* [Russia's role in the historical destinies of the Armenian people]. – М.: Nauka, 1978. – 311 p.

Adrianopol'skii mir 1829 goda. Iz perezpiski grafa Dibicha [Adrianople Treaty of 1829. From the correspondence of Count Dibich] / Ed. by N.K. Shil'der. – SPb.: Tipografiya V.I. Gratsianskogo, 1879. – 63 p.

Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii: v 12-i t. T. VII [Documents compiled by Caucasian archeographical commission: in 12 vols. Vol. VII]. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1878. – 1011 p.

Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii: v 12-i t. T. VIII [Documents compiled by Caucasian archeographical commission: in 12 vols. Vol. VIII]. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1881. – 1033 p.

APFEL'BAUM A.S. *A.S. Pushkin i N.N. Raevskii* [A.S. Pushkin and N.N. Raevsky]. IN: *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Molodezh' i nauka»* [Materials of the scientific-practical conference "Youth and Science"]. – Nal'chik, 1981.

AVP RF – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation].

Arkhiv Raevskikh: in 5 vols. Vol.1. (Pis'ma 1791-1829 gg.) [The Rayevskys' Archives: 5 vols. Vol. 1. (Letters of 1791-1829)] / Pub. P.M. Raevsky; Ed. by B.L. Modzalevsky. Vol. 1-5. – SPb.: tip. M. A. Aleksandrova, 1908. – 574 p.

BESTUZHEV M. *Moi tyur'my. Ocherki i otvety 1869 g.* [My prisons. Essays and Answers 1869]. IN: *Vospominaniya Bestuzhevykh* [Memoirs of the Bestuzhevs]. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1951. – P. 51-124.

BIZHEV A.Kh. *Severo-Zapadnyi Kavkaz v sfere Vostochnogo voprosa (1826-1830 gg.)* [North-Western Caucasus in the sphere of the Eastern Question (1826-1830)]. IN: *Uchenye zapiski KBGU. Seriya istoriko-filologicheskaya.* – 1971. – Iss. 43. – P. 70-88.

Voennyi zhurnal [Military journal]. – 1819. – Book 2.

Vospominaniya Bestuzhevykh [Memoirs of the Bestuzhevs]. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1951. – 891 p.

GALOYAN G.A. *Rossiya i narody Zakavkaz'ya* [Russia and the peoples of the Transcaucasia]. – M.: «Mysl'», 1976. – 456 p.

GEISMAN P. *General'nyi shtab v russko-kavkazskoi voine 1828-1829 gg.* [General Headquarters in the Russo-Caucasian War of 1828-1829]. IN: *Voennyi sbornik.* – 1910. – No 4.

Davydov D.D. Zakrevskomu A.A. 23 sentyabrya 1829 g. [From Davidov D.D. to Zakrevsky A.A.]. IN: *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. 148 vols. (1867-1916) Vol. 73: Bumagi grafa Arseniya Andreevicha Zakrevskogo: Part 1* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. 148 vols. (1867-1916) Vol. 73: Papers of Count Arseny Andreyevich Zakrevsky: Part 1]. Ed. by N. F. Dubrovin. – 1890. – XVIII, XVI, – 616 p.

DILOYAN V.A. *Vostochnaya Armeniya v pervoi treti XIX stoletiya i armyano-russkie otnosheniya. Avtoreferat diss. ... dokt. ist. nauk* [Eastern Armenia in the first third of the XIX century and Armenian-Russian relations. The dissertation for the Doctor of historical sciences degree]. – Erevan: AN Arm. SSR. 1974. – 85 p. [In Armenian]

DUMBADZE M.K. *Zapadnaya Gruziiya v pervoi polovine XIX v. (prisoedinenie k Rossii i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye)* [Western Georgia in the first half of the nineteenth century. (joining to Russia and socio-economic development)]. – Tbilisi: AN Gruz. SSR, 1957. – 406 p.

DYUGAMEL' A.O. *Avtobiografiya* [Autobiography]. – M.: Izd. V.V. Komarov, 1885. – 319 p.

ZUBOV P.P. *Shest' pisem o Gruzii i Kavkaze, pisannye v 1833 godu* [Six letters about Georgia and the Caucasus, written in 1833]. – M.: tip. Lazarevykh instituta vost. yaz., 1834. – 117 p.

IBRAGIMBEILI Kh.-M. *Rossiya i Azerbaidzhan v pervoi treti XIX v.* [Russia and Azerbaijan in the first third of the XIX century]. – M.: Nauka, 1969. – 287 p.

KAVTARADZE A.G. *General A.P. Ermolov* [General A.P. Ermolov]. – Tula: Tul'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977. – 119 p.

KINYAPINA N.S. *Administrativnaya politika tsarizma na Kavkaze i v Srednei Azii* [The administrative policy of tsarism in the Caucasus and Central Asia]. IN: *Voprosy istorii*. – 1983. – No 4. – P. 35-47.

ORDZHONIKIDZE E.A. *Prisoedinenie Akhaltsikhskogo kraia k Gruzii v 1828-1829 gg. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Joining of the Akhaltsikhe region to Georgia in 1828-1829. Abstract of the thesis for a Candidate of historical sciences degree]. – Tbilisi: AN Gruz. SSR, 1955. – 36 p.

POTTO V.A. *Kavkazskaya voina v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh: in 5 vols. Vol. 4. Turetskaya voina 1828-1829 g.* [Caucasian war in separate essays, episodes, legends and biographies: in 5 volumes. Volume 4th. Turkish war of 1828-1829]. – SPb.: Tip. E. Evdokimova, 1889. – 731 p.

PUSHKIN A.S. *Puteshestvie v Arzrum vo vremya pokhoda 1829 g.* [Journey to Arzrum during the campaign of 1829]. IN: *Polnoe sobranie Sochinenii* [Complete Collection of Writings]: in 6 vols. Vol. 4. – L.: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1936. – P. 391-430.

RGVIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archives].

TATISHCHEV S.S. *Vneshnyaya politika imperatora Nikolaya I* [Foreign Policy of Emperor Nicholas I]. – SPb.: S-Peterburgskii imperatorskii universitet, 1887. – 714 p.

Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze [Establishing of Russian dominance in the Caucasus]. Ed. by V.I. Potto. Vol. 3. Part I. – Tiflis: Izd-vo Shtaba Kavkazskoi armii, 1904. – 425 p.

FADEEV A.V. *Dekabristy v Otdel'nom Kavkazskom korpuse* [Decembrists in the Separate Caucasian Corps]. IN: *Voprosy istorii*. – 1951. – No 1. – P. 100-107.

FADEEV A.V. *Rossiya i Kavkaz v pervoi treti XIX v.* [Russia and the Caucasus in the first third of the XIX century]. – M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960. – 398 p.

FADEEV A.V. *Sotsial'no-ekonomicheskie predposylki politiki tsarizma v period «vostochnogo krizisa» 20-kh godov* [Socio-economic prerequisites of the policy of tsarism in the period of the "eastern crisis" of the 20s]. IN: *Istoricheskie zapiski* [Historical proceedings]. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1955. – Iss. 54. – P. 327-342.

TsGIA Gruzii – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [Central State Historical Archive of Georgia].

SHIL'DER N.K. *Adrianopol'skii mir. Po rasskazu Mikhailovskogo-Danilevskogo* [Adrianople Treaty. According to the narrative of Mikhailovsky-Danilevsky]. IN: *Russkii vestnik*. – 1889. Avgust. – Vol. 203.

SHCHERBATOV A.P. *General-fel'dmarshal knyaz' Paskevich. Ego zhizn' i deyatel'nost'* [General Field Marshal Prince Paskevich. His life and deeds]: in 7 vols. Vol. 3: October 1827 – May 1831. – SPb.: Tip. R. Golike, 1891. – 524 p.

УДК 433

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-42-64

**ФИНАНСЫ И ЭКОНОМИКА НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА В НАЧАЛЕ
XX ВЕКА (1905-1917 гг.)****И.С.ПАЗОВ**

*Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: ibragim.pazov@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется развитие финансов и экономики Нальчикского округа в 1905-1917 гг. на материалах делопроизводственных документов управления Нальчикского округа: годовых статистических отчетов, общих обзоров к годовым статистическим отчетам, годовых отчетов о состоянии Кабардинской общественной суммы. Рассматриваются формирование финансовой и налоговой системы округа, налоговые сборы. Автором исследуется деятельность учреждений общественного капитала. Осуществляется анализ развития сельского хозяйства, фабрично-заводской промышленности и торговли. Отмечается, что вступление России в начале XX в. в эпоху модернизации способствовало дальнейшему экономическому подъему национальных окраин. Для Нальчикского округа это имело ключевое значение, так как финансовые и экономические составляющие развития округа демонстрировали показатели роста. Особенно отчетливо это отражается в деятельности Кабардинской общественной суммы, имевшей возможность трансформации в банковскую структуру, хотя и имелся ряд проблем в различных отраслях экономики, особенно в налоговом секторе. Возникновение капиталистических отношений, втягивание края в систему всероссийского рынка благоприятствовали более быстрому росту экономики, его интеграции в общероссийский рынок.

Ключевые слова: Нальчикский округ; экономика; финансы; общественный капитал; рыночные отношения; Кабардинская общественная сумма.

**FINANCE AND ECONOMY OF NALCHIK DISTRICT IN THE BEGINNING
OF THE XX CENTURY (1905-1917)****I.S. PAZOV**

*Kabardino-Balkar scientific center of the Russian Academy of Sciences
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: ibragim.pazov@mail.ru*

Abstract. The article investigates the development of Finance and economy of the Nalchik district in 1905-1917 on the materials of records management documents of the Nalchik district: materials of annual statistical reports, General reviews of annual statistical reports, annual reports on the status of the Kabardian public sum. The article considers the formation of the financial and tax system of the district, tax fees. The author studies the activity of public capital institutions. The analysis of all sectors of the economy such as agriculture, cattle breeding, factory industry and trade. It is concluded that the entry of Russia in the early XX century in the era of modernization contributed to the further economic growth of the national Borderlands. For the Nalchik district it

was of key importance. Since the financial and economic components of the district experienced growth, this is especially pronounced in the case of the Kabardian public sum, which had the opportunity to transform into a banking structure, but also had a number of problems in various sectors of the economy, especially in the tax sector. The emergence of capitalist relations, involving the region in the system of the all-Russian market favored faster economic growth, its integration into the all-Russian market.

Keywords: Nalchik district; economy; finance; public capital; market relations; Kabardian public sum.

Первая четверть XX века один из важнейших периодов истории России. Происходившие в российском обществе процессы обновления непосредственно были связаны с ускоренной модернизацией в экономике. Вместе с тем внутреннее состояние Российской Империи в этот период, ее экономическое развитие, региональное развитие не исследованы в многообразии всех аспектов и не получили объективной оценки. Внимание советских исследователей было приковано к изучению вопросов народных движений, революционных событий 1905-1917 годов. В последние десятилетия актуализировалось исследование модернизационных процессов и социально-экономического развития страны в целом и регионов.

Одним из неизученных вопросов является развитие Нальчикского округа Терской Области в 1905-1917 годах. Объективное исследование Нальчикского округа в указанный период должно включить в себя изучение финансового и экономического состояния округа. Актуальность изучения истории финансово-экономического развития Нальчикского округа предопределена ростом научного интереса к местной истории, проблематике локальной истории, развитием региональных исследований, посвященных изучению истории хозяйственного развития отдельных областей и регионов страны.

Специальные работы, посвященные изучению финансов и экономики Нальчикского округа, в целом отсутствуют. Исследования, прямо или косвенно затрагивающие тему статьи, можно дифференцировать в проблемно-хронологическом ключе на дореволюционные, советские и современные.

В дореволюционной историографии наиболее обстоятельный обзор финансово-экономического состояния был дан Г. Баевым [Баев 1908]. Особенно подробный анализ был проведен по отношению к деятельности Кабардинской Общественной суммы.

В советский период большинство исследований было посвящено проблеме экономического развития Нальчикского округа. И одна из таких работ – историко-экономический обзор А.А. Белоусова, в которой содержатся сведения об экономическом положении Кабарды в 1867-1953 гг. Определенный интерес для нашего исследования представляет та часть его работы, в которой показана динамика экономического роста и появление первых крупных кустарных хозяйств в Нальчикском округе накануне революционных событий 1917 г.

Так же следует отметить Г.Х. Мамбетова [Мамбетов 1961] и А.И. Щеголева [Щеголев 1962], рассматривавших в своих исследованиях

развитие и деятельность финансовых учреждений и кредитных товариществ в Кабарде и Балкарии к началу XX века.

Что касается современных исследований, то некоторые теоретические аспекты проблемы разработаны в трудах А.Х. Абазова [Абазов 2016], С.А. Айларовой [Айларова 2015], З.Ж. Глашевой [Глашева 2015], Т.А. Дзуганова и Л.Х. Гукетловой [Дзуганов, Гукетлова 2018], О.В. Моисеевой [Моисеева 2007], Т.Х. Кумыкова [Кумыков 1965], А.К. Кириллова [Кириллов 2009], Д.Н. Прасолова [Прасолов 2017], В.Н. Ратушняк [Ратушняк 1983], И.Н. Рыковой [Рыкова 2004], в коллективной работе «Века совместной истории» [Века... 2017]. Однако комплексного исследования данная проблематика до сих пор не получила.

В настоящей работе финансы и экономика понимаются в широком смысле, как совокупность связанных между собой отношений, хозяйственной деятельности общества, распределения, обмена, потребления и финансовых накоплений. Что же касается Нальчикского округа, то здесь данное понятие имело свои особенности, которые определялись, территориальными и этнополитическими особенностями округа. В практическом плане, это дает возможность глубже исследовать историческое развитие региона и его состояние в начале XX в.

Основным источником в исследовании заявленной проблемы являются делопроизводственные документы управления Нальчикского округа: материалы годовых статистических отчетов, общие обзоры к годовым статистическим отчетам, годовые отчеты о состоянии Кабардинской общественной суммы. Эти материалы позволили выявить основные особенности состояния общественного капитала в Нальчикском округе. Статья подготовлена на основе материалов Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (Ф. И-6 «Управление Нальчикского округа» и Ф. И-26 «Казначей Кабардинской общественной суммы»).

Особенности финансовой и налоговой системы Нальчикского округа

К началу XX века финансовая система Терской области включала казенную палату и казначейства. Центральное место занимала казенная палата. Она являлась хозяйственно-финансовым учреждением, подведомственным министерству финансов. Вторыми по своей значимости являлись казначейства, подчинявшиеся казенной палате. Они ведали приемом, хранением денежных средств и доходов и выдачей денежных сумм. Так же одной из особенностей деятельности финансовых органов Терской области было полное подчинение Ставропольской казенной палате Пятигорского, Владикавказского, Моздокского, Грозненского казначейств.

В Нальчикском округе вплоть до 22 января 1910 года, когда было основано Нальчикское казначейство, сохранялась достаточно сложная и многоуровневая система деятельности финансовых институтов в органах управления округа. На первом уровне находилась Окружное управление и податной инспектор Ставропольской казенной палаты, основная функция

которых заключалась в сборе отчетов всех налоговых поступлений и отправки их в Терское областное правление и в отделение Ставропольской Казенной палаты. На втором уровне находился казначей Кабардинской общественной суммы, в ведении которого находилось управление финансовой деятельности: Общественная Кабардинская сумма и Штрафная Окружная сумма. Отчетная документация данных структур поступала в окружное управление Нальчикского округа. Данные финансовые структуры осуществляли функции сбора финансовых поступлений, со всего податного населения Нальчикского округа. Так же параллельно с этим Кабардинская Общественная сумма оказывала помощь нуждающимся населения Нальчикского округа в виде ссуд под проценты по особо утвержденным начальством правилам и производство других расходов по приговорам доверенных от сельских обществ, утвержденных Начальником области [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 695. Л. 125]. После основания Нальчикского казначейства в 22 января 1910 года происходит разделение данных институтов.

Формируется две финансовые структуры, независимые друг от друга. Нальчикское казначейство вместе с податным инспектором Ставропольской казенной палаты, интегрированное в аппарат окружного управления округа, предоставляло отчеты из управления о всех налоговых сборах, которые в свою очередь отправлялись в Ставропольскую Казенную палату. А Кабардинская Общественная сумма стала отдельным общественным объединением, которое ведало финансово-хозяйственными вопросами Нальчикского округа. Деятельность Кабардинская Общественная сумма регулировалась окружным управлением и Съездом доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ.

До 1910 года в Нальчикском округе были следующие налоговые сборы:

а) государственный поземельный налог с частных собственников 5656 р. 50 к.; б) государственная оброчная подать 124 868 р.; в) взамен отбытия воинской повинности 12 878 р. 85 к.; г) выкупные платежи Губ. зем. сбора 497 р. 92 к. Итого: 143.901 р. 27 к.

а) государственный поземельный налог с частных собственников 2244 р. 1 к.; б) государственная оброчная подать 49 990 р. 98 к.; в) взамен отбытия воинской повинности натурой с мусульман 5354 р. 84 к.; г) выкупные платежи Губ. зем. сбора 418 р. 32 к. Итого: 58008 р. 20 к.

К 1 января 1907 г. недоимки составляли 85893 р. 7 к. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 695. Л. 128 об.].

1909 год: а) государственный поземельный налог с частных собственников 215 77 р. 58 к.; б) налог с недвижимого имущества 124 868 р.; в) воинский налог 3331 р. 4 к. Итого недоимок: 231 735 руб. 78 коп. [Щеголев 1962: 98].

После учреждения Нальчикского казначейства 22 января 1910 все функции налоговых сборов по Нальчикскому округу перешли к этому органу областного управления. Однако ситуация по сбору налогов была не в лучшем состоянии. И перед новым финансовым органом стояла задача решения данного вопроса. 20 марта 1910 года начальник округа, рассылая выписки

ведомостей казначейства начальникам участков, предлагал «принять самые строгие и энергичные меры к взысканию и сдаче в Нальчикское казначейство обязательно к 1 мая с/г». Также он отмечал, что «при взыскании недоимок вы не должны стесняться строгости принимаемых мер. Так как землевладельцы, будучи самостоятельными и имея полную возможность вносить аккуратно в установленные сроки поземельные налоги, добровольно не вносят, то необходимо сломить упорство их и приучить к аккуратному и своевременному платежу и казенных налогов» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 741. Л. 371. Л. 372]. Таким образом, администрация Нальчикского округа старалась применить все меры для взыскания недоимок с населения, считая неуплату казенных налогов простым упорством крестьян.

С 625 частных землевладельцев, в том числе с 81 товариществ Нальчикского округа, причиталось 21 205 руб. 6 коп. недоимок и 377 руб. 99 коп. пени. Всего 21 583 руб. 5 коп. За четыре месяца платежи и налоги были взысканы только с 278 землевладельцев, в том числе с 54 товариществ. Участки остальных подлежали продаже или наложению ареста на посеvy. При продаже взыскились недоимки [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 741. Л. 374. Л. 435].

В дальнейшем правительство для решения проблемы выплаты недоимок переходит на долготлетнюю рассрочку выплаты недоимок селений Нальчикского округа. Так, например, 6 апреля 1911 года Терское областное правление пишет начальнику Нальчикского округа, что «штаб Кавказского военного округа сообщил: согласно указанием министра финансов, числящиеся недоимки государственной оброчной подати воинского за селением Булатово в сумме 5650 руб. 64 коп. рассрочены на пять лет равными долями, начиная с 1 января 1911 года. О чем поставлена в известность Ставропольская казенная палата для зависящих распоряжений» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 767. Л. 52].

Отношением от 13 мая 1911 года областное правление ставит в известность начальника округа о рассрочке на пять лет уплаты тех же недоимок и на тех же условиях с селения Исламово (Верхний Курп) в сумме 7834 руб. 59 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 767. Л. 61]. В то же время сообщается о рассрочке на три года уплаты недоимок в сумме 2985 руб. 70 коп., числящихся за селением Абаево (Урожайное) [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 767. Л. 63].

10 сентября 1911 года Ставропольская казенная палата пишет начальнику Нальчикского округа, что канцелярия заместника на Кавказе сообщила о решении министерства внутренних дел предоставить рассрочку на пять лет уплаты недоимок, накопившихся за селением Хапцево (Хамидие), Нальчикского округа, в сумме 6381 руб. 89 коп., начиная с 1 июля 1911 года [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 767. Л. 99].

Следовательно, была сделана уступка главным образом 4-ому участку Нальчикского округа, селениям Малой Кабарды. Но это не могло окончательно устранить растущих недоимок. По тому же селению Хапцево, несмотря на рассрочку 6381 руб. 89 коп., часть которых была уже погашена, на 1 ноября 1911 года недоимки составляли 9404 руб. 36 коп., а по Нальчикскому округу за 1910 год – 155 461 руб. 44 коп. [Щеголев 1962: 100].

Видя, что ситуация с налоговыми поступлениями не улучшается, администрация для решения данного вопроса начала действовать не только в русле политики «уступок», а в русле политики «давления».

26 августа 1911 года начальник Нальчикского округа Клишбиев отправил начальникам участков и старшинам селений Нальчикского округа циркуляр №15927. В этой строжайшей директиве говорилось следующее: «По сведениям управления округа, сельским обществам по окладным листам в уплате недоимок и платежей текущего года государственной оброчной подати и воинского налога и частными землевладельцами государственного поземельного налога сдано в Нальчикское казначейство по настоящее время самое мизерное количество, тогда как почти год на исходе. Из этого необходимо заключить, что начальники участков и старшины или совсем не принимают никаких мер, или принимают самые пассивные меры.

Требую от начальников участков и старшин, чтобы они приняли самые энергичные и решительные меры по взысканию всех казенных недоимок и платежей текущего года по окладным листам и сдаче их в казну обязательно к 20 декабря месяца с/г. Предупреждаю, что бездействие в деле взыскания казенных недоимок и платежей не будет терпимо, а так же не будет допущено, чтобы к будущему году оставались какие-либо казенные недоимки. О сдаче недоимок и платежей донести не позже 20 декабря с/г» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 767. Л. 94].

Спустя два месяца 16 ноября 1911 года последовал новый циркуляр Клишбиева, в котором он писал: «Невзирая на циркулярное предписание от 26 августа с/г. за № 15927, в Нальчикское казначейство до сего времени поступило от сельских обществ недоимок и текущих платежей государственной оброчной подати и воинского налога, а также от частных землевладельцев поземельного налога не более как четвертая часть, тогда как года уже на исходе» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 767. Л. 117]. Клишбиев предупреждал своих начальников участков, «что бездействие в деле взыскании не будет терпимо и всякая ответственность за допущение недоимок на будущий год будет лежать на начальниках участков, которые обязаны принять меры по отношению бездействующих старшин, представляя их к наказанию вплоть до отрешения от должности» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 767. Л. 117].

Однако предпринятые меры начальника округа не дали желательных результатов. Сбор недоимок и текущих платежей шел чрезвычайно медленно. 20 ноября 1911 года податной инспектор Нальчикского участка пишет начальнику Нальчикского округа: «По сведениям Нальчикского казначейства, на 15 ноября за населением числится недоимки:

Поземельного налога.....	6162 р. 30 к.
Оклада сего налога.....	12101 р. 61 к.
Недоимки воинского налога.....	1839 р. 60 к.
Оклада сего налога.....	9747 р. 68 к.
Недоимки оброчной подати.....	32 197 р. 8 к.
Оклад ее.....	181544 р. 15 к.

Такая непомерная задолженность по окладным сборам более чем странна» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 767. Л. 122].

Податной инспектор объяснял создание такого положения, во-первых, тем, что местные власти недостаточно уделяют внимания интересам казны. Второй причиной он считал бездеятельность местных органов власти. Он просил начальника округа «принять все зависящие меры, дабы к концу года населения вышло из этой чрезвычайной задолженности по окладным сборам» [Щеголев 1962: 101].

Накопление недоимок и падение платежеспособности населения поставило под угрозу содержание земских почтовых станций в Кизляре, Моздоке, Пятигорске и Георгиевске.

28 сентября 1911 года начальник Терской области писал начальнику Нальчикского округа, что Ставропольский губернский распорядительный комитет прекратил отпуск денег на содержании почтовых станций в указанных городах впредь до выполнения недоимок» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 767. Л. 125].

Начальник области генерал Михеев предписывал начальнику округа «принять самые энергичные меры к немедленному взысканию с плательщиков накопившихся недоимок земского сбора» [Щеголев 1962: 102].

Однако поступление недоимок земского сбора шло чрезвычайно медленно. В своем предписании 10 октября 1911 года старшине слободы Нальчик начальник округа указывал, «оклад земского сбора, следуемый с населения слободы Нальчик за текущий год, до сего времени не взыскан и не сдан» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 767. Л. 127]. В итоге были сорваны сроки, установленные управлением округа по выплате недоимок и платежей.

1 декабря 1911 года начальник округа писал всем начальникам участков: «В дополнение к циркулярным предписаниям принять самые действенные и решительные меры к тому, чтобы до 21 декабря все недоимки оброчной подати и воинского налога, а так же оклады этих сборов за текущий год были сданы в Нальчикское казначейство» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 767. Л. 125]. В случае несвоевременного взыскания начальник округа угрожал арестом и отстранением от службы начальников участков и старшин селений.

Областное правление своим предписанием от 30 ноября 1911 года требовало от начальника округа принять соответствующие меры неисправным плательщикам и «представить сведения о количестве недоимок, оставшихся неиззысканными к ноябрю с объяснением причин, задерживания взыскания таковых» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 767. Л. 140].

5 декабря 1911 года начальник округа запросил Нальчикское казначейство дать сведения о поступлении недоимок и платеже казенных сборов, числящихся за населением округа [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 767. Л. 141]. Нальчикское казначейство 9 декабря представило запрашиваемые сведения, из которых видно, что на 1 декабря 1911 года за населением округа числилось еще более 200 тыс. рублей неиззысканных платежей [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 767. Л. 142]. 11 декабря 1911 года начальник округа доносил рапортом начальнику области о состоянии поступления недоимок и окладов, в

котором указывал, что остаются неизысканным 234 067 руб. 73 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 767. Л. 143]. Начальник округа причины накопления недоимок объяснил так: «Вследствие того, что в 1909 году утвержденные раскладки на трехлетие (1909-1911 годы) последовало поздно и окладные листы были разосланы в конце года, почему и оклады платежей за 1909 год почти целиком перешли в недоимку на 1910 год» [Щеголев 1962: 101]. 31 января 1912 года начальник округа запросил Нальчикское казначейство дать сведения о поступлении платежей за декабрь прошлого года и о том сколько осталось недоимок на 1 января 1912 года [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 767. Л. 160]. Таким образом, к январю за Нальчикским округом оставалось недоимок прошлого года государственного поземельного налога, оброчной подати и воинского налога 141 065 руб. 39 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 767. Л. 160].

С 1914 года управлением Нальчикского округа была предпринята последняя попытка решения данного вопроса. 9 июня 1914 года начальником округа было выдвинуто постановление о том что: «Начальники участков в деле взыскания налоговых сборов и недоимок прежних лет, не должны ограничиваться лишь вручением окладных листов платежным единицам сельским старшинам, от желания которых зависело своевременное внесение в казну сборов, причиняя ущерб казенным интересам, так как некоторые землевладельцы приходится платить оклад 50-60 руб. в год, а недоимки прежних лет за ними числятся от 200 до 300 рублей, уплата которых, естественно, чувствительна для хозяйства, что исключается при уплате в 2 срока 50-60 рублей» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 895. Л. 113-113 об.].

В этих условиях было предписано к каждому 5-ому числу следующего месяца, предоставлять месячные ведомости о поступлениях в Казначейство указанного налога. В предоставленных ведомостях указывать: сколько причиталось к взысканию с данного лица оклада текущего года, недоимки и пени прежних лет и пени, сколько взыскано, когда и под какую квитанцию деньги поступили [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 895. Л. 113 об.].

Но вновь предпринятые меры управления Нальчикского округа оказались безуспешными. Из представленных из казначейства в Ставропольскую казенную палату отчетные ведомости за сентябрь и октябрь месяц 1915 года видно следующие: «за сельскими обществами числится недоимок 30 994 руб. 3 коп. и оклада этого года 348107 руб. 78 коп., а на землях частных владельцев недоимок 16718 руб. 34 коп. и оклада 49 681 руб. 34 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 929. Т. 1. Л. 45]. А к концу 1915 года общая сумма долгов по сборам составила: 47712 руб. 37 коп. недоимок и 397 789 руб. 12 коп. оклада [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 929. Т. 1. Л. 108]. Областное правление Терской области признавало такое поступление средств неудовлетворительным и недопустимым в сложное для России время, связанное с военными обстоятельствами.

Общая сумма долга по налоговым сборам в Нальчикском округе за период 1905-1917 годов составила 1 246 010 рублей. Данная сумма наглядно демонстрирует, насколько была колоссальна проблема налоговых сборов в округе, насколько удручающим было отсутствие финансового благосостояния у

населения. Несмотря на меры, принимаемые областным управлением, взыскать платежи не удавалось.

Общественный капитал Нальчикского округа

Наиболее значимую роль в экономике Нальчикского округа с начала XX века играл народный кредит. Успех ведения земледельческого хозяйства мелкими производителями при переходе к рыночным отношениям обуславливался двумя важными факторами: наличием оборотного капитала и более совершенной техники. Следовательно, главным в деле улучшения сельского хозяйства являлась проблема организации дешевого и доступного кредита. Крупный банковский кредит был недоступен мелким земледельцам, а ростовщики-кредиторы на рубеже XIX-XX вв. брали по 30-80% годовых от выдаваемой заемщику суммы (в горских селениях ростовщики брали нередко 100, 200 и более процентов), что подрывало сельское хозяйство.

Общественный капитал Нальчикского округа имел свои особенности, которые определялись экономическими, территориальными и этнополитическими особенностями округа. В настоящей работе под общественным капиталом подразумевается совокупность связанных между собой индивидуальных капиталов. Общественный капитал существует в трех формах: денежной, производительной и товарной, а взаимообусловленность оборотов индивидуальных капиталов проявляется на рынках товаров, рабочей силы и ссудного капитала.

В Нальчикском округе общественный капитал образовывали общественные ссудные кассы и кредитные товарищества. Историю общественного капитала в Нальчикском округе можно начинать с таких кредитных учреждений, как общественные ссудные кассы. Первым таким учреждением была Кабардинская общественная сумма, возникшая в Кабарде (1856 г.). Создавалась она по решению кавказской администрации не на основе кооперативного, а на основе общественного капитала.

Кабардинская общественная сумма была первым опытом создания народного кредита в Терской области. До проведения административной реформы 60-ых гг. XIX века на Северном Кавказе общественная сумма называлась общественным капиталом и находилась в ведении штаба войск Левого крыла Кавказской линии. В 1856 г. для упорядочения распоряжения общественным капиталом Кавказский наместник кн. А.И. Барятинский утвердил специальное «Положение об управлении кабардинской общественной суммы». Положение это включает в себе 27 статей, из которых статьи 14-ая и 28-ая относятся к организации народного кредита. Часть доходов кабардинской суммы, как говорится в «Положении», назначается на кредитное обращение среди жителей кабардинского округа. Залогами при займе денег могут быть принимаемы драгоценные камни, золотые и серебряные вещи, оружие, табуны и стада (ст.16) [Баев 1908: 31-32].

Залоги драгоценными камнями, золотыми и серебряными вещами и оружием должны быть по оценке в кабардинском суде приняты на хранение в

отделении и за те же выданные деньги в половину их стоимости (ст.18) [Баев 1908: 32].

У кого имущество заложено или кто имеет большие долги, тот не может быть поручителем (ст. 20) [Баев 1908: 32].

Сведения эти должны быть собираемы депутатами суда и за лживое свидетельство отвечают они своей собственностью, а также на их ответственности лежит секретная растрата поручителями своего имущества после представления поручительства (ст.21) [Баев 1908: 32].

Желающий занять деньги подает прошение в Народный суд с представлением залога и поручителей при случае в них нужды и суд по оценке залога, цены и названий поручителей и их имущества. Затем полученное свидетельство представляется при другом прошении начальнику округа с залогом или без него, смотря по роду залогов, и тогда выдается из отделения занимаемая сумма, т.е. половина против стоимости залогов (ст.22) [Баев 1908: 32].

О заложении табунов и стад и поручителях народный суд публикует через управляющих частями кабардинского округа (ст.23) [Баев 1908: 33].

Срок самый продолжительный для возврата капитала в приказ полагается 3-ех летний, а проценты вносятся ежегодно вперед (ст.24). Штраф за просрочку полагается в размере седьмой части займа [Баев 1908: 33]. Данное положение действовало вплоть до 1917 года.

Общественная сумма начала свою деятельность с февраля 1859 года. Из общественной суммы отпускались средства на содержание должностных лиц окружного суда, лесничества, хозяйственной комиссии, учителей Нальчикской окружной школы, Нальчикской гауптвахты, на строительство и ремонт дорог, мостов, общественных зданий и др. Общественной суммой ведал казначей, избираемый Съездом доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ сроком на три года. В своей деятельности он руководствовался решениями ежегодных съездов доверенных о порядке хранения и расходования общественных сумм, предписаниями и распоряжениями начальника округа. Его деятельность контролировалась Съездом доверенных и начальником округа.

Однако изучение данной деятельности в указанный период невозможно без изучения данных о финансах. О состоянии (расходов и доходов) внутри общественной суммы 1905-1917 гг. можно судить на основе изучения материалов годовых статистических отчетов.

К 1 января 1906 г. общественная сумма составляла 135 287 р. 7 к., в том числе: а) выданных ссуд населению округа 18 222 руб. к.; б) в долгу по особой долговой ведомости 7255 руб. 18к.; в) в бумагах Государственной 4 % ренты на номинальную сумму 46 600 р.; г) во Владикавказском отделении Государственного банка на школу имени Императора Александра III № 2988-51178 руб. 50 к.; д) на приращение процентами по книжке № 10931 4546 р. 95 к., в кассе на лицо 7484 р. 79 к. В отчетном году, т.е. в 1906 году, поступило в кассу 10 коп. поземельного сбора, 26 392 руб. 61. коп. процентов и штрафов за несвоевременный взнос ссуд 875 р. 5 коп., процентов полученных на 4 % государственного займа и за срочные выплаты – 5627 руб. и лесного дохода

8408 руб. 10 к., а всего с остатком к 1906 году 176 583 руб. 12 к. В течение отчетного года израсходовано 34 796 р. 16 к. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 695. Л. 125].

К 1907 г. состояние суммы составляло 141 786 руб. 96 к., в том числе выданных ссуд населению округа 22 899 руб. 84 к.; б) в долгу по особой долговой ведомости 3155 р. 18 к., в бумагах Государственной 4 % ренты на номинальную суммы 24 000 р. Во владикавказском отделении Государственного банка на школу имени Императора Александра III 84 590 р. 24 к. в сберегательной кассе Государственного банка по книжке № 4168 5460 р. 61 к. и в кассе остаток составил 1681 р. 9 к. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 695. Л. 125-125 об.].

К 1-му января 1911 года состояло восемь тысяч семьсот двадцать один руб. семьсот шесть копеек (78,721 руб. 76 коп.), в том числе: а) во Владикавказском отделении государственного банка по книжкам за № 4163 4318-9,194 руб. 61 коп. и за № 4319-10,172 руб.89 коп.; б) в том же отделении по сохранной расписке банка за № 9809-государственных 4 % рент 24,000 руб.; в) в долгу по особой долговой ведомости 7,673.52 коп.; г) в долгу за жителями округа по выданным ссудам – 17,640 руб. 96 коп. и д) состояло на лицо в кассе 10,039 руб. 48 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 810. Л. 1-1об.].

К этой сумме в отчетном 1911 году поступило в кассу: 1) 10,5 коп. подесятинного сбора за Зольские и Горные пастбища 32 687 руб. 97 коп.; 2) лесного дохода – 16 033 руб. 67 коп.; 3) от отдачи в аренду хуторных участков из запасных горных пастбищ – 21 130 руб.; 4) процентов на капитал, выдаваемый в ссуду – 530 руб. 81 коп.; 5) процентов на капитал, хранящийся в отделении банка – 958 руб. 24 коп.; 6) штраф за несвоевременный взнос долга 78 руб. 12 коп.; 7) от арендатора ломки алебастра 1983 руб. 66 коп.; 8) от арендатора источника «Нарзан» 50 руб.; 9) от управления Кавказских Минеральных Вод за отвод воды для обводнения Тамбуканского озера 50 руб. и 10) из депозитов Владикавказского окружного суда в возврат денег внесенных их кабардинской общественной суммы на вызов свидетелей по делу об Атажукинском саде 130 руб. 32 коп., а всего в отчетном 1911 году поступило семьдесят три тысячи шестьсот тридцать два руб. семьдесят девять коп. (73 632 руб. 79 коп.). В отчетном 1911 году было израсходовано 45 388 руб. 47 коп.

Всего с остатком к 1-му января 1912 года состояло: 106 966 руб.8 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И- 6. Оп. 1. Д. 810. Л. 1 об. – 2].

В том числе 1) В Владикавказском отделении государственного банка по книжкам за № 4136-4318 – 10 145 руб. 28 коп. и за № 4319 – 10 229 руб. 7 коп.; 2) в том же отделений банка по сохранной расписке банка № 9809 – государственных 4 % рент – 24 000 руб.; 3) в долгу по особой долговой ведомости 27 378 руб. 55 коп., 4) в долгу за жителей округа по выданным ссудам 21 615 руб. 96 коп.; 5) состоит в кассе 13 597 руб. 22 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 810. Л. 2].

К этой сумме в отчетном 1912 году поступило в кассу: 10 ½ коп. подесятинного сбора за Зольские и Горные пастбища 26 685 руб. 80 коп.; 2) лесного дохода 17929 руб. 25 коп.; Вырученные от сдачи в аренду хуторных

участков из запасных земель как излишек 23 100 руб.; 4) Поступило от арендатора хуторных участков П. Коголкина в уплату Государственной оброчной подати за те же хуторные участки за 1912 год 600 руб.; 5) На содержание доктора Кабардинской общественной больницы Шогенова поступившей с селений Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ по раскладам 1454 руб. 82 коп.; 6) процентов на капитал, выдаваемый в ссуду 1057 р. 27 коп.; 7) процентов на капитал, хранящийся в отделении государственного банка – 669 руб. 88 коп.; 8) штрафа за несвоевременный взнос долга – 164 руб. 28 коп.; от директора Кавказских Минеральных вод за воду проведенную из реки Этоки в Тамбуканское озеро – 110 руб.; 10) от арендатора Теплового Нарзана 50 р.; 11) за алебастр от арендатора Анзорова 2000 руб.; 12) обратно поступившие на приход, как ошибочно выписанные в расход – 2 руб.; 13) поступившие от общества Балкарского в возврат из расходованных из Кабардинской общественной суммы на восстановление границ и межевых знаков Балкарского общества и Кабардинского лесничества 880 р. 16 к.; 14) поступившие от начальника 4-го участка 604 руб. 66 коп., взысканные с жителей сел Астемирова – Хапцева, Баташева, Борокова и Муртазова на пополнение недоимки в суммы подводной повинности за 1904 г. И 9 селений Малой Кабарды; 15) поступившие обратно на приход, как ошибочно взысканные в расход в ст. под № 100 в числе 600 руб. для выдачи ученикам стипендиатам 150 руб.; 16) поступившие обратно как неправильно ошибочно выписанные в расход ст. под № 3 – 1912 г. В числе 2025 руб. для выдачи студентам и воспитанникам стипендиатам 450 руб., а всего в отчетном 1912 году поступило (71,821 р. 28 к.). Всего с остатком к 1 января 1913 года в отчетном году состоит: 89 708 руб. 52 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 810. Л. 27 об. – 28].

К 1-му января 1916 года состояло общественного капитала 104 464 руб. 72 коп [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 45. Л. 2-2об.]. В том числе: а) в Нальчикском казначействе под квитанцией от 7 февраля 1905 года за № 489-Государственной 4 % на сумму – 19 000 руб.; б) в долгу по особой долговой ведомости – 15 913 руб. 58 коп.; в) в долгу за жителями округа по выданным ссудам – 42 159 руб.; г) в кассе 27 392 руб. 08 коп.

К этой сумме в отчетном 1916-м году поступило в кассу: 1) 10 ½ и 16 ½ коп. подесятинного сбора за Зольские и Горная пастбища – 7 726 руб. 64 коп.; 2) лесного дохода от лесничего Кабардинского лесничества – 20 654 руб. 28 коп.; 3) лесного дохода от Лесного объездчика на Эшкакон от продажи конфискованного леса – 482 руб. 16 коп.; 4) арендой платой от коннозаводчиков, скотоводов и овцеводов за участки земли на Золке и горных Пастбищах – 56 788 руб. 30 коп.; 5) штрафа с коннозаводчиков, скотоводов и овцеводов за несвоевременный взнос денег в размере 10 % просроченного платежа – 2908 руб. 97 коп.; 6) за размежевание запасных пастбищных земель на конозаводческие и хуторские участки – 1 623 руб. 56 коп.; 7) за 22 выкопировки с плана запасных пастбищных земель приложения к подлинным договорам – 44 руб.; 8) за участок земли, сданный в аренду с торгов близи Тамбуканского озера – 6095 руб. 65 коп.; 9) недоимки государственной

оброчной подати с сельских обществ и коневодов и скотоводов за участки земли на Золке и горных Пастбищах – 6 397 руб. 24 коп.; 10) оклада по раскладке с населения кабардинского народа и горских обществ на содержание врача Кабардинского приемного покоя по приговору доверенных – 1231 руб. 83 коп.; 11) доход от оброчных статей: а) за обводнение Тамбуканского озера от управления Кавказских Минеральных вод 115 руб. 50 коп.; б) за участок земли на «Бермамыт» от Кавказского конного общества – 80 руб.; в) за право постановки на летнее время харчевни на скотопрогонной дороге – 10 руб.; г) за право постановки в Атужикинском Саду на летнее время будки для продажи прохладительных напитков – 115 руб.; д) за сдачу в аренду торгов площади Атажукинского сада под сенокошение – 404 руб., а всего – 724 руб. 50 коп.; 12) проценты по выдаваемым жителям округа ссудам и отсрочкам на взнос денег – 2 113 руб. 13 коп.; 13) проценты от продажи срочных купонов Государственной 4 % ренты – 360 руб. 95 коп.; 14) штраф с должников за несвоевременный взнос в общественный капитал долга – 401 руб. 47 коп.; 15) поступившие обратно на приход как ошибочно выписанные расход по статье 103 – для выдачи в жалования акушерке приемного покоя Ефимовой, но не выданные 25 руб.

Всего с остатком к 1-му января 1916 года – 212 042 руб. 45 коп. Из них было выписано в расход в отчетном 1916 году 66 975 руб. 05 коп. В остатке состояло – 145 067 руб. 39 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 45. Л. 2-2 об.]. В том числе: а) в Нальчикском казначействе государственной 4 % ренты под квитанцией от 7 февраля 1915 года за № 489 – 19 000 руб.; б) в государственной сберегательной кассе по книжке за № 1699 – 48 108 руб.; в) в долгу за жителями округа по выданным ссудам – 37 224 руб. 47 коп.; г) в долгу по особой долговой ведомости 12 140 руб. 74 коп.; д) состоит на лицо в кассе 28 574 руб. 18 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 45. Л. 22].

Подробные сведения о приходе и расходе этой суммы ежемесячно предоставлялись в Терское Областное Правление.

Приведенные данные отчетов – пример действия статей ст. 16 и 24 «Положения об управлении кабардинской общественной суммы».

Таким образом, складывается следующая картина состояния финансов Кабардинской общественной суммы. Период 1906-1907 – Доход: 176 583 руб. 12 к. Расход: 34 796 р. 16 к. (1906 г.); Доход: 141 786 руб. 96 к. Расход: 22 899 р. 84 к. (1907). Период 1912-1913 – Доход: 106 966 руб. 8 коп. Расход: 45 388 руб. 47 коп. (1912). Период 1916-1917 – Доход 212 042 руб. 45 коп. Расход 66 975 руб. 05 коп.

Общая сумма расходов и доходов за 1905-1916 года.

Доход: 727 085 руб. Расход: 170 058 руб.

Состояние суммы к 1917 году – 145 067 руб. 39 коп.

Средний показатель за год (11 лет) сальдо составил – 50 638 руб.

Наличие данного капитала, а так же положительный показатель сальдо за рассмотренный период, способствовало к созданию хорошей финансовой базы, для округа демонстрируя высокий оборот денежных средств. И в данных условиях имелась возможность принятия образцового устава земских касс, утвержденного Министерством финансов 14 июня 1906 г. Этот устав

предоставлял право земским собраниям самостоятельно учреждать кредитные товарищества, которые, в свою очередь, выдавали ссуды производственным кооперативам, потребительским и сельскохозяйственным обществам, а также отдельным крестьянам. Нальчикский округ, имея уникальное земское самоуправление с развитой нормативной и законодательной базой, мог создать народный банк на базе Кабардинской общественной суммы. Имея для начала собственных 50 тыс. рублей, он мог рассчитывать на получение на обороты из государственного банка не менее 50 тыс. руб. Оказывая кредит даже в 10 % банк приносил бы прибыль в год не менее 10 тыс. руб. Однако по изученным архивным материалам следует вывод, что вопрос реорганизации общественной суммы не обсуждался органами управления Нальчикского округа. И вплоть до 1917 года это кооперативное объединение выполняло свои функции по «Положению 1856 года».

Что касается следующего объединения общественного капитала – кредитного товарищества, то период 1905-1917 характеризуется ростом данных объединений внутри Нальчикского округа.

Наиболее крупным кредитным товариществом было Нальчикское, в период своей деятельности с 1911 по 1917 года в составе общества состояло 1755 человек, открывших кредит в сумме 245 тыс. рублей, сумма выданных ссуд к 1916 году составила 150 тыс. руб. Товариществом было куплено товаров на 12 тыс. рублей, чистая прибыль к 1916 году составила 5539 рублей. Вокруг Нальчикского кредитного товарищества были объединены 5 кредитных товариществ: Куденетовское, Баксанское, Атажукинское, Клишбиевское, Касаевское. В целом все эти товарищества объединяли около четырех тысяч членов-домохозяйств. Ими были открыты кредиты в сумме 500 тыс. рублей. Вкладов около 60 тыс. рублей, займов около 350 тыс. рублей и ссуд до 370 тыс. рублей [Мамбетов 1961: 136].

Кредитные товарищества способствовали росту производственных сил, улучшению сельскохозяйственной техники, развитию торговли.

К примеру, благодаря Куденетовскому товариществу крестьяне получили возможность засеивать лишнюю десятину земли, оно выступало посредником в покупке упряжи, поставляло лес и железо кустарям для выделки ходов и арб. Баксанское кредитное товарищество совместно с другими соседними товариществами открыло кооперативный маслобойный завод [Мамбетов 1961: 137].

Усиленный приток вкладов в товарищества объяснялся ростом цен на главные экспортные зерновые культуры, которые производились в области (главным образом, кукурузу); ростом цен на сельскохозяйственные продукты; запрещением продажи спиртных напитков, воздержанием от потребления которых могло отразиться на сбережениях населения; выдачей пайков и пособий мобилизованным и их семьям; сокращением непроизводительных расходов; сокращением хозяйственных работ (на ремонт и постройку жилых помещений и т.д.) вследствие недостатка рабочих рук и дороговизны материалов, необходимых в крестьянском хозяйстве [Айларова 2015: 8]. Все это давало населению небольшой капитал, который и поступал в кассы

товариществ в виде отдельных сбережений. Быстрый рост вкладных операций давал возможность многим товариществам осуществлять самостоятельную хозяйственную деятельность, способствуя развитию экономики Нальчикского округа.

Экономика Нальчикского округа 1905-1917 гг.

Вступление России в конце XIX – начале XX вв. в эпоху модернизации способствовало дальнейшему экономическому подъему национальных окраин. Для Нальчикского округа это имело ключевое значение. Возникновение капиталистических отношений, втягивание края в систему всероссийского рынка благоприятствовали более быстрому росту экономики, его интеграции в общероссийский рынок. Население Терской области активно включалось в рыночные отношения, под влиянием которых происходило становление и развитие общекавказского рынка, зарождение товарного производства, развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Сельское хозяйство

Так как Нальчикский округ в основном был аграрным регионом, одну из основных отраслей экономики составляло сельское хозяйство, учитывая площадь Нальчикского округа, которая составляла 1026130 десятин, где не обмезуживанных земель в нагорной полосе было 671 426 десятин, удобной под угодьями 723 130 десятин, лесу 19 900 дес. и неудобной 104 000 десятин. На душу коренного населения приходилось всей земли 19,68 десятин, удобной 13,8 и леса 3,8 десятин [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 695. Л. 124 об.]. Судя по этим данным, сельское население округа было обеспечено для своих сельскохозяйственных потребностей. Однако ведение сельского хозяйства в Нальчикском округе до начала XX века оставалось на достаточно низком уровне. О трехпольной и многопольной, системе севооборота крестьяне округа почти не имели понятия. Но благодаря торгово-экономическим связям с Россией, в селения Нальчикского округа начинают проникать товарно-денежные отношения, которые разрушали основы натурального хозяйства. Начинался быстрый рост земледельца, что характеризовалось ростом посевных площадей.

В период 1905-1907 гг. сельское хозяйство Нальчикского округа представляло следующее состояние. Посевом озимых хлебов было занято пространство в 13374,5 дес. Посевом яровых – 52353,5 дес., а всего 65728 десятин.

На этом пространстве было высеяно озимого хлеба 12124,75 четверти и ярового 29166 четвертей, собрано озимого 704 92,5 четвер. И ярового 346 742 четвер [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 695. Л. 129].

Сведения о посевных площадях и урожаях за 1914 и 1915 года были следующими:

Общий сбор в пуд. В 1914 г. у крестьян, у частных владельцев – пшеница: озимая – 1306000 пуд.; ячмень (яровой и озимый) – 372 675 пуд.; овес – 268715 пуд.; просо – 594590 пуд.; кукуруза – 869945 пуд.; картофель – 120000 пуд.; подсолнечник – 88 2995 пуд. Всего: 441 8000 пуд. Сено (суходольное) –

2400000 [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 907. Т. 3. Л. 196 об. – 197].

Общий сбор в пудах в 1915 г. у крестьян, у частных владельцев – пшеница: озимая – 1 027 320 пуд.; ячмень (яровой и озимый) – 428 625 пуд.; овес – 310 050 пуд.; просо – 691 380 пуд.; кукуруза – 997 670 пуд.; картофель – 120 000 пуд.; подсолнечник – 1 018 500 пуд. Всего: 4 597 645 пуд. Сено (суходольное) – 3 500 000 [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 907. Т. 3. Л. 196 об. – 197.].

Запасов имелось: а) у хлеботорговцев и на сновальных заводах: кукурузы – 210000 пуд.; б) у крупных землевладельцев: проса – 500 пуд., кукурузы – 12200 пуд., сена – 142500; д) у населения: муки (пшеничной) – 2000 пуд., ржи – 2000 пуд., пшеницы – 4900 пуд., ячменя – 14000 пуд., овса – 1596 пуд., проса – 293 970., кукурузы – 1451145 пуд., сена – 1465800 пуд [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 907. Т.3. Л. 196 об. – 197].

Итого: муки (пшеничной) – 2000 пуд. ржи – 2000 пуд., пшеницы – 4900 пуд., ячменя – 14000 пуд., овса – 1596 пуд., проса – 294 470., кукурузы – 1 673 345 пуд., сена – 1 189 800 пудов [УЦГА АСКБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 907.Т. 3. Л. 196 об. – 197].

Таким образом, урожай давал, в общем, сам 5 озимого и 9 ярового. Лучшие урожаи давали картофель и кукуруза. Коренное население округа занималось преимущественно посевом яровых хлебов и весьма в малом количестве сеяло озимую пшеницу. Просо и отчасти кукуруза употреблялись населением вместо хлеба. Избытки проса, кукурузы и хлеба шли на продажу.

Благодаря втягиванию Нальчикского округа в торговый оборот России, происходит рост производства и торговли выше указанной продукции. Где на первые места выходят кукуруза и хлеб.

Об этом свидетельствуют следующие данные: в период с 1905-1913 гг. через две железнодорожные станции – Котляревская и Муртазово – было вывезено около 26 млн. пудов хлеба [Белоусов 1956: 24].

В 1914 году только через Муртазово было вывезено около 1 миллиона пудов, из них кукурузы – 630 тысяч пудов, ячменя – 205 тысяч, овса – 54 тысячи, пшеница – 53 тысячи, пшеницы – 6,7 тысячи, муки пшеничной – 16,7 тысячи и прочих хлебных грузов – 57,6 тысячи пудов [Белоусов 1956: 24].

24 % вывозимой кукурузы и 37 % ячменя шли на мировой рынок через Новороссийский торговый порт. До 75 % вывозимой кукурузы шло на разные станции Европейской России, по-видимому, на винокуренные и крахмалопаточные заводы. Ячмень шел на русские пивоваренные заводы, частично на фураж для кавалерийских полков Кавказа и Туркестана [Белоусов 1956: 24].

Все эти данные наглядно демонстрируют рост товарности и торгового оборота в сельском хозяйстве Нальчикского округа. В период с 1911 по 1915 год валовой сбор всех зерновых культур не превышал примерно 7.5-8 миллионов пудов в год, а вывоз товарного хлеба составлял примерно в 4,5 миллионов пудов. Таким образом, примерно 2/3 собранного урожая всех зерновых культур в эти годы являлось товарным [Белоусов 1956: 25].

Самую главную отрасль сельского хозяйства в округе составляло

животноводство. К 1905 году в округе состояло крупного рогатого скота 223737 голов и мелкого 522816 и лошадей всех возрастов у населения 69634 голов [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 695. Л. 130 об.]. На каждые 100 душ населения приходится крупного рогатого скота 158 голов, мелкого 812 голов и лошадей 422 если исключить число лошадей 6047 имеющих у частных коннозаводчиков. По возрастам лошади распределились у населения: сосунов 9062 и остальных малолеток 14760 голов, 4 леток 7139, рабочего возраста жеребцов 1 313, кобыл 24 615 и мерин 12 745, а всего у населения лошадей всех возрастов имелось 69 634. Кроме того у горских обществ Балкарии имелось ослов и мулов 39 31 голов [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 695. Л. 130 об. – 131].

Лошадей было продано сельским населением и коннозаводчиками строевых 1295 голов на сумму 130235 р. и рабочих 3001 голов на сумму 146109 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 695. Л. 131].

В числе рогатого скота в отчетном году в округе состояло: быков 49720, коров 8640, телят до 2 лет возраста 76773 и буйволиц и буйволов 10835 голов. В числе мелкого скота овец тонкорунных 23619, грубошерстных-местных 448836, коз 45322 и свиней у русского населения 5039 голов [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 695. Л. 131].

Итого в 1906 году продано рогатого скота 14504 голов на сумму 250310 р. мелкого скота 39887 на сумму 140 262 руб. Таким образом, скотоводство и коневодство дало населению капитал в 666 916 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 695. Л. 131].

В 1913 году было продано крупного рогатого скота 12 362 голов, лошадей – 4611 и овец – 27 055. Выручка от продажи скота составила уже 931 095 рублей [Мамбетов 1961: 124].

В 1914 г. коннозаводчиками было продано 10 758 голов строевых лошадей за 1 611 525 руб., а в 1915 г. – 8453 строевых лошадей уже на сумму 2 065 880 рублей. Кроме того, было продано 29696 рабочих лошадей на сумму 3 435 435 [Мамбетов 1961: 124].

Таким образом, в начале XX века Нальчикский округ был крупным поставщиком лошадей, крупного рогатого скота, овец на внутреннем рынке России и Терской области

Фабрично заводская промышленность

В начале XX в. фабрично заводская промышленность Нальчикского округа в основном находилась на стадии мануфактурного развития. Вместе с тем на отдельных производствах начинается переход к механизации наиболее трудоемких процессов. Эти предприятия, как правило, принадлежали представителям российских предпринимателей, более грамотным и более сведущим в области технического прогресса. Тем не менее отмеченная механизация и усложнение производственных процессов ускорили процесс перехода предприятий Нальчикского округа на паровые машины. Среди первых были лесопильный завод Нальчика и маслобойни с. Ново-Константиновки [Дзуганов, Гукетлова 2018: 50].

Общая картина торгово-промышленного состояния к 1905 году в округе, была следующая: заводов известковых 11, кирпичных, черепичных и гончарных 26, маслобойных 2, лесопильных 5, водяных мельниц 350, кустарных заводов 395 [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 695. Л. 131].

Общая производительность фабрично-заводской промышленности за 1906 выражалось суммой 106 433 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 695. Л. 131 об.].

Число торговых заведений было 559, торговый оборот которых выразился в сумме 428 995 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 695. Л. 131 об.].

Горнодобывающая промышленность Нальчикского округа была представлена несколькими мелкими предприятиями по добыче строительных материалов. В конце XIX – начале XX в. в округе действовали небольшие предприятия по добыче строительной глины и алебастра. Всего к 1908 г. в округе действовало 7 известковых заводов, с общим числом рабочих – 22 человека [УЦГА АС КБР. Ф. И-6, Оп. 1. Д. 768. Л. 102]. Предприятия добывающей промышленности принадлежали в основном горнопромышленникам России.

Особенно бурными темпами в округе развивается торговля, что было связано с проникновением капиталистических отношений в экономику Кабарды и Балкарии. Документами отмечено значительное, по сравнению с предыдущим периодом, увеличение числа торговых заведений и людей, занятых в коммерции. К 1900 году в Нальчикском округе насчитывалось 426 торговых точек [Кумыков 1965:415]. Торговыми центрами становятся слобода Нальчик и станица Прохладная. Нельзя не отметить, что темпы роста доходов от занятий коммерцией значительно опережали аналогичные показатели промышленного производства. Наглядным подтверждением служат данные ежегодных статистических отчетов. К примеру, в 1900 г. имеющиеся в округе 342 предприятия мелкой промышленности, подавляющее большинство из которых составляли водяные мельницы – 317, произвели товаров и услуг на сумму 41565 руб. В этот же период, совокупный торговый оборот местных коммерсантов составил – 284 420 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 514. Л. 22 об.].

В 1907 г. среди лиц, временно проживающих в округе и имеющих официальное разрешение на ведение торговой деятельности, либо небольшое промысловое производство, указано 69 человек [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 702. Л. 11-112]. В списке лиц, не менее года владеющих торговыми или промысловыми предприятиями и значилось 88 человек. Из них 33 держали свои лавки и промыслы в Нальчике, 10 – в кабардинских селениях, 26 – в балкарских, 19 – в русских станицах и селах [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп.1. Д. 702. Л. 132-132 об.].

Торговля становилась престижным семейным предприятием. Складывались целые купеческие династии. Документы донесли до нас фамилии Зипаловых, Шуйских и проч. Особенно привлекательным предприятием, торговля в округе становится для сезонных торговцев из других частей империи. В 1907 г. среди держателей торговых патентов были

зарегистрированы 3 брата Гавашелишвили, 8 – купцов Лобжанидзе. Династия Рехвиашвили была представлена 11 купцами [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп.1. Д. 702. Л. 132-132 об.]. Рост торговых отношений в Кабарде наблюдается и в последующие годы. В 1909 г. число торговых заведений округа достигло 705, торговцев – 829, совокупный торговый оборот составил уже 592787 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп.1. Д. 28. Л. 52]. Сумма произведенных товаров и услуг кустарной промышленности Нальчикского округа, при этом, составила всего 35275 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 28. Л. 123].

Ярмарочная торговля в рассматриваемое время свое место уступает лавочной торговле. Она была организована на базарах слободе Нальчик и аулах Докшоково и Кучмазукино. В 1914 г. торговый оборот этих базаров исчислялся в 190 тыс. рублей [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 28. Л. 123].

В годы первой мировой войны часть мелкой фабрично-заводской промышленности Нальчикского округа выполняла небольшие заказы военного ведомства России. В деле под названием «Список предприятий, фабрик, заводов и др., включенных в число работающих на оборону государства» (25 июля 1917 г.) значатся 11 различных предприятий и кредитных учреждений Нальчикского округа. Среди них наиболее крупными предприятиями являются деревообделочные заводы «Фанера», «Чинар» сл. Нальчика, мельница Т.Ф. Зингера в сел. Смекаловском, типография К.М. Львова в Нальчике, кредитные товарищества в селении Баксан, Ново-Полтавское, сл. Нальчик и др. [Дзуганов, Гукетлова 2018: 53].

Процесс промышленного развития сдерживался отсутствием налаженной транспортной инфраструктуры. Данная проблема заключалась в том, что дороги в Нальчикском округе находились в неудовлетворительном состоянии, кроме Нальчикско-Котляревского шоссе, которое ежегодно ремонтировалось средствами населения, причина неудовлетворительного состояния заключалась в географических особенностях округа, дороги прорезались массой горных рек, которые в некоторые времена года, особенно весной, делали сообщения недоступными, благодаря разливам [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 695. Л. 125].

Как следствие этих проблем, пропадала связь производителей сельхозпродукции с крупнейшими промышленными центрами России. В этих условиях отпадала всякая необходимость наращивать потенциал перерабатывающей промышленности округа, совершенствовать ее техническую базу. Имеющихся мощностей вполне хватало для обеспечения потребностей местного рынка.

Отсутствие разведанных месторождений полезных ископаемых и, в связи с этим, малая рыночная привлекательность для солидных инвесторов также ограничивали возможности промышленного роста Нальчикского округа. Процесс налаживания курортного дела в изучаемый период только разворачивался.

Положительную динамику стабильно демонстрировали темпы роста предприятий торговли округа. Коммерческое предпринимательство являлось наиболее доходной статьей экономики Нальчикского округа. Именно местная

торговля, при отсутствии внешних инвестиций, стала залогом дальнейшего роста фабрично-заводской промышленности.

Выводы

Финансы и экономика Нальчикского округа в начале XX века переживали период своего становления и роста. Качественный рост демонстрировали структуры общественного капитала. С начала 1905 года в Нальчикском округе переживали свое становление такие формы общественного капитала, как общественные ссудные кассы и кредитные товарищества, уровень развития которых способствовал к укреплению экономических связей и росту финансового благосостояния населения.

1. На базе Кабардинской общественной суммы мог быть создан первый крупный народный банк на территории округа, для этого имелось достаточное количество финансовых средств.

2. Наиболее впечатляющие результаты демонстрировала кредитные товарищества округа. Причина была в острой нужде сельских производителей в кредите, а также поддержке населения активно вкладывавшего свои сбережения туда.

Первые десятилетия XX века стали временем, когда Общественный капитал Нальчикского округа стал органической частью складывавшейся рыночной экономики региона и одной из самых действенных форм финансовой системы, появление которой не возможно было бы без рассмотренных учреждений.

Однако существовали проблемы налоговой системы и сборов. Причина данной проблемы не в кризисе административного управления Нальчикского округа, которое выполняло указания вышестоящих органов власти в соответствии с законодательством Российской империи. Причина роста недоимок заключалась в несовершенстве всей финансовой системы в Терской области. Достаточно указать на тот факт, что если в России подворная подать была заменена подушной податью еще при Петре I в 1718 году, то на Кавказе подымная (подворная) подать просуществовала вплоть до XX века. Только в 1901 году она была заменена поземельным налогом [Щеголев 1962: 104].

Воинский, подводный и другие виды налогов оставались только на окраинах России, в том числе и в Нальчикском округе.

Оброчная подать и поземельный налог составляли основную сумму платежей. Главным плательщиком оброчной подати было коренное крестьянство, а поземельного налога – крестьяне-переселенцы. Эта масса населения в 1911 году составляла 98,6 % всего населения Нальчикского округа. К тому же следует учитывать, что период 1914-1917 гг. был не простым для всей России. Первая мировая война вызвала расходы бюджета страны, что привело в свою очередь к увеличению налогов. К примеру, только по Терской области 24 декабря 1914 года «Особым Журналом Совета Министров о повышении окладов государственного поземельного налога, а также государственной оброчной и поземельной подати» было постановлено, что «к

1915 году по всему краю оклады увеличены: оброчной подати на 11 % и поземельного налога с крестьянских надельных земель на 50 %, а с земель частных владельцев на 100 %, по условиям военного времени». Таким образом, сумма сборов по Терской области должна была составить – 14 коп. с 757 294 дес. – 106021 руб. 16 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 903. Л. 8 об. – 9].

В итоге повышенные налоговые сборы становились непосильными для населения Терской области и в частности Нальчикского округа, так как официально среднемесячный доход на мужское население составлял 27 коп. Увеличение было настолько велико, что источники доходов крестьянского хозяйства не могли обеспечить непомерно растущих платежей по налогам. Именно эти факторы и вызвали кризис налоговой политики в Нальчикском округе.

Так же следует отметить, что экономика Нальчика округа в начале XX века все больше принимала товарно-капиталистический характер, началось изучение и разработка природных богатств края. Значительное развитие получила строительная индустрия, появились новые отрасли промышленности: кирпично-черепичные заводы; предприятия по производству извести и алебаstra, переработке древесины. Однако уровень производительных сил находился на кустарном уровне, и для дальнейшей его трансформации требовалось больше финансовых вложений и изменений конъюнктуры внутреннего рынка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 264 с.

Айларова 2015 – *Айларова С.А.* Кредитная кооперация Терской области в начале XX века // Электронный научный журнал «Финансы и учет». – 2015. – Вып. 4(30). Октябрь-Декабрь. – С. 3-7.

Баев 1908 – *Баев Г.В.* Народный кредит в Терской области. – Владикавказ: Тип. Сергея Назарова, 1908. – 56 с.

Белоусов 1956 – *Белоусов А.А.* Экономическое развитие Кабарды 1867-1953 гг. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. – 120 с.

Века... 2017 – Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557-1917 гг.). – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 544 с.

Глашева 2015 – *Глашева З.Ж.* Предпосылки создания банков и рост финансового капитала у народов Терской области в пореформенный период // Известия Кабардино-Балкарского Научного центра РАН. – 2015. – №1(63). – С. 204-210.

Дзуганов, Гукетлова 2018 – *Дзуганов Т.А., Гукетлова Л.Х.* Промышленность и торговля Нальчикского округа в нач. XX века // Всеобщая история. – 2018. – № 2. – С. 47-53.

Кириллов 2003 – *Кириллов А.К.* Новое и старое в регулировании городских банков в эпоху «Великих реформ» // Вопросы истории. – 2003. – № 9. – С. 143.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик. 1965. – 420 с.

Мамбетов 1961 – *Мамбетов Г.Х.* К вопросу о проникновении капиталистических отношений в экономику Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX веков // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. IX. – Нальчик. 1961. – С.110-148.

Моисеева 2007 – *Моисеева О.В.* Развитие кооперативных отношений на селе во второй половине XIX – нач. XX в. (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новочеркасск, 2007. – 27 с.

Прасолов 2017 – *Прасолов Д.Н.* Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 136 с.

Ратушняк 1983 – *Ратушняк В.Н.* Сельская кооперация Северного Кавказа в период капитализма: историография и очерк развития // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь, 1983. – С. 40-63.

Рыкова 2004 – *Рыкова И.Н.* Моделирование взаимоотношений банковской системы и финансовых рынков. Дисс. ... докт. эконом. наук. – Ставрополь, 2004. – 38 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы КБР.

Щеголев 1962 – *Щеголев А.И.* Крестьянское движение в Кабардино-Балкарии в годы Столыпинской реакции и нового революционного подъема. – Нальчик: Пролетарское книжное издательство, 1962. – 136 с.

REFERENCES

ABAZOV A.Kh. *Narody Tsentralnogo Kavkaza v sudebnoy sisteme Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [Peoples of The Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late XVIII – early XX century]. – Nalchik: ООО «Pechatnyy dvor». 2016. – 264 p. (In Russian)

AYLAROVA S.A. *Kreditnaya kooperatsiya Terskoy oblasti v nachale XX veka* [Credit cooperation of the Terek region in the early twentieth century]. IN: *Finansy i uchet.* – 2015. – Iss. 4 (30). Okt.-Dec. – P. 3-7. (In Russian)

BAYEV G.V. *Narodnyy kredit v Terskoy oblasti* [People's credit in the Terek region]. – Vladikavkaz: Tip. Sergeya Nazarova. 1908. – 56 p. (In Russian)

BELOUSOV A.A. *Ekonomicheskoye razvitiye Kabardy 1867-1953 gg.* [Economic development of Kabarda 1867-1953]. – Nalchik: Kabardinskoye knizhnoye izdatelstvo. 1956. – 120 p. (In Russian)

Veka sovmestnoy istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiyskom tsivilizatsionnom protsesse (1557-1917 gg.) [Ages of common history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilizational process (1557-1917)]. – Nalchik: Izdatelskiy otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 544 p. (In Russian)

GLASHEVA Z.Zh. *Predposylki sozdaniya bankov i rost finansovogo kapitala u narodov Terskoy oblasti v poreformennyy period* [Prerequisites for the creation of banks and the growth of financial capital among the peoples of the Terek region in the post-reform period]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo tsentra RAN.* – 2015. – No 1 (63). – P. 204-210. (In Russian)

DZUGANOV T.A., GUKETLOVA L.Kh. *Promyshlennost i torgovlya Nalchikskogo okruga v nach. XX veka* [Industry and trade in the Nalchik district in the beginning. XX century]. IN: *Vseobshchaya istoriya.* – 2018. – No 2. – P. 47-53. (In Russian)

KIRILLOV A.K. *Novoye i staroye v regulirovanii gorodskikh bankov v epokhu «Velikikh reform»* [New and old in the regulation of urban banks in the era of the "Great Reforms"]. IN: *Voprosy istorii.* – 2003. – No 9. – P. 143. (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Ekonomicheskoye i kulturnoye razvitiye Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the XIX century]. – Nalchik. 1965. – 420 p. (In Russian)

MAMBETOV G.Kh. *K voprosu o proniknovenii kapitalisticheskikh otnosheniy v ekonomiku Kabardy i Balkarii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov* [On the question of the penetration of capitalist relations into the economy of Kabarda and Balkaria in the second half of the XIX - early XX centuries]. IN: *Sbornik statey po istorii Kabardino-Balkarii* [Collection of articles on the history of Kabardino-Balkaria]. Iss. IX. – Nalchik. 1961. – P.110-148. (In Russian)

MOISEYEVA O.V. *Razvitiye kooperativnykh otnosheniy na sele vo vtoroy polovine XIX – nach. XX v. (na materialakh Dona, Kubani i Stavropolia). Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [The development of cooperative relations in rural areas in the second half of the 19th – early 20th centuries (on materials of Don, Kuban and Stavropol). Abstract of the thesis for a Candidate of historical sciences degree]. – Novocherkassk. 2007. – 27 p. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *Razvitiye mestnogo samoupravleniya u kabardintsev i balkartsev vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [The development of local self-government of the Kabardians and Balkars in the second half of the 19th – early 20th centuries]. – Nalchik: Redaktsionno-izdatelskiy otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 136 p. (In Russian)

RATUSHNYAK V.N. *Selskaya kooperatsiya Severnogo Kavkaza v period kapitalizma: istoriografiya i ocherk razvitiya* [Rural cooperation of the North Caucasus in the period of capitalism: historiography and a sketch of development]. IN: *Istochniki i istoriografiya agrarnoy istorii Severnogo Kavkaza* [Sources and historiography of the agrarian history of the North Caucasus]. – Stavropol. 1983. – P. 40-63. (In Russian)

RYKOVA I.N. *Modelirovaniye vzaimootnosheniy bankovskoy sistemy i finansovykh rynkov. Diss. ... dokt. ekonom. nauk* [Modeling the relationship of the banking system and financial markets. The dissertation for the Doctor of economical sciences degree]. – Stavropol. 2004. – 38 p. (In Russian)

UTsGA AS KBR – *Upravleniye Tsentralnogo Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoy Sluzhby KBR* [The Office of the Central State Archive of the Archive Service of the KBR]. (In Russian)

SHCHEGOLEV A.I. *Krestianskoye dvizheniye v Kabardino-Balkarii v gody Stolypinskoy reaktsii i novogo revolyutsionnogo podyema* [Peasant Movement in Kabardino-Balkaria in the years of the Stolypin reaction and a new revolutionary upsurge.]. – Nalchik: Proletarskoye knizhnoye izdatelstvo, 1962. – 136 p. (In Russian)

УДК 94(47)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-65-75

СЪЕЗДЫ ДОВЕРЕННЫХ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИЙ

Д.Н. ПРАСОЛОВ

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: dmprasolov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается деятельность съездов доверенных кабардинских и балкарских сельских обществ в Нальчикском округе после Февральской революции 1917 г. Этот самобытный орган окружного самоуправления функционировал как форма взаимодействия коронной администрации с местным населением еще с пореформенного периода. В условиях, сложившихся после революции в деятельности съезда доверенных произошли изменения: к заседаниям привлекались представители русского населения, доверенные стали избираться на альтернативной основе и значительно расширился круг компетенций. Фактически съезд доверенных эволюционировал в ключевой административно-политический институт, легитимировавший избрание и смещение окружных властей. Весной 1917 г. практика деятельности съездов доверенных была применена к организации временного самоуправления Терской области. В условиях соперничества различных политических сил разворачивается борьба за право санкционирования созывов сельских доверенных. В марте 1918 г. это противоборство привело к смене власти, положившей начало новому этапу самоопределения народов Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: кабардинцы; балкарцы; съезд доверенных; Нальчикский округ; Терская область; Революция 1917 г.; местное самоуправление.

CONGRESS OF ENTRUSTED IN THE NALCHIK DISTRICT: EVOLUTION AFTER THE REVOLUTIONS

D.N. PRASOLOV

Institute of humanitarian researches – branch of FSBSE «Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: dmprasolov@gmail.com

Abstract. In article activity of congresses of the entrusted Kabardian and Balkar rural societies in the Nalchik district after the February revolution of 1917 is considered. This original body of district local government functioned as a form of interaction of crown administration with local population since the post-reform period. In the conditions which developed after the revolution in activity of a congress of entrusted there were changes: to meetings the representatives of the Russian population entrusted were attracted began to be elected on an alternative basis and

considerably the circle of competences extended. Actually the congress of entrusted evolved in the key administrative and political institute legitimating election and shift of the district authorities. In the spring of 1917 of the practician of activity of the congresses entrusted it was applied to the organization of temporary self-government of the Tersky oblast'. In the conditions of rivalry of various political forces fight for the right of authorization of convocations of rural entrusted is started. In March, 1918 this confrontation led to change of the power which laid the foundation for a new stage of self-determination of the people of Kabardino-Balkaria.

Keywords: Kabardians; Balkars; a congress of entrusted; the Nalchik district; the Tersky oblast'; Revolution of 1917; local government.

С 1860-х гг. съезды (сборы) доверенных сельских обществ Кабарды и пяти Горских (балкарских) обществ действовали как регулярные выборные окружные собрания, на которых представители коренного населения привлекались к решению различных вопросов местной жизни. Оформленные приговорами результаты обсуждения после согласования с начальником округа и утверждения начальником Терской области вступали в силу. Съезды доверенных стали особенным опытом интеграции региона в систему управления на Северном Кавказе, усвоения новаций общероссийской политической культуры, а также локальной интеграции самоуправления в Нальчикском округе, в рамках которой кабардинцы и балкарцы получили возможность взаимодействовать по многим ключевым вопросам жизнедеятельности. Опыт деятельности сборов доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ учитывался при организации аналогичных мероприятий у осетин, ингушей, чеченцев, на которых рассматривались актуальные общественные проблемы и даже межнациональные конфликты. В начале XX в. пример выборного самоуправления Нальчикского округа стал одним из важных аргументов в продвижении проектов введения земств у народов Терской области.

Крах политической системы самодержавия в феврале 1917 г. создал вакуум власти в провинциях Российской империи. В экстремальных социально-политических условиях эволюционирующее местное самоуправление выступает механизмом стабилизации общественной ситуации. Выражая интересы локального социума, оно претендует на легитимное представительство интересов не только кабардинцев и балкарцев, но и многонационального населения Нальчикского округа.

Ж.А. Калмыков утверждает, что съезды доверенных собирались до 20 марта 1917 г. [Калмыков 1981: 106] Б.А. Хромов пишет о постепенном свертывании деятельности Съездов доверенных после Февральской революции 1917 г., объясняя это тем, что в условиях формирования новых буржуазных административно-политических структур в Нальчикском округе данный представительный институт оказался невостребованным [Хромов 2010: 27-30]. В работе У.А. Улигова основное внимание было сосредоточено на характеристике участия большевиков в политических процессах 1917 г. и признаки развития дореволюционного окружного самоуправления кабардинцев и балкарцев им были не замечены [Улигов 1979: 21-129]. Хотя отдельные

источники по этому вопросу были опубликованы при его участии в сборнике документов по становлению социалистической автономии Кабардино-Балкарии [Документы по истории... 1983]. В новейшем обобщающем исследовании А.Г. Кажарова, посвященном реконструкции исторического процесса становления национальной автономии Кабардино-Балкарии в 1917-1920 гг. «в единстве его исторических предпосылок и условий, политико-институциональных и административно-территориальных аспектов», о деятельности съездов доверенных в этот период не упоминается [Кажаров 2018]. В очерках Е.С. Тютюниной приводятся некоторые сведения о проведении съездов доверенных в Нальчике в 1917 г. [Тютюнина 2014: 17-40, 119-153]. Однако автор отмечает преемственность с дореволюционным институтом только в отношении съезда доверенных, происходившего 28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.) [Тютюнина 2014: 139]. Имеющиеся источники позволяют говорить об эволюции этого института, выразившейся в расширении компетенций, увеличения представительства, а также значительно более регулярной деятельности.

Очевидно, что организация съездов доверенных в других округах Терской области в немалой степени опиралась на административно-политический опыт Нальчикского округа, как до Февральской революции, так и сразу после нее. 11 марта 1917 г. начальник Терской области полковник Михайлов сообщил о смещении Терским областным исполнительным гражданским комитетом подполковника С. Клишбиева, возглавлявшего Нальчикский округ с 1910 г. Комиссаром округа был назначен судебный следователь Гамид Чижок [УЦГА АС КБР. Ф. 37. Оп. 1. Д. 4. Т. 1. Л. 183]. Сбор доверенных Большой и Малой Кабарды и 5-ти горских обществ 27 марта 1917 года организовал Окружной Гражданский исполнительный Комитет Нальчикского округа и избрал в этот Комитет своих делегатов в числе 8-ми человек. На заседании 28 марта под председательством Г. Чижок с участием секретаря П. Коцева Окружной Комитет постановил: представить пропорционально численности русского населения Нальчикского округа последнему в окружном Комитете 3 места: от слободы Нальчик одного делегата, местного Нальчикского гарнизона одного и от прочего русского населения округа одного делегата» [УЦГА АС КБР. Ф. 37. Оп. 1. Д. 4. Т. 1. Л. 176]. В этих сведениях важны проявившиеся в новых условиях, но совершенно не характерные для дореволюционных съездов доверенных особенности их деятельности. Во-первых, факт санкционирования доверенными кадровых назначений в окружной администрации. Во-вторых – привлечение доверенных от иногороднего, главным образом русского населения, тогда как все прежнее время съезд являлся собранием кабардинских и балкарских представителей.

Еще одним нововведением стало расширение представительства от каждого сельского общества и в некоторой степени декларативная либерализация избирательных процедур. Предписанием комиссара Нальчикского округа Терского областного исполнительного гражданского комитета от 22 марта 1917 г. за №5284 было рекомендовано избрание доверенных на съезд 26 марта «для решения весьма важных и неотложных

вопросов, касающихся интересов кабардинского народа и горских обществ» «закрытою баллотировкой по пяти человек от каждого общества» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 8]. Выборы провозглашались «на основании прямого, тайного и равного избирательного права» УЦГА АС КБР. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 15], которые, однако, на практике по-прежнему осуществлялись голосованием глав домохозяйств. Избрание было альтернативным, чаще всего из 10 претендентов, и результаты голосования за и против каждого кандидата отражались в приговорах полных сельских сходов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-2. Л. 8 об., 10-10 об.]. Критерии кворума строго не регламентировались.

Единообразия в избирательной практике не сложилось. Например, вопреки распоряжению окружного комиссара, Куденетово I и Кучмазукинское сельские общества на мартовский и апрельский съезды 1917 г. выбрали доверенных, «посоветовавшись между собой, не приходя к баллотировке шарами открытым голосованием» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-2, 9, 35]. В одном случае нам встретился документ об избрании двух доверенных на съезд 28 декабря 1917 г. сельским советом из 4-х человек [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 9. Л. 72].

27 апреля 1917 г. был назначен съезд доверенных для избрания начальника округа, начальников участков и «советчиков при начальнике округа» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 15, 17, 33]. Таким образом, уже через месяц после избрания окружного исполнительного комитета съезд доверенных привлекался к утверждению более широкого состава должностных лиц округа, что, возможно, свидетельствовало о потребности легитимизировать новую власть решением народного представительства.

В апреле 1917 г. основой временного самоуправления в Терской области стали окружные съезды представителей населения, избравшиеся на сельских сходах. Согласно «Положению о временном самоуправлении Терской области», «областной съезд составляется из представителей всего населения, избранных на окружных и отдельных съездах, а также городскими и слободскими самоуправлениями, по принципу пропорционального представительства, считая на каждые 15 тысяч душ обоего пола по одному делегату, при чем число населения свыше 7500 душ считается за неполные 15 000 душ. Участвовать на Съездах выборных могут лица обоего пола, достигшие 20 лет, не подвергшиеся лишению избирательных прав по закону» [Терский вестник. 1917. № 30].

Басият Шаханов, временный председатель Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, созданного в марте 1917 г., в преддверии Первого съезда горских народов во Владикавказе, распорядился организовать избрание представителей горских народностей на окружных Съездах доверенных. 8 апреля 1917 г. Дагестанскому областному исполнительному комитету была направлена следующая инструкция: «Прилагаем 300 экземпляров воззваний о созыве во Владикавказе на 1-е мая сего года первого съезда представителей горских народностей, населяющих Дагестанскую область. Избрание делегатов должно быть произведено закрытой

баллотировкой на племенных сборах доверенных от сельских обществ, избранных на сельских сходах прямой, равной и тайной подачей голосов при участии лиц обоего пола, достигших 20-летнего возраста. Если присылка 1 мая во Владикавказ депутатов по одному от 5000 горского населения оказалась почему-либо неосуществимой, то просим принять участие в съезде хотя бы меньшим количеством делегатов, так как установление связи и объединение наших действий является неотложно необходимым» [Союз...: 23]. Необходимо пояснить - Басиат Шаханов был активным участником Съездов доверенных Кабарды и пяти Горских обществ в начале XX в., до 1915 г. являлся юрисконсультom кабардинского народа. Покинув, по собственному желанию, эту должность, в 1916 г. он представил на рассмотрение Терского областного правления проект «Положения о заведывании кабардино-горским имуществом» [ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 13. Д. 1087. Л. 5, 6, 16, 17]. Этим документом, по существу, предпринималась попытка нормативной систематизации действовавшей практики съездов доверенных, с небольшими дополнениями. Однако «несвоевременность» даже таких нововведений вновь оставили вопрос упорядочения местного самоуправления в Нальчикском округе без последствий. Политические перемены, вызванные Февральской революцией, создали условия для более широкого применения замыслов Б. Шаханова. Таким образом, в системе координат его политической культуры съезды доверенных вполне органично встраивались в формирующуюся систему буржуазно-республиканских административно-политических отношений.

Съезды доверенных в Нальчикском округе на протяжении 1917 г. собирались неоднократно и рассматривали различные социально-экономические и политические вопросы. При этом количество представителей от каждого сельского общества не было постоянным, что могло быть связано с предназначением различных съездов доверенных. Е.С. Тютюнина приводит интересные сведения о конкуренции альтернативных съездов доверенных, созывавшихся летом 1917 г. окружным Гражданским исполнительным комитетом – органом Временного правительства, и Нальчикским советом [Тютюнина 2014: 31-34].

По инициативе прибывшего в июне 1917 г. в Нальчик из Владикавказа Б. Шаханова, представлявшего ЦК Союза объединенных горцев, «в короткий срок были проведены съезд представителей крестьянства Нальчикского округа, созванный Нальчикским Советом рабочих и солдатских депутатов, кабардино-горский сбор, организованный окружным Гражданским исполкомом, и сбор «горских доверенных» [История КБАССР 1967: 26-27]. Т.Ш. Биттирова приводит сведения о том, что в Нальчике 20 июля 1917 г. Б. Шаханов председательствовал на съезде с участием представителей балкарского, кабардинского и русского населения, где была «произведена баллотировка должностных лиц» и обсуждались вопросы землепользования, школьного образования и другие вопросы [Биттирова: 56]. 18 сентября созывался съезд доверенных от балкарских обществ (по одному от 50 дворов) «для выбора должностных лиц от Горского населения» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 9. Л. 54, 55, 59].

30 сентября в слободе Нальчик был назначен сбор доверенных по 2 человека от сельских обществ Большой и Малой Кабарды и сопредельных Горских обществ Нальчикского округа с программой, включавшей некоторые типичные для дореволюционных съездов доверенных вопросы: «1) о перераспределении стипендий и пособий в средних учебных заведениях, 2) об увеличении содержания судьям и др. служащим Горского словесного суда, 3) о содержании членов Управы совета крестьянских депутатов и других вопросов, могущих возникнуть на съезде доверенных» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 9. Л. 62]. Об одном из решений по последней категории вопросов по следам этого собрания 3 октября 1917 г. коротко сообщал «Терский вестник»: «Сбором доверенных Большой и Малой Кабарды и горских обществ Нальчикского округа, кандидатом в Учредительное собрание намечен единогласно присяжный поверенный Коцев» [Терский вестник. 1917. № 124].

С таким же представительством – по два человека от сельского общества, – 28 декабря 1917 г. был созван съезд доверенных со следующей программой:

«1) о продовольствии и поднятии дисциплины в Кабардинском конном полку.

2) о заселении Золки

3) о реорганизации окружного земельного комитета в племенной комитет

4) о народной милиции

5) об отношении в Учредительное собрание

6) об автономии горского союза и временном правительстве на горской территории Терской, Дагестанской обл. и Ставропольской губ.

7) О приглашении женщины врача для кабардинского и горского народов и др. вопросов» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 9. Л. 72-72 об.].

Съезд доверенных взаимодействовал и с Нальчикским слободским самоуправлением, одинаково заинтересованном в поддержании безопасности в округе и его административном центре. Е.С. Тютюнина приводит фрагмент постановления Нальчикской слободской думы о напутствии 10-ти делегатов на «кабардинский съезд 7 сего [1918 г. – Д.П.] января для обсуждения совместно с ними вопроса об охране округа» [Тютюнина 2014: 142].

В условиях обострения политического соперничества в связи с последствиями октябрьского переворота 1917 г. активизируется борьба различных сил за контроль над инициированием созыва съездов доверенных. Характеризуя положение в Нальчикском округе в начале 1918 г., К.А. Чхеидзе писал: «Власть в Кабарде принадлежала комиссару округа Гамиду Чижокову и его управлению. Все оппозиционные элементы, нападавшие на власть, требовали съезда. Власть откладывала съезд, ссылаясь на неблагоприятное положение в области и округе» [Чхеидзе 2008: 38].

В феврале 1918 г. II Терский областной демократический съезд в Пятигорске признал власть Совета народных комиссаров. Нальчикский окружной исполнительный комитет отказался поддерживать это решение, заявив о приверженности Терско-Дагестанскому правительству. В ответ на это кабардинские и балкарские делегаты пятигорского съезда, возмущенные действиями окружной исполнительной власти, в ответной телеграмме

провозгласили: «Считать членов окружного исполнительного комитета врагами народа и злостными клеветниками, полагая в ближайшее время созвать съезд доверенных, который потребует от окружного исполнительного комитета полного отчета, в уверенности, что ни один из членов его не избежит справедливого гнева и строгого народного суда» [Документы... 1983: 108].

Этим съездом доверенных стало мероприятие, проведенное 19 - 23 марта 1918 г. и известное по источникам и в историографии под названиями Народный съезд, I съезд народов Нальчикского округа [Тютюнина 2014: 150-153], или, согласно заголовку его протокола, Съезд представителей трудового народа Нальчикского округа [УЦГА АС КБР. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1].

В марте 1917 г. съезд доверенных санкционировал новую власть Гражданского исполнительного комитета в Нальчикском округе. В меняющейся политической ситуации начала 1918 г. его политическими конкурентами съезд рассматривался в качестве необходимого мероприятия при делигитимации власти Исполкома под руководством Г. Чижокова. При этом последнему отказывали в праве созыва съезда доверенных. Таким образом, при смене власти в округе сохранялся формат окружного органа самоуправления, созываемого изменившейся областной властью.

В обращении к населению Нальчикского округа Терский областной Народный совет перехватывает инициативу по созыву окружного съезда доверенных, называя его Народным съездом: «1. Окружной съезд представителей населения Нальчикского округа, созываемый окружным гражданским исполнительным комитетом на 10 марта в сл. Нальчик, отменяется. Выборы доверенных и посылка их на 10 марта в Нальчик не должны производиться.

2. Окружной съезд представителей Нальчикского округа созывается областным народным Советом на 18 марта с. г. в сл. Нальчик.

К означенному дню доверенные должны быть избраны и отправлены в сл. Нальчик, от каждых ста дворов избирается по одному представителю.

Вопросы, которые должен решить окружной съезд, следующие:

1. Доклад об областном Народном съезде.
2. Избрание окружного Народного Совета.
3. Текущие дела.

К сведению населения сообщается, что на окружной съезд 18 марта прибудет в полном составе делегация Нальчикского округа на областном Народном съезде, которая сделает подробный доклад о постановлениях Народного съезда, передаче всей земли трудовому народу и об организации народной власти.

Согласно постановлению Народного съезда, при избрании представителей на съезд должно строго соблюдаться то положение, что в народную власть должны входить лишь лица, «защищающие интересы трудового народа» [Документы... 1983: 118]. Принцип территориального представительства вновь был откорректирован: селения избирали представителей от каждых 100 дворов [Документы... 1983: 119].

На съезде было объявлено о сложении Г. Чижиковым своих полномочий. Новым комиссаром был избран Сахаров [УЦГА АС КБР. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1а. Л. 15, 37]. Процесс трансформации местной власти не был одномоментным, но неизменным по сравнению с ситуацией 1917 г. оставалось санкционирование съездом доверенных основных должностных лиц: комиссара, его помощника и секретаря. На переходный характер административно-политического устройства Нальчикского округа весной 1918 г. указывает и то, что до конца апреля штат участковых комиссариатов оставался неизменным, «до вынесения о них того или другого постановления окружным народным съездом», назначенным на 1 мая [УЦГА АС КБР. Ф. 198. Оп. 1. Д. 3. Л. 15-15 об.].

По заключению У.А. Улигова, в новой политической конфигурации высшая власть в округе принадлежала съезду народов, а между съездами – Нальчикскому окружному народному Совету. Съезд должен был созываться не менее двух раз в год. Тем не менее, только в 1918 г. он собирался 6 раз [Улигов 1979: 126]. Этот период стал временем драматического поиска новых форм политического самоопределения народов Нальчикского округа, о чем на примере кабардинцев писал В.Х. Кажаров [Боров и др. 1999: 40-48]. Но особенно показательным является тот факт, что и с установлением в Нальчикском округе деникинской администрации деятельность съездов доверенных не прекращалась [Жанситов 2009: 117-118].

Советские историки, конструируя приемлемую версию становления большевистской власти, обозначали это событие как первый народный съезд, провозгласивший советскую власть. На некорректность этой интерпретации справедливо указывал еще У.А. Улигов [Улигов 1979: 112-115]. Протокол Съезда в 1918 г. был издан отдельной брошюрой [УЦГА АС КБР. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1а]. В 1983 г. документ был включен в сборник материалов по истории установления советской власти в Кабардино-Балкарии [Документы... 1983: 120-129]. Однако при переиздании его содержание было неоднократно купировано, что достаточно существенно искажало представление о характере происшедших событий. Например, в самом начале были пропущены сведения о первоначальном отклонении предложения Урусбиева разбить съезд на секции (вероятно, национальные) «для плодотворности работы» [УЦГА АС КБР. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1а. Л. 2]. Также была изъята информация, свидетельствующая о поддержке съездом идеи расширения шариатской юстиции, а также о присутствии духовенства в Президиуме. Например, в редакции советского сборника хаджи Махмуд Берсеков говорил на съезде: «Такого времени, как теперь, когда царит полная разруха, когда везде грабят и убивают, еще никогда не было. Далее оратор говорит, что кабардинцы, имея интеллигенцию и надеясь на нее, поставили ее у власти, но она не оправдала доверия, и разруха свирепствует по ее вине. Я предлагаю избрать комиссара соответствующего, который защищал бы интересы народа. Составить Народный Совет – тоже из хороших людей» [Документы... 1983: 124]. Текст оригинального протокола был следующим: «Такого времени как теперь, когда царит полная разруха, когда везде грабят и убивают еще не было **и что это происходит против шариата, а потому против таких негодных элементов нужно принять**

самые строгие меры, судить по шариату. Далее оратор говорит, что кабардинцы, имея интеллигенцию и надеясь на нее поставили у власти, но они не оправдали доверие и разруха свирепствует по их вине. Я предлагаю избрать Комиссара соответствующего, который защищал бы интересы народа **и посадить около комиссара народного Кадия,** далее составить Народный Совет тоже самое из хороших людей» [УЦГА АС КБР. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1а. Л. 17-18] (купированные фрагменты выделены нами. – *Д.П.*). И таких примеров не мало.

Большое количество расхождений советского переиздания с оригиналом дает серьезные основания для новых интерпретаций организационных и процедурных особенностей мартовского 1918 г. народного съезда и политического содержания первого провозглашения советской власти в Нальчикском округе. Однако подробное рассмотрение этого вопроса должно стать предметом специального рассмотрения.

Таким образом, в условиях, сложившихся в Нальчикском округе в результате Революции 1917 г., съезды доверенных эволюционируют в ключевой политической институт в Нальчикском округе. В условиях соперничества различных общественно-политических сил за власть в Нальчикском округе съезды доверенных проявили себя как важнейший механизм легитимации окружных властей. Это позволяет рассматривать их как институт нарождающегося гражданского общества, заложивший традиции регионального парламентаризма. В их деятельности сложился опыт совместной хозяйственной, административно-судебной и социокультурной жизнедеятельности, который сыграл значительную роль при последующем политико-правовом оформлении Кабардино-Балкарской советской государственности в форме автономной области.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Биттирова 2018 – *Биттирова Т.Ш.* Басият Шаханов. Жизнь и творчество (Исследование, тексты). – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. – 336 с.

Боров и др. 1999 – *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 184 с.

Документы... 1983 – *Документы* по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917-1922 гг.) / Сост. Р.Х. Гугов, Л.Б. Татарокова, У.А. Улигов, Д.В. Шабаев. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 800 с.

Жанситов 2009 – *Жанситов О.А.* Антибольшевистское движение и деникинский режим в Кабарде и Балкарии (1917-1920 гг.). – Нальчик: КБИГИ, 2009. – 149 с.

История КБАССР 1967 – *История Кабардино-Балкарской АССР с Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней* / [ред. кол.: Г. Х. Берикетов (гл. ред.) и др.]. – Т. 2. – М.: Наука, 1967. – 439 с.

Кажаров 2018 – *Кажаров А.Г.* Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, истоки (1917–1920-е гг.). Дисс. ... докт. ист. наук. Нальчик, 2018. – 593 с.

Калмыков 1981 – *Калмыков Ж.А.* Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. – Нальчик, 1981. – С.105-120.

Союз... 1994 – *Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.), Горская республика (1918-1920 гг.). (Документы и материалы) / Отв. ред. А.И. Османов. – Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии, 1994 – 438 с.*

Терский вестник. – Владикавказ. – 1917.

Тютюнина 2014 – *Тютюнина Е.С. Краеведческая мозаика: Статьи. Документы. Фотографии. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2014. – 268 с.*

Улигов 1979 – *Улигов У.А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917-1937 гг.). – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 356 с.*

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.

Хромов 2010 – *Хромов Б.А. Особенности развития местного самоуправления в Кабарде и Балкарии в 1917 году // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2010. – № 3. – С. 27-30*

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания.

Чхеидзе 2008 – *Чхеидзе К.А. Генерал Заур-Бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде / Сост. О.А. Жанситов. – Нальчик: КБИГИ, 2008. – 120 с.*

REFERENCES

BITTIROVA T.Sh. *Basiyat Shakhanov. Zhizn' i tvorchestvo (Issledovanie, teksty)* [Basiyat Shakhanov. Life and creativity (Research, texts)] – Nalchik: ООО «Pechatnyi dvor», 2018. – 336 p. (In Russian)

BOROV A.Kh., DUMANOV Kh.M., KAZHAROV V.kh. *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problemy.* [Modern statehood of Kabardino-Balkaria: sources, ways of formation, problem]. – Nalchik: El'-Fa, 1999. – 184 p. (In Russian)

CHKHEIDZE K.A. *General Zaur-Bek Dautokov-Serebryakov. Grazhdanskaya voyna v Kabarde* [General Zaur-bek Dautokov-Serebryakov. Civil war in Kabarda]. – Nalchik: КБИИР, 2008. – 120 p. (In Russian)

Dokumenty po istorii bor'by za sovetskuyu vlast' i obrazovaniya avtonomii Kabardino-Balkarii (1917-1922) [Documents on stories of fight for the Soviet power and formations of the autonomy of Kabardino-Balkaria] / Ed. by R.Kh. Gugov, L.B. Tatarokova, U.A. Uligov, D.V. Shabaev. – Nalchik: El'brus, 1983. – 800 p. (In Russian)

Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii do nashikh dnei [History Kabardino-Balkarian the ASSR from Great October socialist revolution up to now] / Ed. by G. Kh. Beriketov and some. – Т. 2. – М.: Nauka, 1967. – 439 p. (In Russian)

KALMYKOV Zh.A. *Nekotorye obshchestvenno-politicheskie organy upravleniya Kabardy i Balkarii v poreformennyi period* [Some social and political governing bodies of Kabarda and Balkaria during the post-reform period]. IN: From feudal Kabarda's history and Balkaria. Nalchik, 1981. – P.105-120. (In Russian)

KAZHAROV A.G. *Stanovlenie natsional'noi avtonomii Kabardino-Balkarii: predposylki, al'ternativy, istoki* [Formation of the national autonomy of Kabardino-Balkaria: prerequisites, alternatives, sources] (1917–1920-e). Diss. ... dokt. ist. nauk. Nal'chik, 2018. – 593 p. (In Russian)

KHROMOV B.A. *Osobennosti razvitiya mestnogo samoupravleniya v Kabarde i Balkarii v 1917 godu* [Features of the development of local self-government of the Kabardians and Balkars in 1917]. IN: Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy. – 2010. – No 3. – P. 27-30. (In Russian)

Soyuz ob"edinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917-1918 gg.), Gorskaya respublika (1918-1920 gg.). (Dokumenty i materialy) [The Union of the integrated mountaineers of the North Caucasus and Dagestan (1917-1918), the Mountain republic (1918-1920). (Documents and materials)] / Ed. by A. I. Osmanov. – Makhachkala: Insitut istorii, arkheologii i etnografii, 1994. – 438 p. (In Russian)

Terskii vestnik. – Vladikavkaz. – 1917. (In Russian)

Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya [Central state archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)

TYUTYUNINA E.S. *Kraevedcheskaya mozaika: Stat'i. Dokumenty. Fotografii.* [Local history mosaic: Articles. Documents. Photos] – Nal'chik: Poligrafservis i T, 2014. – 268 p. (In Russian)

ULIGOV U.A. *Sotsialisticheskaya revolyutsiya i grazhdanskaya voina v Kabarde i Balkarii i sozдание natsional'noi gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917-1937)* [Socialist revolution and civil war in Kabarda and Balkaria and creation of national statehood of the Kabardian and Balkar people (1917-1937)]. Nalchik: El'brus, 1979. – 356 p. (In Russian)

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliki [Management of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkar Republic]. (In Russian)

ZHANSITOV O.A. *Antibol'shevistskoe dvizhenie i denikinskii rezhim v Kabarde i Balkarii (1917-1920)* [The anti-Bolshevist movement and the denikinsky mode in Kabarda and Balkaria]. – Nal'chik: KBIGI, 2009. – 149 p. (In Russian)

УДК 94.470.6

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-76-91

**БОРЬБА С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ
КРАЕ В 1920-е гг.****М.Б. ШОРОВА**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова»,
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: mshorova@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется борьба с детской беспризорностью в 1920-е гг. в Северо-Кавказском Крае. После пережитых страной потрясений в виде революций, войн и голода первой четверти XX столетия, детская беспризорность для советской власти стала тяжелым социальным бедствием, требующим для его ликвидации решительных и согласованных мер как государственных учреждений, так и общественных организаций. На основе обширного архивного материала, обозначаются ключевые аспекты проблемы детской беспризорности для Северного Кавказа, одного из самых привлекательных для беспризорников регионов страны. Обозначаются факторы актуализации проблемы, а также методы ее решения. Приводятся нормативно-правовые акты в области борьбы с детской беспризорностью и преступностью несовершеннолетних. Выявляется связь борьбы с беспризорностью с политико-идеологическими установками советского руководства.

Ключевые слова: беспризорность; Северный Кавказ; Комиссия по улучшению жизни детей; детская преступность; детский дом.

**STRUGGLE WITH CHILD IMPARTIALITY IN THE NORTH CAUCASIAN
TERRITORY IN THE 1920s****M.B. SHOROVA**

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov»
360004, Russia, Kabardino-Balkaria Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: mshorova@mail.ru*

Abstract. The article explores the fight against child homelessness in the 1920s. in the North Caucasus region. After the country's upheavals in the form of revolutions, wars and famines of the first quarter of the twentieth century, children's homelessness for the Soviet government became a serious social disaster requiring for its liquidation decisive and coordinated measures of both state institutions and public organizations. Based on extensive archival material, key aspects of the problem of homelessness for children in the North Caucasus, one of the most attractive for homeless regions of the country, are identified. Indicates the factors of actualization of the problem, as well as methods for its solution. Provides regulations in the fight against homeless children and juvenile delinquency. The connection between the struggle with homelessness and the political and ideological attitudes of the Soviet leadership is revealed.

Keywords: homelessness; the North Caucasus; the Commission to improve the lives of children; juvenile delinquency; orphanage.

Детская беспризорность является одной из самых серьезных социальных проблем. Это своего рода индикатор уровня и качества развития экономической, политической, социальной и духовной сфер общества, очень чутко реагирующий на малейшие колебания в них.

Современное российское общество переживает сложный этап своего развития. Кризисные процессы в социально-экономической жизни страны, трансформация ценностных ориентаций общества, обуславливают необходимость пристального внимания к самой уязвимой социальной группе – детям. Однако задача полной и окончательной ликвидации такого явления, как беспризорность является настолько сложной и трудоемкой, что ставит ее в ряд неразрешимых. Данное обстоятельство обуславливает актуальность поиска оптимального механизма сведения этой проблемы в зону постоянного государственного и общественного контроля. В этой связи обращение к историческому опыту, с целью выявления полезных форм и методов решения проблемы детской беспризорности является неоспоримым.

Научная разработка проблемы детской беспризорности началась уже в 1920-е гг. Интерес к ней в разное время проявляли специалисты в области истории, педагогики, социологии, юриспруденции, однако до сих пор остаются малоизученными или вовсе неизученными многие ее аспекты. На современном этапе исследования темы важным представляется изучение состояния беспризорности по регионам [Афанасова 2007; Антимонов 2006; Бендер 2015; Блонский 2004; Егорькова 2011; Кесаева 2006; Коновалов 2004; Лаврова 2008; Мамеева 2004; Маслова 2010; Реутова 2004; Рябинина 1999; Сажина 2003]. Однако борьба с беспризорностью на Северном Кавказе еще не является предметом всестороннего научного исследования.

Полномасштабная борьба с детской беспризорностью в советской России развернулась с самого начала 1920-х гг. 10 февраля 1921 г. Постановлением Президиума ВЦИК была сформирована Комиссия по улучшению жизни детей, сосредоточившая в своих руках чрезвычайные полномочия по вопросам обеспечения, воспитания и защиты интересов детей в масштабах государства. На Деткомиссию (ДТК), возлагалась задача по организации помощи в отношении продовольствия, жилищ, топлива и т.д. учреждениям, которым вверялась забота о детях, и в первую очередь оказание помощи учреждениям, ведающим охраной жизни и здоровья беспризорных детей¹. Председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский, возглавлявший ДТК, отмечал, что «на долю первой в мире

---

¹ Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Декрет от 10 февраля 1921 года «О Комиссии при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете по улучшению жизни детей» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. Интернет архив законодательства СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_848.htm (дата обращения: 20.09. 2018).

Республики труда досталось тяжелое наследие царского строя, войны и голод усилили его, и в результате их, несмотря на героические усилия, проявленные Советской властью», все же, «осталось еще громадное число детей-сирот, не имеющих ни крова, ни призора» и требующих немедленной реальной помощи¹.

В соответствии с Положением о Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК к делу помощи детям привлекалась советская общественность. Советское руководство признавало, что «борьба с детской беспризорностью может быть только тогда успешна, если к задачам этой борьбы будет привлечено достаточное внимание советской общественности как в центре, так и на местах, и, если местные советы и исполнительные комитеты придут на помощь имеющимся в их распоряжении средствами делу организации плановой, систематической борьбы с детской беспризорностью и также с условиями, ее порождающими»².

Средства, на которые Деткомиссия осуществляла свою деятельность, состояли из добровольных пожертвований, из доходов от организуемых ею мероприятий, из государственных субсидий, а также из других источников доходов, предоставляемых особыми постановлениями законодательных органов [ЦГА КБР. Ф. Р-16. Оп.1. Д. 26. Л. 6]. Таким образом, ДТК стала получать средства от эксплуатации всевозможных игорных и торговых предприятий, от реализации разного рода печатной продукции, от показов кино и концертов, кроме того ей перечислялись 5% «от поздней торговли в ресторанах, кофейных и других увеселительных учреждениях» [ЦГА КБР. Ф. Р-16. Оп.1. Д. 26. Л. 217].

Катастрофические масштабы проблемы обуславливали чрезвычайный характер некоторых из предпринимаемых властями мер. К примеру, на подступы к крупным городам направлялись заградительные отряды, функция которых заключалась в недопущении потока беспризорников в черту города. Указанная мера впервые была применена к беспризорникам, стремящимся попасть в Москву [ЦГА КБР. Ф. Р-16. Оп.1. Д. 92. Л. 13]. Однако проблемы детской беспризорности остро стояла и перед регионами.

Северный Кавказ оказался включенным в борьбу с детской беспризорностью в первую очередь потому, что представлял собой край, куда властями были эвакуированы дети по причине разразившегося в стране голода в начале 1920-х гг. Эта же причина обусловила и несанкционированный поток беспризорных и безнадзорных детей в один из хлебных регионов страны.

---

¹ Дзержинский Ф.Э. Все на помощь детям (31 марта 1923) // Исторический факультет Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова ИЛЛЮМИНАТЫ.RU: сайт. URL: <http://www.illuminats.ru/home/29-new/3699-zerzhinsky> (дата обращения: 21. 09. 2018).

² Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Совет Народных Комиссаров РСФСР. Декрет от 8 марта 1926 года «Об утверждении Положения о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. Интернет архив законодательства СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2849.htm (дата обращения: 25.09. 2018).

5 января 1924 г. всем областным и губернским исполкомам была разослана Инструкция ВЦИК по частичной реэвакуации детей, в которой было указано, о необходимости предоставления сведений о количестве детей, подлежащих реэвакуации, о месте их отбывания и пребывания, с целью разработки общего плана их перевозок, согласования его с Народным Комиссариатом Путей Сообщения, выделения специальных вагонов, льгот и т.д. При этом отмечалось, что в случае отсутствия данных от какой-либо области или губернии, будет означать не включение их в общий план и полное запрещение реэвакуации детей оттуда [ЦГА КБР. Ф. Р-16. Оп.1. Д. 92. Л. 22]. Однако, несмотря на четкие инструкции, реэвакуация проходила сложно.

20 июня 1924 г. на места был разослан Циркуляр ВЦИК о порядке реэвакуации детей. Тем не менее, наблюдались случаи несоблюдения установленных правил, что вызывало скопление детей на станциях железных дорог. В этой связи, Президиум ВЦИК в своем обращении ко «всем ЦИК автономных Республик и областей, входящих в состав РСФСР, Северо-Кавказскому Крайисполкому, Ростов-Дон Уральскому Облисполкому, всем Губернским Исполнительным Комитетам РСФСР» предлагал привлечь виновные лица «к законной ответственности» [ЦГА КБР. Ф. Р-1. Оп.1. Д.26. Л. 7]. ВЦИК указывал на то, что «некоторыми Органами производятся массовые переброски детей из одной местности в другую без предварительного согласования с органами власти и без выяснения возможности приема и размещения детей на новом месте». При чем названные переброски нередко осуществлялись без всякого плана и не на родину детей. В результате этого наблюдалось увеличение детской беспризорности, поскольку с одной стороны, дети попадали «в чуждые им условия», а с другой принимавшие их учреждения не имели в своем бюджете средств на их содержание «сверх комплекта». Для устранения отмеченных явлений и в целях внесения плановости в осуществление местными органами реэвакуации детей, Президиумом ВЦИК всем губернским и областным исполнительным комитетам был установлен ряд правил. Требовалось прекратить всякого рода массовые реэвакуации детей и переброски их из одной местности в другую целыми партиями. Однако, «в виде отдельных исключений» допускалась «частичная реэвакуация детей, имеющих родителей, родственников или близких лиц, могущих принять этих детей на свое иждивение». Кроме того, обязательным было требование удостовериться не только в факте проживания «родителей, родственников или близких к детям лиц в том городе или той местности, куда производиться реэвакуация», но и в возможности этих лиц принять детей на свое иждивение. Дети, не имевшие родителей или родственников, готовых их принять, могли быть реэвакуированы только в тех случаях, когда соответствующие уполномоченные органы дадут на это свое согласие. Перевозка детей должна была проводиться в присутствии назначенного им сопровождающего до пункта назначения и передачи детей принимающим их лицам. Дети старше 16-ти лет могли отправляться без сопровождения, «но с условием снабжения их соответствующими документами и средствами на проезд и обязательно до конечного пункта». Ответственность за правильное и планомерное выполнение реэвакуации возлагалась на

отправляющие детей учреждения. Примечательно, что должны были учитываться «моменты национальной принадлежности отдельных детей» в соответствии с чем должно было производиться их размещение по детским учреждениям или у отдельных лиц, а также их направление «в те или иные другие местности РСФСР». На органы Прокуратуры возлагалось наблюдение за неуклонным соблюдением местными органами обозначенного Циркуляра, с возможным привлечением к ответственности за самочинное проведение реэвакуации детей и нарушение установленных правил [ЦГА КБР. Ф. Р-1. Оп.1. Д.92. Л. 7-8].

Борьба с детской беспризорностью не завершалась на реэвакуации. Проблема продолжала быть актуальной, поскольку беспризорных детей было все еще много, и они «находились в самых печальных условиях» [ЦДНИ КБР. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 10 об.].

Президиум ВЦИК придавал делу помощи беспризорным «важное политическое значение» и выражал уверенность в том, что Президиумы ЦИКов автономных республик и областей, облисполкомов и губисполкомов, проявят необходимую энергию на местах [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 1].

Положением от 28 февраля 1925 г. при Северо-Кавказском краевом исполкоме была образована Северо-Кавказская краевая комиссия по улучшению жизни детей (СевкрайДТК), целью которой было «оказание помощи детям и в первую очередь беспризорным» [ЦГА КБР. Ф. Р-1. Оп.1. Д. 26. Л.5.]. Основной задачей Комиссии была окончательная ликвидация детской беспризорности по всему краю уже в 1925/1926 г. [ЦГА КБР. Ф. Р-16. Оп.1. Д.128. Л. 48.].

По статистическим данным беспризорных детей по Северо-Кавказскому краю насчитывалось около 40000 человек, из которых 17-18% было девочек и 82-83% мальчиков. В это количество входили: подопечные сироты, острануждающиеся полусироты, прикрепленные к гражданам по городам, станицам и хуторам, а также дети, не имеющие ни крова, ни приюта [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 95 а.].

По своему возрастному составу беспризорные распределялись следующим образом: до 8 лет – 5,9%, 8-10 лет – 8,2%, 10-12 лет – 22,2%, 12-14 лет – 36,7%, 14-16 лет – 29,0% [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 95 а.].

Социальный состав беспризорников в основном был представлен детьми трудящихся: дети рабочих – 40%, дети крестьян – 26,6%, ремесленников – 11,3%, служащих – 3,5%, торговцев и свободных профессий – 1,9%, 6,8% - своих родителей не знали [ЦГА КБР. Ф. Р-1. Оп.1. Д.26. Л. 7].

Более 50% из беспризорников были круглые сироты, родственников имели около 19%, 21,3% - имели только мать, 4,7 % - отца, обоих родителей - 3,9%. [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 95 а. об.].

Таблица 1. Распределение беспризорников по детским домам в округах/областях Северо-Кавказского края

Округи /области Северо-Кавказского края	Количество детей	Количество детдомов
Армавирский	3476	51
Адыгея	76	2
Владикавказ	412	13
Грозный	227	3
Донецкий	727	13
Ингушетия	150	1
Донской	11066	98
Карачаево-Черкессия	126	1
Кабардино-Балкария	270	3
Кубанский	8297	98
Майкопский	1454	27
Морозовский	399	3
Осетия	291	2
Сальский	854	12
Ставропольский	5763	26
Сунженский	29	1
Терский	2100	30
Таганрогский	2056	24
Чечня	120	1
Черноморский	1230	16
Шахтинский	1435	3

Источник: ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 97 об.

Причиной огромного наплыва беспризорных детей, по замечанию Комиссии по улучшению быта детей Северо-Кавказского края, заключалась в отсутствии «надлежащей помощи беспризорным, в тех губерниях, откуда они тянутся – привычка в случае неурожая идти на Северный Кавказ», а помощь оказываемая беспризорным Северо-Кавказским краем, принимала широкую огласку среди детей, в итоге начинающих мечтать о лучшей жизни на Кавказе.

Данное обстоятельство мешало работе по борьбе с беспризорниками-уроженцами Края [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 103].

«Беспризорность – это состояние, которое характеризует не личность ребенка, а ту социально-экономическую обстановку, в которой он растет и воспитывается» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 95 а. об.], - подчеркивалось Краевой Деткомиссией в Докладе Президиуму Краевого Исполнительного Комитета от 28 мая 1925 г. Президиуму сообщалось, что поток беспризорных детей всех возрастов с преобладающим от 13 до 18 лет «все прибывал и увеличивался и нередко приходилось просящему ребенку о помощи, за неимением средств, отказывать в столь необходимых ему приюте и питании» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 94]. При этом, в Докладе было отмечено, что проблему детской беспризорности питательные пункты, приемники и ночлежки не решают, поскольку это учреждения временного характера и «ничем не занятые, накормленные и обогретье дети от безделья опять идут на базар и т.д. с протянутой рукой...». По мнению Краевой Деткомиссии беспризорный ребенок больше всего нуждался в создании «фундаментальной детской организации», какими могли быть: хорошо оборудованные мастерские по всем отраслям труда, «через которые бы проходили, выпускаемые подростки квалифицированными работниками», а также сельскохозяйственные детские трудовые колонии-коммуны «доходящие до школ сельско-хозяйственного типа», которые могли бы не только «спасти от гибели беспризорных детей, но и сделать из них культурных крестьян с сельско-хозяйственным опытом», в которых так нуждалась Советская Республика [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 95 а. об.].

Предполагалось, что беспризорных детей следовало отдавать в «здоровые крестьянские и рабочие семьи с установлением индивидуальной и коллективной опеки после предварительной обработки» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 96 а.].

Что касается детей из детских домов, то их должны были направлять в профтехшколы, сельскохозяйственные школы, разного рода трудовые курсы, закреплять за заводами и фабриками, направлять в совхозы и т.д. [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 96].

В организации мастерских, трудкоммун, ремесленных артелей, сельскохозяйственных колоний, в прикреплении детей на работу на заводы и фабрики, в сбыте продукции и обеспечении заказами районных мастерских и т.д. по видению СевкрайДТК должны были принять участие КрайЗУ, КрайФУ, ЕПО, КОПО, Отдел Труда, Крайздрав и др [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 96].

В целом, в соответствии с предложениями Комиссии по улучшению быта детей Северо-Кавказского края было запланировано организовать и укрепить работу по борьбе с беспризорностью путем установления правильно функционирующих опекунских учреждений, с внесением в сметы местного бюджета в округах и районах специального работника по опеке, а в Сельсоветы особо уполномоченного по опеке из числа их членов; организовать в окружных центрах юрпомощь, на которую будет возложено консультирование опекунских

учреждений в районах и селах, а также «популяризация идей юрпомощи среди населения»; наладить передачу детей через опекунские учреждения «в здоровые крестьянские и рабочие семья на основе индивидуальной и коллективной опеки с предоставлением земельных наделов, льгот налогов и жилищных для лиц, берущих детей»; открыть в г. Ростов 1 эвакуприемник с пропускной способностью 200 человек, столовую-ночлежку-клуб с пропускной способностью 100 человек; открыть в г. Новочеркасск детские дома дошкольного типа на 200 человек, детдома школьного типа на 900 человек, трудовые коммуны и сельхозколонии с мастерскими и наделёнными землей для детей 13-16 лет на 2000 человек; в Донском округе организовывать детучреждения подыскав соответствующие места на 4700 человек, в Кубанском округе на 3100 человек, в Армавире, Кропоткине, Новороссийске, Миллерово, Таганроге, Шахта, Владикавказе, Пятигорске, Грозном, Минеральных водах организовать по одной столовой-ночлежке-клубу на 50-70 человек каждую, в Ставропольском, Донецком, Сальском, Шахтинском, Армавирском округах создать сельско-хозяйственные колонии с наделением землей и обеспечением инвентарем с общим охватом детей до 4000 человек; организовать трудовые коммуны, мастерские ремесленного типа, общежития в Черноморском, Шахтинском, Майкопском, Таганрогском, Терском округах, а также во Владикавказе и Грозном с охватом до 2000 человек. Таким образом, предполагалось, что общий обхват беспризорных детей будет равен 35%-36% от общего их числа [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 97.].

Таблица 2. Типы детских учреждений на Северном Кавказе

Типы учреждений	Количество учреждений	Число детей	Учебно-воспитательный персонал	Технический персонал
Школьные дома	136	13894	1010	610
Дошкольные дома	27	1955	138	117
Дома для трудновоспитуемых	1	186	39	30
Школы-коммуны	7	735	40	55
Подростковые дома	18	2316	117	110
Сельхоз-коммуны	20	1576	103	79
Дома для физически дефективных	9	412	83	39

Опекаемые детдома	10	522	31	16
Детские городки	37	4283	260	336
Смешанные дома	132	10150	974	465
Приемники- распределител и	11	1183	117	89
Детские сады	30	1818	134	27

Источник: ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 97 об.

Трудности в реализации запланированного были связаны в первую очередь с отсутствием материальных средств в необходимом объеме. 3323000 рублей в год было запрошено Краевой Деткомиссией для выполнения плана работы. При этом особо было отмечено, что обозначенная сумма должна быть потрачена «исключительно на вновь организуемые учреждения по борьбе с беспризорностью», а уже функционирующие детдома должны были содержаться на средства местных бюджетов. В итоге, было решено обратиться в Центр с ходатайством «об отпуске средств на борьбу с беспризорностью в размере 50% от выше указанной суммы» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 97].

Проблему представляло и «состояние учебно-воспитательного дела» в детучреждениях по Северо-Кавказскому краю. В одних округах оно было поставлено на должную высоту, в других же серьезно отставало. Причиной последнего были частые перемены в составе заведующих и воспитателей, так как в силу трудности работы в детдомах «наблюдалось стремление уйти из детдома в школу», что вело к перегруженности штата. Кроме того, зарплата воспитателей была ниже зарплаты учителей [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 98].

Одним из решений проблемы дефицита средств стало Постановление Большого Президиума Северо-Кавказского Исполкома от 26 сентября 1925 г. предоставлявшего всем Деткомиссиям Северо-Кавказского края право взимания на борьбу с беспризорностью 5% отчисления от валовой выручки со всех ресторанов, пивных и т.д., за позднюю, после 22 часов, торговлю. В течение пяти дней, после согласования с местным исполкомом, указанное постановление должно было быть претворено в жизнь [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 80].

Кроме того, в соответствии с Положением «О ночлежках-столовых-клубах» в целях борьбы с детской беспризорностью как самостоятельные первичные учреждения «в местностях наибольшего скопления беспризорных» организовывались ночлежки-столовые-клубы. Их главной задачей было «предоставление беспризорным крова и пищи, привитие элементарных санитарно-гигиенических навыков, приспособление к условиям жизни

организованного коллектива, вовлечение в трудовую общественно-политическую жизнь окружающего трудового населения». При столовой-ночлежке-клубе кроме столовых и спален имелись ванная, дезинфекционная комната, изолятор, а также клубная комната с библиотекой и мастерские различного рода, дающие возможность «отвести интересы детей от хулиганства, воровства и безделья к организованному труду» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 138].

Ночлежки рассчитывались на 75-100 человек. Беспризорники обоего пола туда имели свободной доступ, но девочки размещались отдельно. При наличии нескольких ночлежек в одном населенном пункте, девочек так же размещали в отдельной. Далее детей в соответствие с интересами, наклонностями и способностями, направляли «в детские дома, общежития, на производства, в трудовые сельско-хозяйственные колонии и в институты Социального Перевоспитания». Беспризорники, страдающие «заразными болезнями, психопатиями и т.д.» направлялись в соответствующие лечебные заведения [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 138].

На заседании Малого Президиума Северо-Кавказского Исполнительного Комитета 10 октября 1925 г. было принято постановления о передаче детей и подростков из детских домов в крестьянские и казачьи семьи. В тоже время Президиум Совета Краевого Коллективистического объединения при Крайсельсоюзе рассмотрел вопрос о распределении «переростков» (подростки старше 15 лет) из детдомов в колхозы. Обязательным условием было добровольная заявка на детей со стороны колхоза. Президиум Совета обратился ко всем «коллективистическим Секциям Края», а в тех округах, где их нет, к Правлениям Сельхозсоюзов с предложением в самом срочном порядке запросить все колхозы о том, в каком количестве они смогут принять детей «переростков» из детдомов с поручительством соответствующего ОКРОНО «за бездефективность, вполне здоровых с удостоверением медицинского освидетельствования их и с полным обмундированием до постельного белья включительно». Вместе с тем подчеркивалось, что никакого принудительного распределения детей по колхозам ни коем образом допущено не будет [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 155].

Таким образом, было принято решение о передаче детей-подростков в местные коллективные хозяйства, каковых имелось по Северо-Кавказскому Краю около 2000, по два-три подростка на каждое коллективное хозяйство, что давало разместить до 6000 подростков. По расчетам Крайдеткомиссии подобная передача позволяла освободить до 6000 мест по детским домам Северо-Кавказского Края для размещения детей с улицы. Кроме того, предполагалось, что подобная практика даст возможность через колхозы приучить подростков к общественно-полезному труду. Данная мера была своего рода выходом из ситуации, когда имеющаяся сеть соответствующих профессиональных учебных заведений, не давала возможности определить всех подростков детдомов в школы, а отсутствие советующих учреждений для беспризорных подростков, лишала возможности «приспособить их к труду и

вырвать из развращающей жизни улицы» [ЦГА КБР. Ф. Р-16. Оп.1. Д.128. Л. 48].

Распределение подростков по колхозам должно было проходить по строго разработанному плану: в колхозы определялись подростки не моложе 15-ти лет; каждый передаваемый колхозу подросток должен был быть снабжен из средств ОНО двумя комплектами хорошего обмундирования, верхней одеждой, обувью и постельными принадлежностями; расходы по отправке детей в колхозы (провоз) стоимость дороги, питание и т.д. предполагалось производить за счёт соответствующей Окружной Деткомиссии. В первую очередь в колхозы должны были быть направлены комсомольцы – дети крестьян, рабочих, а потом уже все остальные дети из «нормальных детских домов»; посылку в колхозы трудно-воспитуемых детей было решено ни в коем случае не допускать, как не допускать и передачу детей, обучающихся «в последних группах школ повышенного типа» [ЦГА КБР. Ф. Р-16. Оп.1. Д.128. Л. 48].

Перед отправкой с подростками должна была проводиться беседа, дающая им представление о предстоящей жизни и работе. Им нужно было объяснить, что там, куда они направляются, они «не будут являться ни наемной силой и не обособятся от общей коллективной жизни». Колхоз же должен был взять на себя обязательства «в дельнейшем не только заботиться о питании и обмундировании подростков, но и об их воспитании». Все подростки с начала учебного года должны были обучаться в школах, при этом от платы за обучение они освобождались, на равне с воспитанниками детских домов. Подростки, достигшие 18 лет, «становились постоянными равноправными членами колхоза» [ЦГА КБР. Ф. Р-16. Оп.1. Д.128. Л. 48 об.].

Согласно распоряжению КрайОНО, соответствующие Отделы Народного Образования, должны были вести учет всех подростков, переданных в колхозы, «не теряя с ними непосредственную связь». Окружные Деткомиссии, в свою очередь, должны были строго следить за проведением в жизнь распоряжения Центра от момента прикрепления детей к колхозам до момента становления их равноправными членами коллективного хозяйства, с несением личной ответственности за соблюдение обозначенных требований [ЦГА КБР. Ф. Р-16. Оп.1. Д.128. Л. 48 об.].

СевкрайДТК была озадачена и вопросом профилактики беспризорности, понимая, что полномасштабная борьба с детской беспризорностью предполагает и борьбу с ее источниками. В связи с этим, было решено направить усилия на активизацию работы учреждений Соцстраха по выдаче пособий на содержания ребенка, матерям, вдовам. Кроме того, предполагалось вменить в обязанности судебным органам углубить работу «по установлению ответственности отцов, обязанных оказывать материальную помощь» детям в случаях их ухода из семьи [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 97].

Особое внимание уделялось детям-дошкольникам. Трудности борьбы с детской беспризорностью и «наличие большого числа социально-запущенных детей», отчасти объяснялись тем, что работы с беспризорными детьми начинается несвоевременно, поскольку дошкольный возраст с 3 до 8 лет не

охватывается «ни постоянной сетью, которая в общей сети детучреждений, занимает крайне незначительное место, ни временной – летней». А между тем, «дети-дошкольники являются весьма ценным материалом в педагогической работе». В этой связи перед Отделами Народного Образования и Деткомиссиями ставилась задача в ближайшее время обратить особое внимание на развертывание сети дошкольных учреждений как в городе, так и в деревне. В частности, планировалось срочно развернуть сеть летних площадок для беспризорных детей дошкольного возраста «особенно в городе, где имеется больше материальных возможностей и соответствующий аппарат» – Стол Опек и Социальная Инспекция [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 184].

Однако самой серьезной проблемой была детская преступность. Отсутствие необходимых условий для жизни, средств к существованию, призора и контроля толкали детей на преступления разной степени тяжести. На одном из совещаний по борьбе с преступностью при Крайпрокуратуре констатировался рост детской преступности. Было заявлено, что «90% беспризорных детей на улице – это уже активные преступники». Обычные занятия беспризорных – ребят постарше, на улицах сводились к кражам с базаров, на окраинах города и вокзале, так же к кражам из квартир и лавочек, кроме того, к взломам ларьков и нищенству. Малолетние же в составе 10-12 человек устраивали налеты на торговцев, просто проходящих граждан, причем в любое время дня. Большинство беспризорных девочек с 12 лет занимались проституцией [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 102, 105].

Одним из первых правовых документов, принятых советской властью, был Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних», упразднявший суды и тюремное заключение для малолетних. С этого времени, «дела о несовершеннолетних обоего пола до 17 лет, замеченных в деяниях общественно-опасных» подлежали ведению Комиссии о несовершеннолетних. Новый орган формировался из представителей ведомств: общественного призрения, народного просвещения и юстиции (в количестве не менее трех человек). Обязательным условием было включение в состав комиссии врача [ЦГА КБР. Ф. Р-16. Оп. 1. Д.128. Л. 48 об.]¹.

Малолетние до 14 лет и несовершеннолетние до 18 лет, задержанные за совершение действий, не имеющих общественно-опасного характера, не направлялись для разбора дела в Комиссии, те же кто был задержан за совершение общественно-опасных деяний, вызывались в Комиссии по требованию хотя бы одного из членов последних. Меры, применяемые Комиссиями в отношении несовершеннолетних, носили медико-педагогический характер: беседа, разъяснение, замечание воспитателя; впускание и оставление на свободе под присмотром родителей, родственников и обследователей; определение на ту или иную работу; помещение в школу;

---

¹ Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних» // КонсультантПлюс – справочная правовая система: интернет-версия. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3803#09311518011777312> (дата обращения: 28.09.2018).

отправку на родину; помещение в детский дом или в одну из лечебно-воспитательных колоний и учреждений; помещение в специальные изоляционные отделения психиатрических лечебниц; передача несовершеннолетних вместе с делом в народный суд, в случае признания недостаточными вышеуказанных мер (при упорных рецидивах, систематических побегах из детских домов, при явной опасности для окружающих оставления несовершеннолетнего на свободе)¹.

Однако, рост подростковой преступности, с сопутствующим этому увеличением тяжести совершаемых ими преступлений, побудили советское руководство ограничить применение к несовершеннолетним медико-педагогических мер и передать их на рассмотрение судебных органов².

В итоге, по Северному Кавказу на 1925 г. в местах заключения оказалось порядка 300 беспризорников, осужденных за убийство, насилие и иные тяжкие преступления. Но лишением их свободы, проблема беспризорных детей не исчерпывалась. Поскольку «правильного заключения и изоляции» для них не было применено, они там «квалифицировались» и выходили из мест лишения свободы «очень хорошими карманниками и форточниками» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 104.]. Таким образом, обозначилась необходимость в проведении мероприятий по созданию принципиально новых воспитательных учреждений для несовершеннолетних, для отбывания правонарушителей в них уголовного наказания.

Лучшим выходом в сложившихся обстоятельствах виделось в открытии реформаториума (исправительный детский дом заключения), как оптимально пригодного места для содержания «преступного элемента» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 106]. Данная мера некоторыми членами Крайдеткомиссии рассматривалась как единственно действенная, поскольку смысла в педагогическом воздействии, «которое к тому же поставлено не на усовершенствованную ногу» не виделось. Было мнение, что «пережить свою привычку ко всякого рода порочным явлениям» дети смогут «путем принудительного труда» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 102 а.].

Таким образом, проблема детской беспризорности на Северном Кавказе стояла очень остро и решить ее за один год, как оказалось, было невозможно. СевкрайДТК были сформулированы и новые задачи. Одной из основных было обязательное изучение беспризорности с целью выявить ее источник на Северном Кавказе, узнать «какие слои дают беспризорность и какие моменты в жизни детей толкают их на улицу». При этом самое серьезное внимание

---

¹ Постановление Народных Комиссариатов... 1943 – Постановление Народных Комиссариатов Просвещения, Здравоохранения и Юстиции. Инструкция Комиссиям по делам о несовершеннолетних от 30.07.1920 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1943. – С. 469-473.

² Декрет СНК РСФСР от 4 марта 1920 года «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» // Администрация Бокситогорского муниципального района: сайт. URL: <http://adm-boks9ce.1gb.ru/about/info/news/9922/> (дата обращения: 28.09.2018).

призывалось обратиться на село, признававшегося «главным поставщиком детской беспризорности» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 92. Л. 60 об.].

Ситуация осложнялась и тем, что Северо-Кавказский Край был весьма привлекателен природно-климатическими условиями, а также относительно благоприятным продовольственным положением, для оставшихся без надзора и призора детей многих регионов страны. Примерно 25% от общего числа беспризорных были местные дети, 25% приходилось на остальные районы РСФСР, а 50% были выходцами из союзных республик. В среднем на транспорте по Краю курсировало порядка 1200 человек [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 115].

Проблема усугублялась плохо поставленной работой и перегруженностью детских домов, первые из которых в условиях гражданской войны создавались стихийно. В них дети содержались без разбора пола, возраста, без учета состояния здоровья, а также, порой, игнорируя факт наличия у них родителей или близких родственников.

Тяжелое социально-экономическое положение в стране не позволяло организовать работу по защите детства должным образом. Однако, борьба с детской беспризорностью постепенно стала превращаться из социальной проблемы в политическую задачу. На улицах страны оказалась целая армия детей и советская власть не могла допустить чтобы беспризорников «подобрал» враждебный большевикам «классовый элемент». Кроме того, это были рабочие руки, которых так не хватало стране. Подобрать, накормить, научить трудиться – означало воспитать поколение советских граждан, которые приведут страну к коммунизму или, по крайней мере, попытаются это сделать. Так, проблема защиты детства и, в частности, борьба с беспризорностью, как один из ее аспектов, заняла постоянное место в повестке общественно-политической жизни Советской России 1920-х гг., а значит и Северо-Кавказского Края.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Афанасова 2007 – *Афанасова Е.Н.* История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920–1930-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2007. – 26 с.

Антимонов 2006 – *Антимонов А.Ю.* Беспризорность и социальная политика государства (на материалах Тамбовской области конца 1930-х годов) // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – 2006. – Т. 12. – № 1. – С. 239-243.

Бендер 2015 – *Бендер Е.А.* Проблема ликвидации детской беспризорности в Ленинграде и Ленинградской губернии/области в 1923-1931 гг. // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – № 2. – С. 83-90.

Блонский 2004 – *Блонский Л.В.* Детская беспризорность в СССР периода НЭПа: опыт ликвидации (на материалах Нижнего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов: Сарат. гос. соц.-эконом. ун-т., 2004. – 24 с.

Егорькова 2011 – *Егорькова И.А.* Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в 1918–1935 гг. (по материалам Нижегородского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владимир: Владимир. гос. гуманитар. ун-т, 2011. – 27 с.

Кесаева 2006 – *Кесаева Ж.К.* Деятельность государственных учреждений и общественных организаций Северной Осетии по борьбе с детской беспризорностью (1920-е

гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 2006. – 22 с.

Коновалов 2004 – Коновалов И.Н. Беспризорность, безнадзорность несовершеннолетних: Опыт исследования проблемы в Саратовской области. – Саратов: Изд-во СГУ, 2004. – 250 с.

Лаврова 2008 – Лаврова И.А. Детская непризорность на Урале в первой половине 1930-х гг. // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 1. – С. 44-49.

Мамеева 2004 – Мамеева Т.Н. Социально-культурная деятельность государственных и общественных организаций по ликвидации детской непризорности в Москве в 20-х – начале 30-х гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: Моск. гос. ун-т сервиса, 2004. – 25 с.

Маслова 2010 – Маслова О.Б. Ликвидация массовой детской непризорности в Советской России в 1920-е гг. (на материалах Ставрополья и Терека): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск: Пятигор. гос. технол. ун-т., 2010. – 26 с.

Реутова 2004 – Реутова А.Д. Ликвидация массовой детской непризорности в 1921–35 гг. (на материалах Верхневолжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иваново: Иван. гос. ун-т., 2004. – 25 с.

Рябинина 1999 – Рябинина Н.В. Детская непризорность и преступность в 1920-е гг. (по материалам губерний Верхнего Поволжья). – Ярославль: ЯрГУ, 1999. – 59 с.

Сажина 2003 – Сажина Н.С. Деятельность государства и общественных организаций по ликвидации детской непризорности в 1921-1928 гг. (на материалах Урала): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург: Ур. гос. ун-т им. А. М. Горького, 2003. – 25 с.

ЦГА КБР – Центральный Государственный Архив Кабардино-Балкарской Республики.

ЦДНИ КБР – Центр Документации Новейшей Истории Кабардино-Балкарской Республики.

REFERENCES

AFANASOVA E.N. *Istoriya detskoj besprizornosti v Irkutskoi oblasti i Krasnoyarskom krae v 1920–1930-kh gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The history of children's homelessness in the Irkutsk region and Krasnoyarsk region in the 1920-1930s. Abstract of the thesis for a Candidate of historical sciences degree]. – Irkutsk: Irkut. gos. un-t, 2007. – 26 p. (In Russian)

ANTIMONOV A.Yu. *Besprizornost' i sotsial'naya politika gosudarstva (na materialakh Tambovskoi oblasti kontsa 1930-kh godov)* [Homelessness and social policy of the state (based on the materials of the Tambov region of the late 1930s)]. IN: *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. – 2006. – Т. 12. – № 1. – P. 239-243. (In Russian)

BENDER E.A. *Problema likvidatsii detskoj besprizornosti v Leningrade i Leningradskoi gubernii/oblasti v 1923-1931 gg.* [The problem of elimination of child homelessness in Leningrad and Leningrad province / region in 1923-1931]. IN: *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. – 2015. – No 2. – P. 83-90. (In Russian)

BLONSKII L.V. *Detskaya besprizornost' v SSSR perioda NEPa: opyt likvidatsii (na materialakh Nizhnego Povolzh'ya): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Children's homelessness in the USSR NEP period: the experience of liquidation (on the materials of the Lower Volga region). Abstract of the thesis for a Candidate of historical sciences degree]. – Saratov: Sarat. gos. sots.-ekonom. un-t., 2004. – 24 p. (In Russian)

EGOR'KOVA I.A. *Bor'ba s detskoj besprizornost'yu i beznadzornost'yu v 1918–1935 gg. (po materialam Nizhegorodskogo kraja): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Fight against child homelessness and neglect in 1918-1935 (based on materials of Nizhny Novgorod region). Abstract of the thesis for a Candidate of historical sciences degree]. – Vladimir: Vladimir. gos. gumanitar. un-t, 2011. – 27 p. (In Russian)

KESAEVA Zh.K. *Deyatel'nost' gosudarstvennykh uchrezhdenii i obshchestvennykh organizatsii Severnoi Osetii po bor'be s detskoj besprizornost'yu (1920-e gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Activities of state institutions and public organizations of North Ossetia to combat child homelessness (1920s.). Abstract of the thesis for a Candidate of historical sciences degree]. – Vladikavkaz: Sev.-Oset. gos. un-t im. K.L. Khetagurova, 2006. – 22 p. (In Russian)

KONOVALOV I.N. *Besprizornost', beznadzornost' nesovershennoletnikh: Opyt issledovaniya problemy v Saratovskoi oblasti* [Homelessness, neglect of minors: experience in the study of the problem in the Saratov region]. – Saratov: Ied-vo SGU, 2004. – 250 p. (In Russian)

LAVROVA I.A. *Detskaya besprizornost' na Urale v pervoi polovine 1930-kh gg.* [Children's homelessness in the Urals in the first half of the 1930s.]. IN: *Ural'skii istoricheskii vestnik*. – 2008. – No 1. – P. 44-49. (In Russian)

MAMEEVA T.N. *Sotsial'no-kul'turnaya deyatelnost' gosudarstvennykh i obshchestvennykh organizatsii po likvidatsii detskoj besprizornosti v Moskve v 20-kh – nachale 30-kh gg. XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Socio-cultural activity of state and public organizations on liquidation of children's homelessness in Moscow in 20 – early 30s of XX century. Abstract of the thesis for a Candidate of historical sciences degree]. – M.: Mosk. gos. un-t servisa, 2004. – 25 p. (In Russian)

MASLOVA O.B. *Likvidatsiya massovoi detskoj besprizornosti v Sovetskoj Rossii v 1920-e gg. (na materialakh Stavropol'ya i Tereka): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Elimination of mass child homelessness in Soviet Russia in the 1920s (based on the materials of Stavropol and Terek). Abstract of the thesis for a Candidate of historical sciences degree]. – Pyatigorsk: Pyatigor. gos. tekhnol. un-t., 2010. – 26 p. (In Russian)

REUTOVA A.D. *Likvidatsiya massovoi detskoj besprizornosti v 1921–35 gg. (na materialakh Verkhnevolzh'ya): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Elimination of mass child homelessness in 1921-35 (based on the materials of the upper Volga region). Abstract of the thesis for a Candidate of historical sciences degree]. – Ivanovo: Ivan. gos. un-t., 2004. – 25 p. (In Russian)

RYABININA N.V. *Detskaya besprizornost' i prestupnost' v 1920-e gg. (po materialam gubernii Verkhnego Povolzh'ya)* [Children's homelessness and crime in the 1920s. (based on the upper Volga provinces)]. – Yaroslavl': YarGU, 1999. – 59 p. (In Russian)

SAZHINA N.S. *Deyatel'nost' gosudarstva i obshchestvennykh organizatsii po likvidatsii detskoj besprizornosti v 1921-1928 gg. (na materialakh Urala): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Activity of the state and public organizations on elimination of child homelessness in 1921-1928 (on materials of the Urals. Abstract of the thesis for a Candidate of historical sciences degree]. – Ekaterinburg: Ur. gos. un-t im. A. M. Gor'kogo, 2003. – 25 p. (In Russian)

TsGA KBR – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Arkhiv Kabardino-Balkarskoi Respubliki [CSA KBR – Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

TsDNI KBR – Tsentral'nyi Dokumentatsii Noveishei Istorii Kabardino-Balkarskoi Respubliki [CNHD KBR – Center of the Newest History Documentation of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

УДК 94.470.6

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-92-130

ПОЛИТИКА КОРЕНИЗАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920-1930-х ГОДАХ В ЗЕРКАЛЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ: ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Х.Б. МАМСИРОВ, Н.С. ЛАВРОВА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова», 360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: mamsirhb@mail.ru, lawrowa.natali2012@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется проводимая советской властью в 1920-1930-х гг. политика «коренизации», выражавшаяся в подготовке и продвижении на руководящие должности представителей коренных национальностей регионов и республик советской России, в создании национально-территориальных автономий, во внедрении языков национальных меньшинств в делопроизводство и образование, в поощрении издания газет и журналов на местных языках. В работе показано, что советская власть за счет проведения политики коренизации формировала опору своему курсу в регионах в лице местных национальных кадров. Политика «коренизации» имела позитивные последствия. Мощный импульс получило социально-экономическое и культурное развитие горских народов. Но в отношении своих непосредственных целей она оказалась недостаточно эффективной и несла определенные издержки, что было вызвано форсированными методами и резкими поворотами в ее осуществлении. В основу анализа рассматриваемого вопроса положен доклад «О ходе коренизации национальных областей Северо-Кавказского края», представленный 1 ноября 1930 г. Северо-Кавказским краевым исполкомом во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет РСФСР в порядке периодической отчетности. Полный текст доклада приводится в качестве приложения.

Ключевые слова: советская власть; национальная политика; Северный Кавказ; коренизация; народное образование; национальные кадры; интеллигенция.

THE POLICY OF INDIGENIZATION IN THE NORTH CAUCASUS IN THE 1920-1930s IN THE MIRROR OF ARCHIVAL DOCUMENTS: GOALS AND RESULTS

H.B. MAMSIROV, N.S. LAVROVA

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov»
360004, Russia, Kabardino-Balkaria Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: mamsirhb@mail.ru, lawrowa.natali2012@yandex.ru*

Abstract. The article examines the Soviet state power's policy of "indigenization" of the 1920s-1930s, which implied among the others: education and promotion of representatives of the indigenous nationalities of the regions and republics to leadership positions; creation of national-

territorial autonomies; introduction of national minorities' languages into the public administration and education; development of the edition of newspapers and journals in local languages. The paper shows that the Soviet government, through the implementation of the policy of "indigenization", searched to form the footing for its political line, which might be performed by local national cadres. The policy of "indigenization" had some positive results. It gave a powerful impetus to the socio-economic and cultural development of the mountaineers. But in relation to its immediate goals it had limited effectiveness and was bearing definite costs, mainly because of its forced methods and sharp turns in the course of realizing. The analysis in the article is based on the report "On the indigenization of the national regions of the North Caucasus region", submitted on November 1, 1930 by the North Caucasus Regional Executive Committee to the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR according to the established order of periodic reporting. The full text of the report is provided as an attachment.

Keywords: Soviet power institutions; national policy; North Caucasus; indigenization; public education; national cadres; intelligentsia

Проблемы гармонизации межэтнических отношений государственной национальной политики в условиях российских трансформаций занимают важное место в исследовательской практике российских обществоведов. Анализ данной проблемы, интерпретации, рекомендации актуализируются в свете оценки перспектив внутрироссийского диалога и федерализма, сохранения стабильности и устойчивого развития в стране и в ее отдельных регионах.

В постсоветский период Северный Кавказ стал наиболее «слабым звеном» России. В ответ на это в интеллектуальных кругах оформились две позиции. С одной стороны, прямо выражалась идея «сброса» сложного региона, как ненужного балласта. С другой – большое влияние приобрел тезис А.И. Солженицына о нецелесообразности дальнейшего существования национальных республик Северного Кавказа, высказанный в работе «Как нам обустроить Россию» [Солженицын 1990: 5]. В его развитие были выдвинуты проекты «губернизации», из паспорта гражданина России был исключен пункт о его национальной принадлежности. Общую основу этих подходов составило представление, что причины распада СССР и некоторые институциональные проблемы новой государственности России уходят своими корнями в идеологию и практику советской национальной политики.

Одним из направлений этой политики являлась «коренизация» – понятие, не получившее до сих пор четкого определения. Как правило, к ней относили мероприятия по упрочению советской власти в национальных регионах путем подготовки кадров администраторов, технической, научной, педагогической и творческой интеллигенции из числа местных народов через светскую систему образования.

В последнее время усилился интерес исследователей к переосмыслению процесса коренизации на Северном Кавказе. Так, М.А. Гутиева одной из первых попыталась уточнить особенности реализации этой политики в регионе. Но ее подход, в части целей этой кампании, идентичен советским предшественникам [Гутиева 2011: 2]. Е.В. Туфанов рассматривает коренизацию как инструмент формирования национальной советской и партийной

номенклатуры в 1920-1930-е годы и ускоренного развития народов Северного Кавказа [Туфанов 2017: 88-89].

Интерес Лю Сяньчжун к данной теме вызван попыткой китайских исследователей извлечения для себя уроков, чтобы избежать печального опыта распада СССР. Он считает, что целью коренизации являлось «исправление проводимой царской Россией политики насильственной русификации, усиление доверия этнических меньшинств к Советской власти, через поощрение местных жителей к активному участию в управлении» [Сяньчжун 2014: 42].

Более широко политику коренизации понимала Т.П. Хлынина, подчеркивая ее неоднозначное восприятие на местах и влияние на обострение межнациональных отношений в крае. В отличие от других она отметила и позитивные последствия политики: актуализацию национальной проблемы, мощный импульс социально-экономического и культурного развития горских народов и консолидацию их в нации, формирование национальных интересов, разрешение которых требует особой политики [Хлынина 2014: 106].

С опорой на выводы Т.П. Хлыниной о многообразии задач политики коренизации данная статья имеет целью уточнение на основе новых архивных документов сущности политики коренизации на Северном Кавказе в 1920-х – 1930-х гг., выявление ее неосвещенных граней и некоторых результатов реализации.

Репрезентативным в этом отношении является доклад «О ходе коренизации национальных областей Северо-Кавказского края», представленный 1 ноября 1930 г. Северо-Кавказским краевым исполкомом во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет РСФСР в порядке периодичной отчетности. Этот документ выявлен в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в фонде 1235 – Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, функционировавшего в 1920-х – 1930-х гг. Ниже приводится полный текст этого документа. Его орфография и пунктуация оставлены без изменения [ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 1-13].

Для верификации основных положений документа привлекался ряд других архивных источников из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Ростовской области (ГАРО) и Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО).

Сводные отчеты о реализации политики коренизации в Северо-Кавказском крае формировались на основе отчетов областных автономий региона. Так, в структуре отчета председателя Кабардино-Балкарской областной комиссии по коренизации А. Гемуева, типичной для всех национальных областей, отражались сведения по 12 различным разделам:

1. Общее количество населения.
2. Численный состав населения по отдельным национальностям.
3. Какие меры приняты для проведения коренизации аппаратов?
4. Какие существовали и существуют органы по проведению работы в области коренизации? Какие директивные указания давались на места?

5. Общее количество работников в аппаратах учреждений и предприятий.

6. На каком языке ведется делопроизводство?

7. Какие препятствия встречаются в процессе перевода делопроизводства?

8. Какие затруднения вызывает перевод делопроизводства в сношениях с соседними административными единицами?

9. Какая практика делопроизводства установилась в административных единицах со смешанным составом населения?

10. Если делопроизводство переведено на язык коренного населения, то насколько обеспечено обращение населения на родном языке в учреждениях?

11. Ассигнования по коренизации населения.

12. Общие выводы [ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 124. Д. 93. Л. 48-51 об.].

Характер запрашиваемых данных указывает на поиск советской властью способов достижения взаимопонимания с горским населением национальных автономий. Попытка решить эту проблему была заложена еще в «Основных принципах единой трудовой школы», принятых Наркомпросом и ВЦИК в октябре 1918 г. Они провозглашали школу как «бесплатную, доступную и, обязательную», «единую и трудовую»¹, что соответствовало интересам всех народов.

Постановление Наркомпроса РСФСР (ноябрь 1918 г.) «О школах национальных меньшинств»² предоставило всем народам право на образование на родном языке в школе. Это было принципиально важно для развития национальных культур. Автономная деятельность культурных структур в полиэтничном государстве является базой развития гражданского общества, согласования национальных интересов с интересами власти и, в конечном счете, ставит под контроль общества интересы последней. Именно так появились европейские нации как синоним государства и партнера власти. Однако в большевистской практике культурная самодеятельность народов сразу была поставлена под контроль власти, она навязывала свои интересы и цели нерусским народам через различные культурные структуры.

Настороженное отношение населения национальных регионов к советской власти, ее непрочность после гражданской войны при росте национального самосознания народов Северного Кавказа вынуждало Центр лавировать. Введение НЭП и его свободы во многих сферах жизнедеятельности не коснулось культуры. Напротив, в национальных автономиях сразу началось ее ограничение. Власть, рассматривая учреждения культуры как каналы массовой информации, интенсивно создает новые структуры управления и средства связи с населением.

¹ Культурное строительство в РСФСР. Документы и материалы: в 3-х т. Т. 1: 1917-1927 / гл. ред. М.П. Ким. – Москва: Советская Россия, 1983. – С. 74-75.

² Постановление Народного Комиссариата Просвещения № 835 «О школах национальных меньшинств» (См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942, стр. 1101-1102) // Проект «Исторические Материалы»: сайт. URL: <http://istmat.info/node/31674> (дата обращения: 18.10.2018).

Большевики толкали народы России к революционному прорыву к социализму. Но легче было изменить форму государства, чем сам народ. Разрыв с имперской государственностью сопровождался усилением в советской системе национального компонента. Но советская власть в центре, интернациональная по своей сути, с самого начала оказывала давление на национальный компонент, поскольку ведущим мотивом для нее была не «национализация» советов, а советизация национальностей.

X съезд РКП(б) принял программу модернизации многоэтнического российского общества с тем, чтобы «догнать ушедшую вперед центральную – пролетарскую – Россию», и изложил средства ее достижения:

- развитие и укрепление советской государственности в формах, соответствующих национально-бытовым условиям народов;
- развитие соответствующих инструментов власти, вооружение знанием языков, психологии местного населения;
- возвращение и использование всех институтов культуры как механизмов доведения до масс поставленных целей.

Запрограммировано было, что население будет получать и образование на родном языке и пользоваться библиотеками, музеями, театрами, но чему учить, что читать и смотреть, определит власть через систему политпросвета и агитпропа, которые все объяснят и интерпретируют в интересах власти.

Провал идеи мировой революции делал насущной задачу консолидировать народы бывшей Российской империи в новое государство в форме СССР. Конечно же, многоязычие затрудняло сплочение людей. Но высшее политическое руководство страны в тот период ратовало за то, что каждая отдельная «культура» должна знать и говорить на своем родном языке. Это позволит «преуспеть в политическом и хозяйственном развитии всего народа» – писал Сталин. Русский язык начинали преподавать повсеместно, никому не навязывая. Каждый гражданин имел выбор: учить русский язык или же свой родной¹.

Для достижения заветной планки – подъема отсталых народов до уровня передового русского на вооружение была принята политика коренизации. В ее основе лежал ряд идеологических предпосылок: во-первых, ввиду опасности национализма большевики решили поставить его на службу советскому государству; во-вторых, для слияния всех наций был взят курс на освобождение их от уз национализма, как буржуазного пережитка; в-третьих, наряду с нейтрализацией национализма нерусских народов необходимо было русский национализм лишить своего потенциала; в-четвертых, создать притягательный образ родины в лице союзных республик СССР для привлечения ряда разделенных народов: украинцев, белорусов, азербайджанцев и т.д. Эти

---

¹ Зачем Сталин заставил всех русский учить? 30.11.2018 // Канал «Русский для чайников» на Яндекс Дзен. URL: https://zen.yandex.ru/media/russian_for_dummies/zachem-stalin-zastavil-yseh-russkii-uchit-5bfe723405d8bd00aa6a50b0 (дата обращения: 06.10.2018)

принципы национальной политики были сформулированы на XII съезде партии в 1923 г., хотя стали применяться на практике несколько раньше¹.

А.И. Микоян, секретарь Северо-Кавказского крайкома РКП (б) на IV пленуме в ноябре 1924 г. заявил, что большинство горских народов «не имеет национальной письменности и культуры, и живет в обстановке сложного переплетения национальных и социальных противоречий со значительными остатками патриархально-родового быта». Но только при советской власти, считал он, и при «ее поддержке» горские народы «пытаются оформиться как национальности». В этом процессе, по его мнению, решающую роль играют «письменность, начатки культуры, нацсознания» [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 14. Л. 15, 17].

Однако по мнению краевого партийного руководства национальные автономии продолжали на практике жить «обособленными мирками», где даже советские учреждения подпадали под влияние традиций, «кулачества», которые разлагали их с помощью «родовых и сословных отношений» [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 839. Л. 4].

Чтобы освободиться от их пут, национальные области направляли в центр горцев-крестьян для подготовки управленцев для советских учреждений в специализированных вузах. Так, в 1923 г. КБАО направила в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) 21 чел. В их числе – Афаунов Измаил и Мальбахов Ахмед, впоследствии ставшие видными партийными и советскими работниками области [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 592. Л. 135]. В 1925-1926 гг. в Москве в КУТВ на горском отделении обучались 138 горцев Северного Кавказа [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 83-а. Л. 92].

В результате громадных усилий советской власти к концу 1920-х гг. для национальных автономий Северного Кавказа была подготовлена первая волна советской национальной рабоче-крестьянской интеллигенции – управленцев, преданной правящей партии и пришедшей на смену старой буржуазной интеллигенции. Но переход к форсированным социалистическим преобразованиям в конце 1920-х гг. по-новому актуализировал для советского государства проблему «коренизации» кадров.

В 1929 г. с началом «наступления социализма на капиталистические элементы» была опубликована статья М. Ваннэ о роли русского языка в строительстве национальных культур [Ваннэ 1929]. В ней он отмечает принцип равноправия языков, но, призывая, ссылаясь на работы Ленина к устранению «национальных перегородок, ... к слиянию наций». Он признает, что русский язык до революции был, с одной стороны, средством «политического насилия над национальной культурой», но с другой, средством доступа к более развитым культурам. Автор, понимая роль более развитого языка, его конкурентоспособность в модернизации, вместе с тем говорит о необходимости «коренизации» аппарата управления, без чего он превратится «в плохого

---

¹ См.: О советской коренизации народов. Цели и ошибки // ЖЖ mamlas на LiveJournal. URL: <https://mamlas.livejournal.com/2930841.html> (дата обращения: 18.10.2018)

посредника между пролетариатом и основными массами национального крестьянства» [Ваннэ 1929: 38].

Далее он изложил аргументы в пользу русского языка, но ни одного слова в защиту родных языков как средств восприятия и отражения картины изменяемого мира. Во-первых, утверждается, что русский язык является более распространенным «средством общения» в СССР. Во-вторых, он играет исключительную роль в деле усвоения «ленинизма всеми национальностями». В-третьих, «русский язык представляет собой более высокий уровень марксистско-ленинской критики и классово-политической культуры». В-четвертых, он является языком усвоения последних достижений западноевропейской техники и играет роль переводчика, обогащает «коммунизм» и национальные формы социалистической культуры. В-пятых, русский язык является главным при подготовке кадров для промышленности и сельского хозяйства для отсталых народностей. В итоге, автор делается вывод, что русский язык превратился «в один из мощных факторов усиления темпа социалистического строительства» и «тем самым – в один из *факторов строительства национальных культур* (выделено нами. – Х.М.; Н.С.)» [Ваннэ 1929: 39].

Теоретической базой для смены курса послужила декларация о том, что переходный период завершен и СССР уже вступил в период социализма, когда старые «уклады» «идут ко дну», а новый, социалистический, «растет и развивается с невиданной быстротой» [Диманштейн 1930: 8]. Перед национальными регионами поставили задачу «окончательного выкорчевывания корней капитализма» и вовлечение национального крестьянства в «грандиозное социалистическое строительство, ... в социалистическую культуру, быт» [ГАРФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 451. Л. 31]. Препятствиями объявили религиозно-бытовые пережитки, которые «служат источником рецидива буржуазного национализма, смазывания классового расслоения и классовой борьбы в национальной деревне, подмены классового принципа национальным», что «затрудняет борьбу с религиозно-бытовыми пережитками, за внедрение нового быта» и пр. [ГАРФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 451. Л. 31-31 об.].

В таких условиях Президиум Северо-Кавказского крайисполкома в 1929 г. принял план коренизации национальных областей в следующие сроки: советский аппарат в 3 года, в 1929-1931 гг.; культурно-просветительные учреждения в 5 лет, в 1929-1933 гг. [ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 1]. Главное внимание в ходе коренизации обращалось на подготовку и переподготовку свыше 3600 работников советского аппарата сельского, окружного и областного уровня из числа горцев-крестьян [ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 1 об.].

Учитывая низкий уровень образования горского населения, организуются краткосрочные курсы трех типов – 3-х месячные, 6-и месячные и годовые – по подготовке советских работников [ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 1]. В ходе массовой коллективизации они сменили старых специалистов, обвиненных после «Шахтинского дела» в буржуазном национализме. Ассигнования на

коренизацию советского аппарата национальных автономий за 3 года составили около 2 млн. руб. [ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 1 об.].

В период коренизации в областях Северного Кавказа особое внимание уделялось подготовке педагогов и специалистов сельского хозяйства, игравших ключевую роль в общественно-политическом и идеологическом контексте большевистской модернизации, и ставших основным резервом для ротации руководителей партийных, советских органов и колхозов. Профессию учителя центр рассматривал как самую эффективную в национальных автономиях, и соответствующую авторитарному духу советской модернизации. Власть активно использовала учителей в кампании по ликвидации неграмотности, которая кроме общественной пользы, несла агитационную и идеологическую нагрузку. Впоследствии привлечение национальных учителей Северного Кавказа к разъяснению горскому населению различных политических нововведений власти приобретает перманентный характер.

Однако кадровый потенциал северокавказских областей на старте коренизации в сфере образования был еще слабым и насчитывал всего 153 учителя с высшим образованием, 2064 – со средним специальным, в том числе 563 учителя из числа коренных народов (36,7%). Еще хуже ситуация была в аграрном секторе накануне коллективизации, в котором было занято всего 178 специалистов высшей квалификации, 480 – средней квалификации, из них 31 специалист из числа коренных народов (6,5%). Ощущался острый дефицит специалистов с высшим техническим образованием. Потребности же растущей индустрии национальных областей на 1931-1933 гг. составляли 1837 инженеров и 2480 техников, в том числе 60% представителей коренных народов [ГАРО. Ф. Р-2443. Оп. 2. Д. 2912. Л. 35, 38].

Совсем не случайно начало коренизации совпало с пиком кампаний по коллективизации, культпоходами и введением всеобщего. Реализация курса на ликвидацию кулачества как класса возлагались в первую очередь на местные Советы, а агитационные и принудительные меры – на культпросветучреждения, судебные-следственные и административные органы. Поэтому, очевиден интерес власти к первоочередной коренизации именно этих учреждений, ибо они и выполняли самую «черновую» и сложную работу, находясь на острие конфликтов и противоречий. Как отмечено в указанном отчете Северо-Кавказского крайисполкома, за предшествующие два года более успешно перевод делопроизводства на коренной язык был осуществлен в сельских советах, судебные-следственных и административных органах, культурно-просветительных учреждениях и кооперативно-общественных организациях [ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 10 об.].

Эффективность деятельности этих учреждений зависела от уровня подготовки и переподготовки национальных кадров, степени профессионализма персонала советских образовательных учреждений, ответственных за эти вопросы.

Заместитель Северо-Кавказского крайисполкома Иванов уверенно отразил об улучшении взаимодействия советского аппарата национальных областей с населением на их родном языке. Он отметил

значительный рост доли ответработников-националов в этих учреждениях, что стало, по его мнению, залогом значительных успехов в ликвидации неграмотности горского населения на родном языке. Это, в свою очередь, позволило расширить сеть курсов по подготовке националов в рабфаки, втузы и вузы, увеличить число средних профессиональных учреждений по подготовке кадров среднего звена из числа батрацко-бедняцкой и середняцкой части. И, пожалуй, самая положительная констатация, что в местной национальной промышленности растут ряды квалифицированных рабочих и пролетариата [ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 11].

Налет оптимизма в выводах докладчика об итогах двухлетней реализации мероприятий по коренизации Северного-Кавказа быстро улетучивается при более внимательном анализе недочетов и издержек этой кампании. Возникает сомнение в реальности заявленных успехах. Серьезным недостатком курсовых мероприятий был большой отсев курсантов. Так, из 3632 запланированных работников советского аппарата сельского, окружного и областного уровня северокавказских областей краткосрочные курсы окончили 3270 человек. Но, качество полученных ими знаний оказалось настолько низким, что до 50% его контингента было непригодно к использованию по прямому назначению. И, что самое главное, в первую очередь это касалось работников среднего и высшего (окружного и областного) уровней [ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 1 об., 3 об., 4, 11 об.].

Идентичные проблемы возникали и в части подготовки национальных рабочих кадров. Из первой 1000 горцев, направленных в 1928/29 г. в краевую и союзную промышленность для освоения рабочих специальностей на места прибыли 808 чел. Из них по различным причинам убыли 178 чел., т.е. 21%. Из указанного контингента (1000 рабочих националов) 20% мест планировалось выделить женщинам-горянкам. Фактически было командировано не более 2% [ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 9 об., 10].

Таким образом, коэффициент полезного действия курсовых мероприятий по реализации плана коренизации был весьма низким. И основная причина указанных недостатков была обусловлена издержками в деятельности органов народного образования различных уровней. Результаты, достигнутые в сфере повышения уровня образования коренного населения Северного Кавказа, относятся к безусловным успехам советской власти. Так, в указанном докладе приводятся статистические данные и «таблица о громадном росте грамотности в национальных областях Края вообще, и у женщин горянок, в частности» [ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 7 об., 8]. Но здесь необходимо делать поправку на то, что управленческие структуры всех уровней стремились «приукрасить» дело. На запутанность данных о грамотности населения Северного Кавказа в 20-е указывает и Э.А. Шеуджен [Шеуджен 1983: 52-53].

Реальных результатов в ликвидации неграмотности горских народов невозможно было достигнуть при перманентных экспериментах по составлению и смене графической основы обретенной народами Северного Кавказа письменности на родных языках. Главной целью замены арабицы латиницей являлись повышение эффективности работы по ликвидации

неграмотности и, в целом, работы советской системы образования, облегчение взаимодействия новой власти с населением с тем, чтобы вырвать его массы из-под влияния ислама. Вопрос о замене арабской графики письма латиницей приобрел общественно-политический характер и «с учетом классовых, культурных и языковых особенностей» народов Северного Кавказа, латинице отводилось важная роль в их разрыве с традициями и привычками [Хаджиев 1930: 9, 15].

Эти меры были призваны укрепить роль национальных языков и национальных культур в СССР, создать отношения взаимоуважения и доверия между русским и нерусскими народами и, что самое главное, облегчить распространение коммунистической идеологии, культивируемой правящей партией¹.

Директива V пленума ВЦКНА (1931 г.) прямо гласила: «В период наступления социализма по всему фронту и ужесточения классовой борьбы усилить борьбу ... по латинизации алфавита, за осуществление ленинской национальной политики, против ... великодержавного шовинизма и местного национализма; форсировать темпы латинизации как одного из важнейших орудий культурной революции» [Алиев 1931: 84].

Но реальные успехи оказались скромнее, чем ожидали руководители автономий и центра. Постановление Президиума ВЦИК от 10 сентября 1930 г. «О состоянии и очередных задачах просвещения трудящихся национальных меньшинств РСФСР», отметив «усиление работы по ликвидации неграмотности на национальных языках», обратило внимание на то, что в автономиях народов Северного Кавказа дело еще «резко отстает от достигнутого среднего уровня» РСФСР [ГАРФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 451. Л. 15].

Через три месяца Комнац в постановлении по докладу Северо-Кавказского совнарпроса от 1 декабря 1930 г. пришел к идентичным выводам, подчеркнув, что «нет фактической картины охвата неграмотности и малограмотности и перелома в этой работе», что местные органы не выполнили «решения Всероссийского совещания по ликвидации неграмотности» [ГАРФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 464. Л. 84-84 об.].

Данные архивов контрастируют с победными реляциями об успехах на этом фронте. Это объясняется тем, что рубеж 20-30-х годов на Северном Кавказе отмечался как десятилетний юбилей создания национальных автономий. В Москве закрывали глаза на многие неточности, уповая на полезность их пафосного тона. Но в 1930-31 гг. принимается много партийных решений на краевом уровне, бичующих неточности и приписки. Более поздние документы, например, об организации «культштурма» в 1931 г. свидетельствуют, что из 750 тыс. неграмотных в целом по краю, в период летнего «штурма» удалось охватить лишь 350 тыс. Уже сами «штурмовые» формы работы говорят о явном неблагополучии, завышении отчетных данных о

---

¹ Национальная политика в 1920-е – 1930-е гг. 14.06.2017 // Материалы по истории на сайте сайте i100rik. URL: <https://i100rik.com.ua/natsionalnaya-politika-v-1920-e-1930-e-gg/> (дата обращения: 06.10.2018).

проделанной работе, о формализме [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1168. Л. 19; Милославский 1931: 5-6; Слет... 1931: 14].

Общая тенденция демонстрации поступательности социалистических преобразований притупляло внимание к комплексу проблем, которые сплелись в один узел в 20-30-е годы: необходимость параллельно реформировать письменность, ликвидировать массовую неграмотность, создавать систему образования, готовить учебники, обучать и переучивать учителей, срочно готовить кадры для советских учреждений, для сферы промышленности, колхозного производства, культуры и народного образования. Давление валовых показателей в ущерб качественным замедляло решение проблем коренизации и отодвигало их на неопределенный срок, усугубляя ситуацию.

Индустриализация и коллективизация столкнулись с противодействием местных национальных элит. Национальное население, не способное быстро воспринимать вызовы времени, остро реагировало на наступательную политику советской власти, сопровождавшуюся грубыми издержками. «Крутой поворот» в политике большевиков вызвал серию массовых вооруженных восстаний во всей стране, в том числе в национальных автономиях Северного Кавказа от Кабарды до Дагестана, от Эльбруса до Черного моря [Трахо 1992: 88].

Ставка власти на «коренные» кадры в деле разрядки национального вопроса фактически сорвалась и привела к его обострению, к конфронтации власти с национальным населением. Обретение северокавказскими народами прав государственности в форме национальной автономии и политика коренизации стимулировали рост национального самосознания, национальной ориентации кадров научной, педагогической и профессиональной интеллигенции.

Усиление административной роли центра в ходе первой пятилетки привело к сворачиванию финансирования многих программ по развитию местных языков и культур. Когда же начался поиск виновных в «перегибах на местах», виновными оказались именно местные национально настроенные партийцы¹.

Эти обстоятельства обусловили изменение в 1930 г. политического курса правящей партии. С другой стороны, увеличение социальной мобильности граждан по всей стране: военная обязанность, распределение студентов на работу в различные регионы страны, индустриализация и урбанизация еще более обостряли нужду в едином, универсальном языке².

В актуализированном виде решение национального вопроса было представлено Сталиным 27 июня 1930 г. в политическом отчете ЦК XVI съезду партии: «...Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну

---

¹ О советской коренизации народов. Цели и ошибки // ЖЖ mamlas на LiveJournal. URL: <https://mamlas.livejournal.com/2930841.html> (дата обращения: 18.10.2018)

² Зачем Сталин заставил всех русский учить? 30.11.2018 // Канал «Русский для чайников» на Яндекс Дзен. URL: https://zen.yandex.ru/media/russian_for_dummies/zachem-stalin-zastavil-yseh-russkii-uchit-5bfe723405d8bd00aa6a50b0 (дата обращения: 06.10.2018)

общую культуру с одним общим языком в период победы социализма во всем мире...» [Сталин 1949: 369].

К середине 1930-х гг. политика «коренизации» на Северном Кавказе сворачивается в связи с ужесточением национальной политики. По мере утверждения тоталитаризма усиливаются тенденции централизации и унификации советской государственного аппарата и национального многообразия [Очерки... 2014: 161].

Член научно-политической секции ГУС, редактор журнала «Революция и национальности» С.М. Диманштейн выступил в 1935 г. со статьей «Отношение марксизма-ленинизма к вопросу об ассимиляции национальностей», в которой открыто заявил, что в жизни любого народа ассимиляция является «важнейшим моментом», ее процесс является «законом природы для очень многих органических веществ (! – авт.)» [Диманштейн 1935: 58].

Но у большевиков этот процесс не вызывает опасений. Автор считает, что все дело в том, какими методами осуществляется ассимиляция: активными или пассивными. Иногда процесс «происходит настолько частично, что не оказывает решающего влияния, как на ассимилируемую нацию, так и на ту, в которой она ассимилируется». Это уже «взаимное сближение и взаимное влияние», т.е. «процесс интернационализации, не затрагивающий существа деления ... на разные национальности». Здесь, конечно, сильно «хромает» у автора логика, но она подкреплена цитатами из работ Ленина и Сталина, у которых к тому времени логических ошибок советский читатель уже не посмел бы усмотреть. Статья заканчивается утверждением, что в условиях советской власти нет места «насильственной ассимиляции, но здесь могут действовать законы притяжения, в особенности в среде малочисленных национальностей, у которых – при отсутствии внешнего национального давления – начинает теряться стимул для сохранения своего отдельного национального существования» [Диманштейн 1935: 57-63].

В этих условиях национальные кадры служащих, интеллигенции, инженеров, сформированные в результате целевой подготовки оказались не ко двору. Их взгляды противоречили тенденциям централизации и унификации политической системы и квалифицировались как проявление «буржуазного национализма», в чем обвинили партийных и советских работников всех уровней, хозяйственных руководителей и даже беспартийных национальных регионов страны [Гатагова 2011: 595].

В 1938 г. И.В. Сталин инициировал издание постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». В связи с этим началось сокращение количества часов на изучение родных языков в школе с одновременным увеличением часов по русскому языку. Обязательный статус изучения русского языка мотивировался: потребностью в едином языке межнационального общения в стране; необходимостью повышения профессиональной подготовки рабочих; и, наконец, для взаимопонимания и успешной военной службы граждан всех национальностей. Русский язык начал давать всем людям

возможность вступить в партию, учиться в вузе. Это повышало престиж русского языка, и снижало значимость изучения родного языка¹.

В это же время, в 1939 г. народы Северного Кавказа пережили очередную реформу алфавита, с переводом национальной письменности на кириллицу, которая практически свела на нет предыдущие усилия по распространению грамотности и письменной культуры среди северокавказского населения. Идентичный процесс проходил в 30-х гг. и в органах милиции, судах, государственных учреждениях. Государственный статус русского языка облегчал условия межнационального общения в СССР и проведения экономической модернизации страны, предоставлял всем перспективу получения престижного образования и стимул для карьерного роста. Поэтому национальные элиты особо не противились языковым новациям².

Таким образом, анализ доклада Северо-Кавказского крайисполкома о ходе коренизации национальных областей в конце 1930 г. показывает, что кампания по достижению успешного взаимодействию советской власти с горскими народами проходила в сложных общественно-политических условиях. Она усугублялась дефицитом национальных кадров, противодействием антисоветских элементов, недопониманием отдельными советскими работниками значения коренизации для национальных областей, острым недостатком средств и т. д.

Политика коренизации стимулировала рост национального самосознания народов Северного Кавказа. Достижения в сфере национального образования относятся к безусловным успехам советской власти, обеспечившим поступательность социалистических преобразований. Но одновременные и форсированные меры по реформе письменности, ликвидации массовой неграмотности, введению всеобщего, срочной подготовке кадров для советских учреждений, сферы промышленности, колхозного производства, культуры и народного образования были сопряжены с неминуемыми издержками.

Методы реализации политики коренизации показали, что интересы народов Северного Кавказа по сохранению своих традиций не учитывались. Они осуществлялись в соответствии со стратегией политического руководства по унификации советского общества. Национально-ориентированные кадры, подготовленные в ходе коренизации, в конечном счете, оказались вовлечены в конфликт с властями, обвинены во всех провалах на местах и понесли невосполнимый урон в период массовых репрессий второй половины 30-х годов.

---

¹ Зачем Сталин заставил всех русский учить? 30.11.2018 // Канал «Русский для чайников» на Яндекс Дзен. URL: https://zen.yandex.ru/media/russian_for_dummies/zachem-stalin-zastavil-yseh-russkii-uchit-5bfe723405d8bd00aa6a50b0 (дата обращения: 06.10.2018)

² Национальная политика в 1920-е – 1930-е гг. 14.06.2017 // Материалы по истории на сайте сайте i100rik. URL: <https://i100rik.com.ua/natsionalnaya-politika-v-1920-e-1930-e-gg/> (дата обращения: 06.10.2018).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алиев 1931 – *Алиев У.* По-новому работать, по-новому руководить. К итогам V Пленума ВЦКНА // Революция и национальности. – 1931. – № 9. – С. 82-87.

Ваннэ 1929 – *Ваннэ М.* Русский язык в строительстве национальных культур // Просвещение национальностей. – 1929. – № 2. – С. 31-40.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Гатагова 2011 – *Гатагова Л.* Советская этнополитика, как отражение сталинской «империомании»: новые источники, новые прочтения (1930–1940-е гг.) // Материалы I международной научной конференции «История сталинизма: итоги и проблемы изучения» Москва, 5-7 декабря 2008 г. – М.: РОССПЭН Президентский центр Б.Н. Ельцина, – С. 593-607.

Гутиева 2011 – *Гутиева М.А.* Политика коренизации кадров и особенности ее реализации на Северном Кавказе в 1920-1930-е гг. // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 1. – С. 2-7.

Диманштейн 1930 – *Диманштейн С.* О борьбе с уклонами в национальном вопросе // Просвещение национальностей. – 1930. – № 6. – С. 6-13.

Диманштейн 1935 – *Диманштейн С.* Отношение марксизма-ленинизма к вопросу об ассимиляции национальностей // Революция и национальности. – 1935. – № 7. – С. 57-63.

Милославский 1931 – *Милославский П.* К 14 годовщине Октября превратить Северный Кавказ в край сплошной грамотности // За соцкультуру. – 1931. – № 8. – С. 5-6.

Очерки... 2014 – *Очерки истории Северного Кавказа. XX век / Т.А. Невская и др.;* науч. ред. Т.А. Булыгина. – Пятигорск; Ставрополь: ПГЛУ, 2014. – 354 с.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

Слет... – *Слет* культурмейцев нацобластей Северного Кавказа // За соцкультуру. – 1931. – № 2-3. – С. 14-15.

Солженицын 1990 – *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Комсомольская правда. Специальный выпуск. – 1990. – 18 сентября. – 28 с.

Сталин 1949 – *Сталин И.В.* Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП (б) // Сталин И.В. Сочинения. Т.12. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. – С. 235-373.

Сяньчжун 2014 – *Сяньчжун, Лю.* Плюсы и минусы политики «коренизации» СССР в 1920-е годы // Ойкумена. – 2014. – №1. – С. 42-49.

Трахо 1992 – *Трахо Р.* Черкесы (Черкесы Северного Кавказа). – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1992. – 160 с.

Туфанов 2017 – *Туфанов Е.В.* Коренизация как инструмент формирования региональной номенклатуры. На материалах Северного Кавказа в 1920-1930-е гг. // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 3. – С.84-89

Хаджиев 1930 – *Хаджиев А.* Латинизация и унификация горских алфавитов на Северном Кавказе // Хаджиев А., Яковлев Н.Ф., Беляев М.В. Культура и письменность горских народов Северного Кавказа (Сборник статей). – Владикавказ: Крайком НА и Крайнациздат, 1930. – С. 5-18.

Хлынина 2014 – *Хлынина Т.П.* Коренизация и решение национального вопроса на Северном Кавказе в 1920-е – 1930-е гг. // Вестник Южного научного центра. – 2014. – Том 10. – № 3. – С. 106-111.

ЦДНИРО – Центр документации новейшей истории Ростовской области.

Шеуджен 1983 – *Шеуджен Э.А.* Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. – 139 с.

REFERENCES

- ALIEV U. *Po-novomu rabotat', po-novomu rukovodit'. K itogam V Plenuma VTsKNA* [To work in a new way, to manage in new ways. To the results of the V Plenum of the All-Union Central Committee of the New Alphabet]. IN: *Revolyutsiya i natsional'nosti*. – 1931. – No 9. – P. 82-87. (In Russian)
- VANNE M. *Russkii yazyk v stroitel'stve natsional'nykh kul'tur* [Russian language in the construction of national cultures]. IN: *Prosveshchenie natsional'nosti*. – 1929. – No 2. – P. 31-40.
- GARF – *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [SARF – The State Archive of the Russian Federation]. (In Russian)
- GARO – *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti* [SARR – The State Archive of the Rostov Region]. (In Russian)
- GATAGOVA L. *Sovetskaya etnopolitika, kak otrazhenie stalinskoi «imperiomani»: novye istochniki, novye prochteniya (1930–1940-e gg.)* [Soviet ethnopolitics as a reflection of Stalin's “imperiomania”: new sources, new perusals (1930–1940s)]. IN: *Materialy I mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya» Moskva, 5-7 dekabrya 2008 g.* [Proceedings of the I International Scientific Conference "The History of Stalinism: Results and Problems of Study" Moscow, December 5-7, 2008]. – M.: ROSSPEN Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina, – P. 593-607. (In Russian)
- GUTIEVA M.A. *Politika korenizatsii kadrov i osobennosti ee realizatsii na Severnom Kavkaze v 1920-1930-e gg.* [The policy of indigenization of the cadres and the features of its implementation in the North Caucasus in the 1920-1930s]. IN: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. – 2011. – No 1. – P. 2-7. (In Russian)
- DIMANSHTEIN S. *O bor'be s ukлонami v natsional'nom voprose* [On the fight against deviations in the national question]. IN: *Prosveshchenie natsional'nosti*. – 1930. – No 6. – P. 6-13. (In Russian)
- DIMANSHTEIN S. *Otnoshenie marksizma-leninizma k voprosu ob assimilyatsii natsional'nosti* [The attitude of Marxism-Leninism to the question of the assimilation of nationalities]. IN: *Revolyutsiya i natsional'nosti*. – 1935. – No 7. – P. 57-63. (In Russian)
- MILOSLAVSKII P. *K 14 godovshchine Oktyabrya prevratit' Severnyi Kavkaz v kraj sploshnoi gramotnosti* [By the 14th anniversary of October to turn the North Caucasus to the edge of complete literacy]. IN: *Za sotskul'turu*. – 1931. – No 8. – P. 5-6. (In Russian)
- Ocherki istorii Severnogo Kavkaza. XX vek / T.A. Nevskaya i dr.; nauch. red. T.A. Bulygina* [Essays on the history of the North Caucasus. XX century / Ed. by T.A. Nevskaya, T.A. Bulygina]. – Pyatigorsk; Stavropol': PGLU, 2014. – 354 p. (In Russian)
- RGASPI – *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [RSASPH – The Russian State Archive of Socio-Political History]. (In Russian)
- Slet kul'tarmeitsev natsoblastei Severnogo Kavkaza* [Kultarmeytsy's gathering of the national regions of the North Caucasus]. IN: *Za sotskul'turu*. – 1931. – No 2-3. – P. 14-15. (In Russian)
- SOLZHENITSYN A.I. *Kak nam obustroit' Rossiyu? Posil'nye soobrazheniya* [How do we arrange Russia? Feasible considerations]. IN: *Komsomol'skaya pravda*. Special Issue. – 1990. – 18 September. – 28 p. (In Russian)
- STALIN I.V. *Politicheskii otchet Tsentral'nogo komiteta XVI s"ezdu VKP (b)* [Political Report of the Central Committee to the XVI Congress of the AUCP(b)]. IN: STALIN I.V. *Sochineniya. T. 12* [Writings. Vol. 12]. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1949. – P. 235-373. (In Russian)
- SYAN'CHZHUN, LYU. *Plyusy i minusy politiki «korenizatsii» SSSR v 1920-e gody* [The pros and cons of the “indigenization” of the USSR in the 1920s]. IN: *Oikumena*. – 2014. – No1. – P. 42-49. (In Russian)
- TRAKHO R. *Cherkesy (Cherkesy Severnogo Kavkaza)* [Circassians (Circassians of the North Caucasus)]. – Nal'chik: Poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 1992. – 160 p. (In Russian)

TUFANOV E.V. *Korenizatsiya kak instrument formirovaniya regional'noi nomenklatury. Na materialakh Severnogo Kavkaza v 1920-1930-e gg.* [Indigenization as a tool for the formation of the regional nomenclature. On the materials of the North Caucasus in the 1920-1930s.]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2017. – No 3. – P. 84-89. (In Russian)

KHADZHIEV A. *Latinizatsiya i unifikatsiya gorskikh alfavitov na Severnom Kavkaze* [Latinization and unification of the mountaineers alphabets in the North Caucasus]. IN: KHADZHIEV A., YAKOVLEV N.F., BELYAEV M.V. *Kul'tura i pis'mennost' gorskikh narodov Severnogo Kavkaza (Sbornik statei)* [Culture and writing of the mountaineers of the North Caucasus (Collection of articles)]. – Vladikavkaz: Kraikom NA i Krainatsizdat, 1930. – P. 5-18. (In Russian)

KHLYNINA T.P. *Korenizatsiya i reshenie natsional'nogo voprosa na Severnom Kavkaze v 1920-e – 1930-e gg.* [The indigenization and the solution of the national question in the North Caucasus in the 1920s – 1930s]. IN: *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra*. – 2014. – Tom 10. – No 3. – P. 106-111. (In Russian)

TsDNI RO – Tsentri dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti [CNHD RR – Center of the Newest History Documentation of the Rostov Region]. (In Russian)

SHEUDZHEN E.A. *Sovetskaya istoriografiya natsional'no-kul'turnogo stroitel'stva na Severnom Kavkaze* [Soviet historiography of national-cultural construction in the North Caucasus]. – Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1983. – 139 p. (In Russian)

Срочно
В.А. Кай

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
КРАЕВОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ, КРАСНОАРМЕЙСКИХ, КАЗАЧЬИХ И ГОРЦКИХ ДЕПУТАТОВ.
Адрес: Ростов на Дону, ул. Фр. Энгельса, 57. Для телеграмм: Ростов-Дон Крайисполком. Телефон для справок 2-84

№ №

1. Край 1929 г. № *22/804*

Краткое содержание:

ВСЕРОССИЙСКОМУ ЦЕНТРАЛЬНОМУ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ КОМИТЕТУ РСФСР.

ДОКЛАД

О ХОДЕ КОРЕНИЗАЦИИ НАЦ. ОБЛАСТЕЙ С.К. КРАЯ

1. ОБЩИЕ МЕРОПРИЯТИЯ.

Учитывая необходимость наиболее быстрого экономического и культурного развития нац. областей С.К. Края, ^{*сельскохозяйственно-просветительных*} путем улучшения обслуживания трудящихся масс горцев и приближения к массам советского аппарата, Президиум С.К. Крайисполкома в соответствии с решениями партии и правительства поставил задачей своей работы практическое осуществление коренизации нац. областей,

В сводку

в 1929 г. (разработаны и утверждены) ^{*план*} ^{*мероприятий*} ^{*в*} ^{*С.К. Крае*} предусматривающий полную коренизацию нац. областей в следующие сроки:

- 1/-Коренизация сов. аппарата в три года, т.е. с 1929 г. по 1931 г. включительно.
- 2/-Коренизация культурно-просветительных учреждений в 5 лет, т.е. с 1929 г. по 1933 г. включительно.

Помимо общих установок в сроках, планом коренизации предусмотрены и дифференцированные сроки, в соответствии с экономическим и социально-культурным развитием каждой в отдельности нац. области.

2. СОВЕТ. АППАРАТ.

Для проведения коренизации Сов. аппарата нац. областей признано необходимым в течение 3 лет, подготовить и переподготовить 3632 работника сельского окружного и областного масштаба.

По отдельным категориям подлежащие переподготовке работники представляются в следующем виде:

- 1/-Тех. персонал работников Обл. и Окр. Исполкомов - 571.
- 2/-Работников с/советов..... -1824.
- 3/-Работников милиции ..... - 637.
- 4/-Ответ. работников Окр. и Обл. масштаба..... - 507.

СВАРД 4. 1235. Сп. 125. 9 118. 7

ДОКЛАД О ХОДЕ КОРЕНИЗАЦИИ НАЦ. ОБЛАСТЕЙ С.К. КРАЯ

I. ОБЩИЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Учитывая необходимость наиболее быстрого экономического и культурного развития нац. областей С.К. Края, и улучшения культурного обслуживания трудящихся масс горцев и приближения к массам советского аппарата, – Президиум С.К. Крайисполкома в соответствии с решениями партии и правительства поставил задачей своей работы практическое осуществление коренизации нац. областей. В связи с чем, в 1929 г. был разработан и утвержден план коренизации всех нац. областей края, предусматривающий полную коренизацию нац. областей в следующие сроки:

1 – Коренизация сов. аппарата в три года, т.е. с 1929 г. по 1931 г. включительно.

2 – Коренизация культурно-просветительных учреждений в 5 лет, т.е. с 1929 г. по 1933 г. включительно.

Помимо общих установок в сроках, планом коренизации предусмотрены и дифференцированные сроки, в соответствии с экономическим и социально-культурным развитием каждой в отдельности нац. области.

2. СОВЕТ. АППАРАТ

Для проведения коренизации Сов. аппарата нац. областей признано необходимым в течение 3 лет подготовить и переподготовить 3632 работника сельского окружного и областного масштаба.

По отдельным категориям подлежащие переподготовке работники представляются в следующем виде:

1.	Тех. персонал работников обл. и окр. исполкомов	571
2.	Работников с/советов	1824
3.	Работников милиции	637
4.	Ответ. работников окр. и обл. масштаба	507

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 1.

5.	Машинисток по всем областям	93
----	-----------------------------------	----

Итого: 3632 раб.

При подготовке работников предусмотрены 3 типа курсов, а именно: курсы для переподготовки уже работающего кадра нац. работников предусмотрены 6 м., для ответ. работников в обл. масштабе 3 м. и для остальных работников, подготавливаемых законом предусмотрены годовичные курсы.

Развертывание по годам представляется в следующем виде:

Годы	Общее к-во курсов	Из них по подготовке.	По переподготовке.	Кол-во курсантов	Из них по подготовке.	По переподготовке.
1928/29	7	7	-	855	855	-
1929/30	18	10	8	1330	823	506
1930/31	18	5	13	1443	361	1086
Итого:	43	22	21	3632	2039	1543

Общая стоимость подготовки и переподготовки работников соваппарата в связи с коренизацией и расходы на издательские нужды, по сов. аппарату выражаются в следующих суммах:

Годы	Общая стоимость курсов	Стоимость изданий	Общая стоимость коренизации
1928/29	326.000	57.000	383.000
1929/30	517.792	163.900	681.692
1930/31	765.298	-	-
Итого:	609.090	220.900	1.829.990

ПРИМЕЧАНИЕ: При определении стоимости содержания курсов, взяты в основу действующие нормы Наркомпроса.

2. ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

По коренизации горских школ были предусмотрены следующие темпы:

В С.-Осетии в 1928/29 г. коренизированы первые 2 группы, в 1929/30 г. намечена коренизация 3-х групп; в 1930/31 г. – 4-х групп и в 1931/32 г. – 5-ти групп.

В Адыгее, где в 1928/29 г. коренизированы первые 2 группы, намечается планом в 1929/30 г. коренизировать 25% третьих групп, в 1930/31 г., оставшиеся 75% групп; в 1931/32 г. – 75% – 4-х групп; в 1932/33 г. – 25% 4-х групп в пятые группы.

В остальных нац. областях, где в 1928/29г. коренизированы только первые группы, намечается в 1929/30 г. коренизировать 25% вторых групп в 1930/31 г. оставшиеся 75% вторых групп; в 1931/32г. 75% третьих групп, в 1932,33 г. оставшиеся 25% 3-х групп и 75% четвертых групп

ГАРФ. Ф.1235. Оп.125. Д.118. Л. 1об.

в 1933/34 г. оставшиеся 25% четвертых групп и все пятые группы.

По данным на 1928/29 г. в нац. областях имелось учителей ведущих работу на родном языке 964 чел. В связи с введением всеобщего обучения и коренизации требуется дополнительно 3172 чел.

За указанный период времени из нац. педтехникумов предполагается выпустить 661 человек и заново подготовить 2511 чел. через пятимесячные краткосрочные курсы и двухгодичные долгосрочные курсы.

3. ПО ПОЛИТ. ПРОСВЕТ. УЧРЕЖДЕНИЯМ

Переподготовка и подготовка рассчитаны на 2 года (1928/29 и 1929/30). Всего должно быть переподготовлено ликвидаторов неграмотности и малограмотности 460 чел., избачей 280 чел., работников клубов горянок – 45 чел., окружных библиотекарей 50 чел.

Общая стоимость коренизации нац. областей в части культпросвет. учреждений выражается в сумме – Руб. 2.847.280-14 к., из них на издание Руб. 327.235.

На организацию и проведение курсов – Руб. 2.520.053-14 к. По годам эта сумма распределяется следующим образом:

Годы	На организацию курсов	На издательскую работу	Всего
1928/29	293.769-00	-	293.769-00
1929/30	658.242-66	128.725	786.967-66
1930/31	619.544-32	48.895	668.439-32
1931/32	625.169-16	76.745	701.914-16
1932/33	323.328-00	72.870	396.198-00
Итого:	2250.053-14	327.235	2.847.288-14 к.

Общая стоимость коренизации нац. областей по линии сов. аппарата и культпросвет-учреждений выразится в сумме 4677.277.

Подготовка и переподготовка работников и расходы с коренизацией по годам представляются в следующем виде:

Годы	Расходы по содержанию курсов	Издательские расходы	Общая стоимость коренизации
1928/29	619.769	57.000	676.719
1929/30	1.176.034	292.625	1.468.659
1930/31	1.381.842	48.895	1.433.737
1931/32	625.169	76.745	701.914
1932/33	323.328	72.870	896.198
Итого:	4.129.142	548.135	4.677.277

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 2.

II. УСЛОВИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ КОРЕНИЗАЦИИ

Темпы и качества проводимой коренизации нац. областей на протяжении 2-х лет обуславливались суммой бюджетных ассигнований и дотаций центра; культурным уровнем развития населения нац. областей и наличием кадров националов. Потребная сумма средств для выполнения, плана коренизации (вместе с Крайкурсами) в 1928 и 1929 г. согласно плановых расчетов определялось Руб. 732 тыс. При дефицитности областных и острой

напряженности краевого бюджета, КИК мог ассигновать лишь Руб.- 439 тыс. или 60% к общей сумме предусмотренной по плану. В марте месяце 29 г. КИК вошел с ходатайством во ВЦИК об ассигновании средств за счет госбюджета. Ассигнования от ВЦИК-а были получены в сумме Руб. 300.000, но с большим запозданием, т.е. в конце 1929 г. Таким образом, в первый год (28-29 г.) коренизации нац. областей Северо-Кавказского Края образовался большой разрыв между финансово-плановым расчетом по коренизации и действительными бюджетными ассигнованиями. Этот разрыв был равен сумме – 293.469 или 40% к финансово-плановым расчетам.

В 1929/30 г. потребность в средствах на коренизации., согласно плановых расчетов равна 1.468.659 р., фактически ассигновано по бюджетам:

1.	по областным.....	руб. 527.106
2.	по краевому.....	203.300
3.	дотация центра за 28/29 г.....	200.000

Итого: руб. 930.406

Разрыв между финансово-плановыми расчетами и действительными бюджетными ассигнованиями и дотацией центра равняется 538,253 р. или 36,6%. За два года краевым планом предусмотрено вложение средств на коренизацию – 2.200.659 р. фактически вложено 1.369.406 р. или 62%. Разрыв между финансово-плановыми расчетами и действительными бюджетными ассигнованиями областей, Края и дотацией центра равен – 831.255 р., или 38%. Недополучение средств по коренизации в сумме 831.255 р. резко сказалось на развертывании курсовых мероприятий, форсировании темпов и качестве работы по коренизации.

Успешное выполнение плана коренизации еще зависит и от состояния грамотности населения нац. областей. Процент неграмотных в нац. областях очень высок. Советский аппарат страдает большим процентом неграмотных работников на родном языке.

Среди ответработников в Северной Осетии 20% не владеющих родным языком, в Адыгее – 20%, в Ингушетии – 60%, в Чечне – 80%, в Карачае – 70%, в Черкессии – 60%. Это положение чрезвычайно затрудняет

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л.2 об.

выполнение плана коренизации и ставит перед КИК-ом задачу развертывания широкой сети образовательных учреждений (курсов по подготовке и переподготовке и т.д.).

Коренной язык в нац. областях по своей терминологии слишком беден и до сего времени еще не вполне, сложился. Кроме того, в ряде нац. областей населяющая народность, и по национальности, и по языку разнородна и эта разнородность достигает большего процента (в Черкессии – кабардинцев – 40%; абазинцев – 30%, нагайцев – 17%), что является большим препятствием н работе по коренизации.

Имеется острый недостаток в кадрах националов, в кадрах преподавателей и технических работников, в силу чего не представляется возможным быстро и решительно форсировать работу коренизации. К этому обстоятельству добавляется еще недостаточное внимание со стороны Облисполкомов и ведомств вопросам коренизации. Облисполкомы для практического повседневного руководства мероприятиями по коренизации создали специальные междуведомственные комиссии, которые в большинстве нац. областей были неработоспособны. В силу неработоспособности комиссий руководство и контроль в работе коренизации проявлялось слабо, а в ряде областей совсем отсутствовало.

III. МЕРОПРИЯТИЯ И РУКОВОДСТВО «КИК» -а В ПРОВОДИМОЙ КОРЕНИЗАЦИИ НАЦОБЛАСТЕЙ

Со стороны Президиума КИК-а был принят ряд мер, направленных к практическому осуществлению плана коренизации нацобластей.

В октябре и ноябре 1929 г. Орготделом КИК-а проведено глубокое обследование нац. областей в части хода работы по коренизации. В декабре 1929 г. Президиум КИК-а по материалам обследования вынес решение, уточняющее сроки коренизации.

Периодически заслушивались доклады о ходе коренизации отдельных областей и краевых ведомств на краевой комиссии по коренизации. В 1930 г. проведено обследование состояния работы по коренизации, после чего было созвано краевое совещание по проработке выводов обследования. Помимо этого КИК-ом давались письменные указания и разъяснения. Ход коренизации периодически освещался в краевой и областной печати. Организованы краевые курсы.

В результате всех мероприятий и руководства со стороны Президиума КИК-а имеются следующие достижения:

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 3.

IV. СОСТОЯНИЕ РАБОТЫ ПО КОРЕНИЗАЦИИ НАЦОБЛАСТЕЙ

1. Подготовка работников.

За 1928/29 и 1929/30 гг. подготовлено и переподготовлено низовых работников по областям следующее количество:

	Области	1928/29 г. Кол-во обученных на курсах	1929/30 г. Кол-во обученных на курсах	Всего
1	Чечня	340	560	900
2	Кабарда	441	455	896
3	Черкессия	30	156	186
4	Адыгея	72	110	182
5	Ингушетия	58	315	373
6	С. Осетия	113	897	410
7	Карачай	43	120	163
8	Крайкурсы	80	80	160

	коренизации			
	Всего:	1177	2093	3270

Наряду с указанными курсами в некоторых областях были еще организованы курсы по переподготовке низового советского аппарата, на которых занимались председатели и зам. председатели аулсоветов (Кабарда, Ингушетия). В Карачае были организованы курсы для подготовки батрацко-бедняцкого актива, в Адыгее курсы для работников низовой кооперации, учительские курсы избачей и ликвидаторов неграмотности. В Ингушетии курсы по подготовке кооперативных работников на 65 чел. В Кабарде курсы трактористов на 541 чел. И ряд других краткосрочных курсовых и кружковых мероприятий по коренизации.

2. Качество работы курсов.

Низкий экономический и социально-культурный уровень развития нацобластей, недостаток в кадрах, в особенности националов-преподавателей, большой процент неграмотного населения, недостаток средств и слишком малые сроки обучения соответствующих категорий работников (3 м., 6 м. и 1 г.), с другой стороны недостаточно серьезное отношение ОбЛИК-ав к учету перечисленных особенностей, приводило к ряду отрицательных моментов в организации и комплектовании курсов, а также в учебно-академической и практической их работе. Курсы были недостаточно обеспечены преподавательским персоналом из националов, учебными пособиями, помещениями, средствами и соответствующими программами, что приводило в процессе учебы к реорганизации курсов на другие учебные уклоны и меняло сроки обучения. (Чеченская область в начале 30 г. организовала курсы на 300 чел., по подготовке агро-зоо, тех и вет. – уполномоченных

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 3 об.

после 2-х месячной работы, курсы были реорганизованы в курсы ликвидации неграмотности). При комплектовании курсов набор людей производился со слабой подготовкой и допускалось от 20 до 70% совершенно неграмотных. В учебно-академической работе не везде учебные программы соответствовали уклонам и целевым установкам. Все вместе взятое в работе курсовых мероприятий резко сказалось на количественной и качественной стороне выпускаемой продукции. Процент отсева слушателей курсов на протяжении учебы достигал от 20 до 50% не соответствовала прямому назначению.

Окончившие курсы использовались часто не по своему назначению. В Северной Осетии в 1929 г. окончило по советской линии курсы 70 чел., из них работает по прямому назначению всего 30%. В Черкессии окончили курсы секретарей советов 28 человек, ни один не работе по прямому назначению. Таким образом, если учесть по всем нацобластям процент отсева, а затем процент выпускаемой продукции курсами непригодный к прямому использованию по назначению, то процент подготовляемых кадров националов, путем курсовых мероприятий, будет равен 20-30%.

3. Прослойка националов в аппарате.

Несмотря, на недостаточно удовлетворительную постановку работы курсов по подготовке кадров-националов, все же % работников из коренного населения по нац. областям в сов. аппарате за последние два года значительно повысился.

В Черкессии 46%, в Кабарде – ответ. работников 80%, тех работников-31%, в С. Осетии ответ. работников – 82%, тех. работников – 60%; в Карачае ответ. работников – 51%, тех. работников 22,2%; в Чеченской обл. ответ. работников – 37%, технических – 10,8%.

Коренизация областных, окружных и аульских сов. аппаратов проходит более удовлетворительно по двум группам: по группе ответ. работников и по группе низшей квалификации (уборщицы, сторожа. конюха и т.д.).

Коренизация средней и высшей групп проходит очень слабо и эти группы работников остаются почти стабильными.

4. Выдвижение националов на руковод. работу.

Составной частью коренизации является выдвижение. Темпы выдвижения националов на сельскую, окружную и областную работу в некоторых нац. областях не соответствуют плану коренизации. В Адыгее за 1929 г. выдвинуто на обл. работу 19 чел., на окружную 48 чел.; в Кабарде – 23 чел. из

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 4.

них 3 женщины; в Карачае – 13 чел., и в Черкессии – 13 чел.

В Сев. Осетии в порядке замены вычищенных из советского и кооперативного аппаратов (в 1929 г.) было выдвинуто 238 человек, из коих 193 (81%) коренной национальности. Социальный состав выдвинутых следующий: рабочий – 26%, батраков – 7 %, крестьян, бедняков и середняков – 67%. Из них женщин – 11%.

По данным на I/XI – 29 г., в числе 29 чел., выдвинутых на ответственную, руководящую работу в советский аппарат осетин было 22 человека или 76%.

5. Перевод делопроизводства в с/советах на родной язык.

Президиум КИК-а от 3/XII-29 г. в своем решении в целях устранения недочетов и своевременного выполнения краевого плана коренизации предложил Облисполкомам:

Делопроизводство в а/советах перевести на родной язык с 1-го января 1930г. в следующих нац. областях: в С. Осетии. Ингушетии, Карачае и Адыгее, Черкессии с I февраля 1930 г., Кабардино-Балкарской. Черкесской и Чеченской с I марта 1930 г., на 70%, а во всех советах с I июня 1930 г.

Несмотря на вторичное постановление КИК-а, в части сроков, перевод делопроизводства а/советов на родной язык, проходит очень медленно и в ряде областей решения КИК-а не выполнены.

Так, С.-Осетинской и Ингушской областях, перевод делопроизводства а/советов на родной язык закончен полностью. В Кабардино-Балкарской и Адыгее-Черкесской областях перевод делопроизводства проведен частично (Адыгея – 24 а/совета, Чечня – 96 а/советов. Кабарда – 43 а/совета).

Карачаевской и Черкесской областях перевод делопроизводства ни в одном а/совете полностью пока не закончен.

По 7 нац. областям числится 493 а/совета, из них смешанных русских, армянских и др. национальностей 93 а/совета. Полностью делопроизводство проведено в 236 а/советах, или 59% к общему числу с/советов, частично в 30 а/советах или 7,5%.

Основным моментом, препятствующим к переводу делопроизводства является:

- 1) отсутствие достаточного количества подготовленных работников-националов,
- 2) недостаток средств на проведение мероприятий, связанных с коренизацией,
- 3) отсутствие пишущих машин с латинизированным шрифтом.

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 4 об.

6. Коренизация судебно-следственных органов и органов прокуратуры.

Судебно-следственные органы и органы прокуратуры в области коренизации аппаратов в 1930 г. достигли значительных успехов в работе, в части повышения % ответ. работников в судорганах, обеспечения в судах судоговорения на коренном языке и перевода делопроизводства на коренной язык.

По 7 нац. областям из, общего количества 74 ответственных работников (члену облсуда,- и Нарсудьи) имеется националов из коренного населения 53 чел., или 71,6%, судебных исполнителей 33 чел, из них националов 21 ч., или 63,63%. Технический аппарат укомплектован националами до 40%.

Судоговорение в нарсудах и юридическая помощь населению проводится на родном языке. Делопроизводство, за исключением С.-Осетии и частично Ингушетии, ведется на русском языке в областных, окружных и районных судах.

Подготовка кадров судебных работников по Краю проходит по линии прохождения националами вечерних юрид. курсов во Владикавказе, открытых в текущем году, Краевых юридических курсов в Ростове, действующих – в течение нескольких лет и Высших юридических курсах в Москве. На Владикавказских-курсах обучается: осетин – 12 чел., ингушей – 2 чел., грузин – 2, армян – 2, всего – 18 националов из общего количества 45 человек.

Краевые Юридические курсы окончили в первом полугодии 1930 г. националов: чеченцев – 3, кабардинцев – 1, осетин – 1, черкесов – 1, всего – 6 чел., Обучается в текущем полугодии чеченцев – 4, карачаевцев – 3, балкарцев – 1, черкесов – 1, итого – 9.

На Высших юридических курсах с августа 1928 г. обучается 2 национала. КИК считает, что в значительном большинстве Облсудов национальная прослойка является недостаточна, что имеющиеся нац. кадры по своей подготовке в основной массе не отвечают своему назначению и считают, что

подготовка кадров судработников для национальных областей является первоочередной задачей.

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л.5.

В части перевода законодательства на национальный язык предполагается перевод и издание следующих законодательных материалов:

1. Сборник Кодексов РСФСР
2. Конституция СССР и РСФСР
3. Положение о судоустройстве.
4. Сборник действующих разъяснений Верховного суда.
5. Систематизированный сборник действующих циркуляров НКО.
6. Массовой юридической литературы для общественной работы.

а) Степень коренизации аппарата прокуратуры.

		Чечня	Осет ин.	Инг.	Кабар	Адыг.	Черк.	Карач	Всего :	%%
	По штату:	13	6	6	8	6	4	4	47	Сред . % 56
1	Общее кол-во прокур. на лицо	10	5	5	8	4	4	4	40	
2	Из них национал.	5	4	4	5	2	1	2	23	
		50%	80%	80%	62%	50%	25%	50%		

Этот средний процент коренизации равен Крымской Республике 56% и несколько выше общероссийского процента по нацобластям – 48,2%

б) Коренизация следственного аппарата.

В части следственного аппарата имеем следующее:

Области	Должность		Партийность			Национальность	
	Стар. след.	Нар. след.	Член ВКП(б)	Канд.	Бес. пар.	Русск.	Нацобл.
Адыгея	1	5	2	1	1	4	-
Ингушетия	1	3	2	-	2	1	3
Кабарда	1	7	1	1	5	2	5
Карачай	1	3	1	-	3	3	1
Черкессия	1	1	-	-	2	1	1
Чечня	2	13	3	3	11	14	1
Осетия	1	5	2	1	2	-	5
Итого:	8	37	11	4	26	25	16
	45		27%	10%	63%	61%	39%

Средний процент коренного населения 39% тоже нельзя признать нормальным, особенно, учитывая, что, следовательно, не зная нац. языка и действуют в период расследования через переводчика, что сильно отражается,

как на темпе работы, так и на качестве следственных дел: В первую очередь необходимо обратить внимание на подбор национального кадра следователей, используя имеющиеся юркурсы в Ростове.

В части сношения с соседними административными единицами, а также с Краевыми и центральными – особых затруднений пока не встречается, поскольку в областных органах, в основном делопроизводство ведется на русском языке. Обслуживание же местного населения на родном языке в

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 5об.

областных и окружных учреждениях обеспечено полностью, т.е. во всех учреждениях и организациях, работники имеющие непосредственное сношение с коренным населением – националы не нуждаются в переводчиках

Письменное сношение коренизированных судебно-следственных органов и а/советов с окружными и областными учреждениями затруднено, т.к. делопроизводство не во всех окружных учреждениях переведено на родной язык, а в областных – в основном ведется на русском языке, с другой стороны большой процент ответственных и тех. работников и учреждений области и округа совершенно неграмотных на родном языке, в результате чего были случаи возвращения протоколов написанных на родном языке для переписки таковых на русский.

7. Коренизация кооперативного аппарата.

В значительно лучшем положении находится работа кооперативных аппаратов в области коренизации по сравнению с прошлым годом.

Мероприятия, предпринятые Крайсоюзом в области коренизации кооперативного аппарата сводились: к подготовке кадров работников для национальной кооперации, путем проведения курсов подготовки и переподготовки, переводов делопроизводства на родной язык по всей нац. сети и в связи с этим издание литературы по делопроизводству и счетоводству в Нацсоюзах и многолапках.

В 1929/30 г. курсами, кооперат. Техникумами и школами по разным категориям охвачено 1663 работников, из коих в текущем году окончат курсы 1180 чел. Предполагается по плану издать литературу на 7 нац. языках 14 названий с тиражом 72.000 экз. на сумму 165.420 р.

Крайживотноводсоюзом также были организованы курсы на 1472 чел. По линии Крайсоюз Солхозсоюзов в 1929 году были организованы 8-ми месячные курсы готовящие счетных работников для сельхозкооперации, эти курсы дали кооперации нацобластей 57 руководящих работников и инструкторов, 26 счетоводов. На 8-ми месячных курсах было подготовлено 45 руководителей колхозов Обл. Колхозсоюзы провели ряд 2-х месячных и одномесячных курсов подготовки и переподготовки руководителей колхозов, счетоводов. Выпуск этих курсов равнялся 283 чел.

Курсы, вошедшие в план К.С.К.С. должны охватить 3900 чел. и курсы по плану краевых союзов 2900 чел., в общей сложности это составляет 6800. В настоящий момент в нац. областях проводится ряд

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 6.

курсов руководителей колхозов при Горском институте,- эти курсы рассчитаны на 10 м-цев – 70 человек. Курсы руководителей колхозов инструкторов и счетных работников на 189 чел., в Северо-Осетии были проведены: 5 окружных – 2-х недельных курсов колхозников, 2-х месячные курсы руководителей и одномесячные курсы счетоводов.

8. Участие профсоюзов в коренизации.

Участие областных профессиональных организаций в работе по коренизации весьма слабое. Почти никакого участия профорганизации не приняли в разъяснении целей и задач коренизации, чем в значительной степени объясняется имеющееся отрицательное отношение к мероприятиям по коренизации со стороны некоторой части работников аппарата.

9. Классовая борьба вокруг проводимой коренизации.

С самого начала коренизация аппарата вызывала определенное противодействие со стороны кулацко-мульских элементов пытавшихся обосновать невозможность проведения коренизации некультурностью и отсталостью населения области, а отсюда выводы – невозможность приобщения националов к этому труду в аппаратах. Попытки эти, безусловно, не увенчались успехом. С коренизацией ряда с/советов, идея коренизации закрепления окончательно и никакая антисоветская агитация ее не ослабит.

10. Отношение аппарата и отдельных работников к коренизации.

С момента усиления мероприятий по коренизации, стало выявляться отрицательное отношение к этим мероприятиям со стороны отдельных групп работников областных и краевых аппаратов. Были случаи отказа изучения коренного языка работниками не коренной национальности. Доводы их сводились к тому, что "мы все равно не изучим коренной язык настолько, чтобы вести работу на нем". С другой стороны имеются работники – националы, отрицающие самую идею коренизации, как что-то ненужное "надуманное", способное только тормозить развитие такой маленькой национальности. Такое отношение, замечалось и со стороны некоторых ответственных руководящих работников, к которым Облисполкомом за невыполнение директив по коренизации применялись такие меры, как вынесение

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 6 об.

выговора, предупреждение о снятии с работу и т.п. Имеются положительные факты. К примеру – инициатива Месткома ОблФО /С. Осетия/, созывающего специальное собрание сотрудников аппарата ОблФО. При чем в этих решениях они даже несколько перегнули, вынося решение о том, чтобы поступающие с мест – из осетинских округов и с/советов/ бумаги написанные на русском языке, отправлялись обратно.

V. СОСТОЯНИЕ РАБОТЫ ПО КОРЕНИЗАЦИИ ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

1. Коренизация школ 1-ой ступени.

Коренизация школы в нац. областях представляется в следующем положении:

По Сев. Осетии в настоящее время коренизированы полностью первые 3 группы. По плану коренизации все четыре группы должны быть коренизированы к 31/32 году. В Балкарии полная коренизация (I-IV группы) проводится в 1931/32 г. В Ингушетии обучение на родном языке в I группе ведется с 27-28 г. В 29/30 г. переведено преподавание на родном языке в II группах. В 1932/33 г. и IV группы/. В Черкессии – же полностью будет коренизирована школа в 1933/34 г.

Следующая таблица дает характеристику преподавания на родном языке:

Название областей	Всего обучается на 1-ой ст.	Только на языке родном в %
Чеченцы	6.114	79,8
Кабардинцы	7.308	54,0
Черкесы	6.768	47,5
Ингушетия	2.856	39,2
Осетины	17.902	36,8
Балкарцы	1.507	27,0
Карачаевцы	3.667	1,1

Из таблицы видно, что в основном коренизированы только первые 2 года обучения. В школах повышенного типа СПШ и педтехникумах преподавание ведется на русском языке, но в обязательном порядке, как предмет изучается и родной язык.

Значительный недостаток учителей националов является одной из главных причин, тормозящих ускорение коренизации школ.

Имеющиеся учительские кадры засорены чуждым элементом и требуют немедленной смены. В Северной Осетии до чистки было из 123 учителей 82 бывших белых офицеров, 5 бывших попов, 17 жен белогвардейцев, кулаков и пр.- 19. В Адыгее – Черкесской области имеется ряд учителей бывших эфенди и т.д. Эти данные выдвигают задачу борьба за советского учителя, в нацобластях. Образовательный ценз учительства низок

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 7.

(в Чеченской области, например, из 120 чел. учителей среднее образование имеют лишь 5 человек, а остальные, с низшим образованием). Все эти факты требуют усиленного внимания к педкадрам в нацобластях.

Большим еще тормозом в деле коренизации школы является отсутствие методической литературы на горских языках и недостаток учебников. Облесполкомы с этой задачей не справились. Цетроиздат также не издает соответствующих методических пособий.

2. Ликвидация неграмотности и малограмотности.

Расширение мероприятий по ликвидации неграмотности имеют своей задачей подтянуть нацобласти до обще-краевого уровня по грамотности населения. Темп развития охвата школами ликвидации неграмотности и малограмотности, отражен в ниже помещаемой таблице.

Нацобласти	Обучение в 1928/29 г.	Намечено к обуч. в 1929-30 г.
Адыгея	2500	9000
Карачай	2300	6000
Черкессия	2000	2500
Каб.-Балкария	6000	14000
Сев. Осетия	5000	17000
Ингушетия	1750	9000
Чечня	8000	18000
Итого:	27.550	78.700

Таблица эта показывает, что мероприятия по ликвидации неграмотности на текущий год утроены в сравнении с предшествующим годом, при чем, расширение этих мероприятий проходило главным образом, за счет максимального привлечения общественности.

Большим тормозов в работе л/н. и малограмотности является недостаток учебников и отсутствие литературы на родном языке для оканчивающих ликпункты, что приводит ликвидировавших неграмотность к рецидиву.

В этом году на средства Края организованы 22 годовых ликпунктов для горянок. К началу 1929/30 г. остается неграмотных и малограмотных всего 260.032 ч., включая и вновь прибывающих переростков. Из них неграмотных 231.000 чел., а остальные малограмотные. Как выше указано, в течение текущего учебного года /1929/30г./ должно быть обучено неграмотных и малограмотных всего 78.700 ч. Остается-же на I/X-1930 г. – 192.732 чел., включая сюда и прибывающих переростков /11.000/. Из них неграмотных 169.860 /остальные малограмотные/. Это количество должно быть

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 7об.

обучение в ближайшие два года. Для этого нужно подготовить новых ликвидаторов неграмотности и малограмотности (штатных общественников) в 1929/30 г. – 2.500, а в 1930/31 – 4.000. В 1929/30 г. было пропущено через курсы всего 276 чел.

Пропущены через краевые курсы в Нальчике 30 горянок ликвидаторов неграмотности. Переподготовлено 60 женщин ликвидаторов неграмотности.

Следующая таблица должна служить показателем огромных культурных сдвигов, которые имели место в массах горского крестьянства Края:

Нац области	% грам. в 1920 г.	% грам. в 1926 г.	% грам. мужч.	% грам. женщ.
Адыгея	11,5	28,4	38,5	18,6
Ингушетия	3,0	8,8	15,6	2,1
Каб.-Балкария	7,0	14,2	18,8	9,5

Карачай	6,7	12,1	18,2	6,0
Осетия	14,7	27,4	38,6	16,3
Чечня	0,9	4,5	7,1	1,7
Черкессия	4,3	13,6	20,9	6,0

Эта таблица говорит о. громадном росте грамотности в нацобластях Края вообще, и в частности женщин горняков. В отношении ликвидации неграмотности на родном языке среди окружных, областных и сельских работников в ряде областей была поставлена слабо (С.Осетия, Ингушетия, Чечня, Карачай, Черкессия).

3. Культпросветучреждения.

Избы-читальни, красные уголки и клубы /расположенные в аулах/ обеспечены полностью работниками националами. Перевод указанных учреждений на язык коренной народности проведен частично, за исключением С. Осетии, которая перевела полностью все культпросветучреждения на коренной язык.

Качественная сторона работы культпросветучреждений поставлена слабо, избы читальни не везде обеспечивают обслуживание населения на коренном языке. Препятствие к работе и/читален в части обслуживания на коренном языке местного населения является; слабая подготовка политпросветработников и недостаток литературы и разного рода справочн. и других пособий на родном языке.

4. Педкадры.

Общее количество преподавателей по 7 нац. областям 2382 чел.,

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 8.

из них преподавателей националов 1227 чел., или 51,4%. В связи с расширением школьной сети и с введением всеобщего обучения, вместе с этим и коренизации школ 1-й. ступени потребуется дополнительно преподавателей националов 1785 чел., по годам распределяющихся следующим образом:

	29/30 г.	30/31 г.	31/32 г.	32/33 г.
Продукция Педтехн. и Педфака	85	126	189	468
Потребность	680	470	635	-
Всего за три года продукции 400 чел. Потребность – 1785				

Для покрытия потребного количества учителей националов для 1-й ступени со стороны отделов народного образования – проводится подготовка учителей через организацию краткосрочных и долгосрочных курсов в соответствии с 3-х летним планом коренизации.

В прошлом году 28-29 работа по подготовке педкадров выражалась в организации курсов, в Северной Осетии для учителей 1-й ступени – 60 человек и школ повышенного типа – 90 человек.

В Адыгее Черкесской Авт. области для 1-й ступени 120 чел., в Кабардино-Балкарии – 550 чел., для педагогов 1-й ступени и человек для школ повышенного типа. В Караче 15-чел., для 1-й ступени. В Черкессии

преподавателей на родном языке 30 человек для досрочного выпуска из Педтехникума 25 -человек и 1-й ступени-38- чел. В Чечне было подготовлено 60 чел., педагогов в общей сложности курсами было охвачено 983 человека. В текущем году подготавливаются на курсах: Адыгея- 110 ч., Кабарда – 231 ч., Черкессия – 100 ч., С.Осетия – 180 ч., Ингушетия 80 ч., Чечня – 270 ч., Карачай – 60 ч., - всего – 1031 ч.

Таким образом, перевод преподавания на родном, языке в школах в сроки установленные КИК-ом зависит от степени подготовки кадров преподавателей.

VI. КАДРЫ СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ И ИХ ПОДГОТОВКА

1. Школа повышенного типа и ШКМ

В области повышенного образования в нацобластях в 1928/29 г. мы имели школ повышенного типа, взятых вместе с ШКМ – 42, с общим количеством учащихся 7208 чел, а в 1929/30 г. – 51,, с общим количеством учащихся 19.900 чел. Необходимо отметить, что такое количество школ-повышенного типа в нацобластях весьма незначительно. Поэтому нужно большинство школ семилеток

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 80б.

в дальнейшем преобразовать во.2-ю ступень с агро-кооперативным уклоном и расширить сеть ШКМ во всех нацобластях.

2. Профтехнические и специальные средние школы.

Число учащихся во всех учреждениях профобр в нацобластях Края в 1925/26 г. числилось – 1.790 чел., из них: в Техникумах 932 чел, в 26-2714 – 2264 чел., в том числе 1115 ч. учащихся в Техникумах и в 1927-28 г. – 2779 чел. учащихся, из них 1212 уч-ся в Техникумах.

По материалам КрайОНО в 28-29 г. имелось 15 профшкол различных специальностей, с общим количеством уч-ся 1355. Имеются 7 Педтехникумов, с общим количеством учащихся 1660 чел., т.е. каждая из авт. областей обеспечена педтехникумам.

Все педтехникумы, за исключением Осетинского, находятся в стадии разворачивания, и лишь в текущем учебном году был первый выпуск, который дал 100-110 чел. Кроме того имеются: Общегорский кооперативный Техникум и Общегорский индустриальный техникум. За последние годы в области профессионального образования наблюдается некоторый сдвиг массового профтехнического образования. Но вместе с тем необходимо признать, что темп развития профобразования в нацобластях, как и сама сеть профтехнических школ и размеры бюджетных ассигнований являются недостаточными. Объективным показателем для этого может служить следующее: в среднем по Краю на одну профшколу приходится 86,8 уч-ся в русских округах 120,4 ч. уч-ся, а в нац. областях эта цифра снижается до 28,5 чел.

3. СПШ, рабфаки и вузы.

Всего в нацобластях имеется 7 совпартшкол, с общим количеством 785 чел.

Количество учащихся националов в рабфаках и ВУЗах С.К. Края с каждым годом увеличивается так: по 6-ти Рабфакам и факультетам СКГУ в 1928 г. числилось 572 чел. горцев, из них в ВТУЗ-е – 72 чел., в 1929 г. 721 ч. горцев, из них в ВТУЗ-е – 109 чел.

Одновременно значительно укрепился кадр уч-ся за счет увеличения пролетарских слоев нацобластей. В 1928/29 г. принято рабочих 29,4%, батраков – 11,7%, бедняков 45%, середняков – 7,2%, прочих – 5,7%. Из них члены и кандидаты ВКП (б) – 22,0 и чл. ВЛКСМ – 66,9. Необходимо констатировать расширение существующих учебных заведений среднего и повышенного типа, перестройку работы в последних,

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 9.

в соответствии с требованиями экономического и культурного строительства в нац. областях и наконец, развитие подготовки кадров высшей квалификации вне нац. областей – ВТУЗ-ах и ВУЗ-ах Края и Советского Союза.

Все же эти курсовые мероприятия и учебные заведения среднего и повышенного типа, ВУЗ-ы подготовкой кадров из националов, далеко еще не обеспечивают потребность в кадрах нац. области. Подготовка кадров, а вместе с этим коренизация, значительно отстает от темпов социалистического строительства в нацобластях.

Вопрос о кадрах националов со всей решительностью ставит перед КИК-ом задачу: наиболее быстро форсировать темпы подготовки кадров, путем расширения сети школ, техникумов и т.д. и своевременного обеспечения их средствами в потребном количестве.

VII. ВТЯГИВАНИЕ НАЦИОНАЛОВ ГОРЦЕВ В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПО ОБЛАСТЯМ И КРАЮ

Из первой тысячи в 1928/29 г. прибыло по нарядам на работу горцев 808 чел., кои по отдельным национальностям предоставлены так: чеченцы – 239 чел., осетины – 133, ингуши – 88, кабардино-балкарцы – 145, черкесы – 62, карачаевцы – 44, адыгейцы – 19, туркмены – 18, горские евреи – 52, ногайцы – 8ч. Шапсугам, коим передано было 9 нарядов, на работу не явился ни один. Норму превысили: осетин /на 60 мест по разверстке дали – 133/, ингуши на 2 чел., туркмены на 4 челов., черкессы – на 1 чел., горские евреи на 20 чел., балкарцы – на 14 чел., адыгейцы – на 38 чел. Недобор к первой тысячам падает на транспорт.

ПРИМЕЧАНИЕ: Превышение норм со стороны осетин объясняется особыми условиями Сев. Осетию выдвигающей ежегодно большое число нуждающихся в работе и скопляющихся, главным образом, в Ростове.

В направленных на работу по 1-й тысячи убыло – 178 чел., т.е. 21,%. Наибольшую текучесть проявили: кабардино-балкарцы – 45 чел., осетины – 38

чел., чеченцы – 29, карачаевцы – 21, ингуши – 11, горские евреи – 17, ногайцы – 6, адыгейцы – 6, черкессы – 5. Наибольшую неустойчивость проявили чеченцы, которых из 8 чел. осталось на работе всего 2 человека, затем кабардино-балкарцы и осетины.

1929/30 г. определено к посылке по нарядам 1007 чел., отправлено 905 чел., или 89,8%. По отдельным национальностям прошли по нарядам: чеченцы – 315 /на 25 чел. ниже нормы;/ ингуши – 90 /на 10 меньше/

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 9об.

кабардино-балкарцы – 150 /на 50 меньше;/ осетины – 87 /на 2 места больше;/ адыгейцы – 127 /на 26 чел. больше;/ черкессы – 75 /на 17 меньше;/ шапсуги – 4 /нормально;/ туркмены – 3; /нормально/.

О числе выбывших со 2-й тысячи сведений пока нет.

Из недостатков в работе горцев на производстве необходимо отметить: – а)- жилищный кризис; б)-весьма низкая оплата труда; в)-использование на тяжелых черных работах. – Это вызывает текучесть.

Иногда причиной убыли рабочих горцев являемся: а) непривычная для них обстановка; б) невнимательное отношение Заводоуправлений; в) небрежность технического персонала в процессе обучения; г) недружелюбное отношение к рабочим националам отсталой части рабочих; д) незнание русского языка, делающее горца чужим на фабрике.

Меры борьбы с этим явлением КИК-ом принимались и принимаются. На местах нет твердого и последовательного плана набора рабочих кадров: разъяснительных предварительных кампаний, строгого внимания к социальному подбору, а также к физическому здоровью командированных на работу лиц.

Недочетом в наборе рабочих националов является чрезвычайно малый процент командированных женщин /не более 2%/, тогда как на места даны определенные контрольные цифры – 20%. Имел место, и такой случай, когда Ингушская Областная Камера Труда вернула Крайтруду 4 наряда, на женщин, официально сообщив, что в Ингушетии женщинам не принято выезжать за пределы своей местности без сопровождения мужчин. Потребовалось соответствующее внушение КИК-а о строгом выполнении нарядов.

VIII. ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И РАБОТА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ КОМИССИЙ

Несмотря на ряд решений и директивных указаний КИК-а в части оживления и налаживания работы областных терминологических комиссий, Облисполкомы не предприняли соответствующих практических мер, в результате чего практическая помощь в области перевода делопроизводства а/советов, нарсууда и др. аппаратов со стороны терминологических комиссий проявлялась очень слабо, а в ряде областей совершенно отсутствовала. Всю работу в части перевода учебников, форм делопроизводства, организации словарей и т.д. проводила краевая терминологическая комиссия.

Краевая терминологическая комиссия проделала следующую работу:
Подготовила и сдала в печать словари общеполитических терминов
ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 10.

на всех горских языках, подготовлены и сданы в печать материалы деловых административных и канцелярских терминов, образцы и формы делопроизводства, унифицирован латинский алфавит для каждой в отдельности нацобласти и в Мае м-це 1930 г. выслан на места.

Крайнациздат по темпам своей работы недостаточно способствует ускорению перевода делопроизводства а/советов на родной язык и национализации школ. Сданные в печать словари, изданы только по 5-ти областям, образцы и формы делопроизводства и другие необходимые материалы еще не изданы.

Горская школа еще не обеспечена полностью учебниками на нац. языках.

Программы, методические письма, педагогические сборники на нац. языках не изданы. Издательская деятельность во многих областях значительно отстает от потребности в нацлитературе.

В области периодической печати, во всех нац. областях издаются на коренном и частично на русском языке /от I до.2 стр./. свои национальные газеты, но их тираж слишком мал. Более важнейшие решения партии и правительства перепечатываются в нац. газетах на коренном языке. Вопросам коренизации газеты уделяют внимания недостаточно.

ВЫВОДЫ

Практическое выполнение плана коренизации нац. областей на протяжении двухлетней работы осуществлялось при особо трудных условиях и на своем пути встречало целый ряд препятствий обусловленных:

- а) низким уровнем культурного развития нац. областей;
- б) недостатком в кадрах работников – националов;
- в) бедностью языка и большой разнородностью по языку населяющей народности в отдельных нац. областях;
- г) наличием классового сопротивления кулацко-мульских и антисоветских элементов против проводимых мероприятий коренизации;
- д) недопониманием /а в ряде случаев сопротивление/ отдельных работников а/советов, ОкрИК-ов и областных ведомств националов и русских, значения коренизации для нац. областей;
- е) острый недостаток средств и т.д.

Все же, несмотря на перечисленные препятствия, план коренизации нац. областей в значительной части выполнен.

1. Более ускоренными темпами проходит работа по переводу (еще не переведенных), в а/советах, судебно-следственных и административных ор-

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 10 об.

ганах, культпросветучреждениях и кооперативно-общественных организациях делопроизводства на коренной язык.

2. Достигнуты большие успехи в части приближения сов. аппарата к массам и обеспечения его в общении с местным населением на родном языке

3. Значительно вырос ответственных работников националов в учреждениях нац. областей, также повысилась прослойка технических работников националов в аппаратах.

4. Достигнуты значительные успехи в области ликвидации неграмотности среди горского населения и притом в большинстве проводившегося на родном языке.

5. Расширилась сеть учебных учреждений среднего и повышенного типа с проф. техническим уклоном, специально подготавливающие из батрацко-бедняцкой и активной середняцкой части, кадры средней квалификации для участков хозяйственно-культурного строительства.

6. Широко развернулась сеть курсовых мероприятий по линии советского строительства, культпросветучреждений, судебно-следственных и административных органов кооперации и др. ведомств по подготовке и переподготовке кадров из националов,

7. С каждым годом расширяется сеть курсовых мероприятий, по подготовке националов в Рабфаки, ВТУЗы и ВУЗЫ, а также увеличивается число учащихся в высших учебных заведениях.

8. Растет квалифицированная рабочая сила, в местной промышленности нац. областей, численно увеличивается пролетариат.

Наряду с достижениями имеются и недочеты в работе по коренизации нац. областей.

1. Недостаточно широко развернута разъяснительная работа среди основной массы горского крестьянства о классовой сущности национальной политики партии и советской власти и в частности о значении, проводимой коренизации аппарата для нац. областей.

2. Слабо еще развернута деятельность общественности вокруг мероприятий коренизации. Кооперативные, профессиональные и общественные организации недостаточно вовлечены в практическую работу. Не создан актив из бедняцко-батрацких, и середняцких масс вокруг коренизации и, наконец, слабо вовлечена основная масса горского крестьянства в работу.

3. Облисполкомы не обеспечивали достаточным руководством и контролем проводимые мероприятия коренизации аппарата, не форсировали темпы коренизации в соответствии с социалистическим строительством в

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 11.

нац. областях, в силу чего темпы коренизации значительно отстают от темпов социалистического строительства.

4. Еще не всеми работниками ведомств и учреждений в нац. областях достаточно уяснена политическая важность коренизации. В результате недопонимания политического значения коренизации в ряде случаев проводимые мероприятия коренизации встречают со стороны отдельных работников

игнорирование, бюрократическое отношение и даже в отдельных случаях – сопротивление с явно выраженным великодержавным /со стороны русских работников/ и национальным /со стороны работников-националов/ шовинизмом.

5. Развернутая сеть курсовых мероприятий по подготовке и переподготовке кадров из националов все еще недостаточно обеспечивается со стороны краевых и обл. Отделов Народного Образования методическим руководством, учебными пособиями и преподавателями из националов, в силу чего выпускаемая продукция курсами по-своему качеству слишком низкая и до 50% непригодная к использованию по прямому назначению. Кроме того, курсы в процессе учебы дают большой процент отсева.

6. Острый недостаток, в средствах по бюджетным ассигнованиям на коренизацию, слишком скудная помощь центра в средствах – служит большим препятствием в развертывании более ускоренных темпов коренизации, обеспечивавшим потребность социалистического строительства в нацобластях.

7. В переводе делопроизводства а/советов, ОкрКИКов и др. учреждений на коренной язык, препятствием служат: острый недостаток, а в ряде областей полное отсутствие пишущих машинок и множительных аппаратов с латинизированным шрифтом.

8. Слабо проводится издательская деятельность: Крайнациздат, а также Центроиздат далеко не обеспечивают потребность в литературе на горских языках.

9. Недостаточно решительно и смело проводится выдвижение националов из батрацко-бедняцких и середняцких масс горского крестьянства на руководящую советскую, кооперативную и хозяйственную работу, Облисполкомы в организации мероприятий по коренизации не всегда учитывают условия и особенности отдельных округов области и не дифференцируют практических мероприятий работы по коренизации.

В целях устранения всех вышеуказанных недочетов и ошибок допущенных в работе коренизации, – Президиум КИК-а от 9/VII-30 г. принял нижеследующее решение:

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 11 об.

а) – в ближайшие месяцы развернуть широкую политическую кампанию по разъяснению классовой сущности национальной политики советской власти, в частности значения проводимой коренизации аппарата, увязывая эти вопросы с текущими политическими и хозяйственными, задачами, стоящими перед национальными областями. Наряду с этим усилить борьбу с проявлениями великодержавного шовинизма, решительно давая отпор классовой враждебным элементам, пытающимся противодействовать коренизации;

б) – не позже 15-го августа закончить окончательное, уточнение сроков коренизации, каждой в отдельности области на основе трехлетнего плана коренизации, утвержденного Президиумом Крайисполкома. Планы должны быть строго увязаны с бюджетными ассигнованиями при уточнении планов облисполкомам учесть необходимость привлечения средств местных, кооперативных и др. общественных организаций;

в) – учитывая неработоспособность областных комиссий коренизации, а также то, что Облисполкомы передоверив все свои права в части коренизации областным комиссиям, сами проведением коренизации не руководили. Обязать Облисполкомы, комиссии по украинизации распустить и перейти к непосредственному руководству со стороны Президиумов проведением коренизации, в частности обеспечить систематическое заслушивание конкретных отчетов, как нижестоящих исполкомов, советов, так и кооперативных, общественных организаций отделов Исполкома;

г) – отмечая ряд случаев бюрократического отношения к коренизированным советам со стороны Окрисполкомов /присылаемые протоколы на коренном языке возвращаются обратно в аул-советы для перевода на русский язык (Чеченская и Каб.-балкарская авт. обл.) – обязать Облисполкомы, там где осуществлена коренизация аул-советов в течение 3-х месяцев коренизовать аппараты Окрисполкомов кооперативных и общественных организаций округа.

д) – не позже 15-го августа составить план работы по выдвижению на областную и окружную руководящую работу- националов и батраков, бедняков и середняков, проявивших себя на общественно-политической работе. Наряду с этим, организовать систематическую плановую воспитательную работу – и работу по повышению квалификации выдвиженцев.

Поставить на вид Президиуму Каб.-Балкарского облисполкома, за нерациональное расходование средств отпущенных на коренизацию, предложив немедленно упразднить должности переводчиков в коренизированных округах;

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л.12.

ж) – категорически запретить Облисполкомам расходовать – куда бы то ни было средства отпущенные на коренизацию, использовав их исключительно на подготовку и переподготовку кадров и др. мероприятия, связанные с повышением квалификации работников;

з) – поручить КрайРКИ в месячный срок провести обследование и расходование фондов коренизации нацобластями и о результатах доложить През. КИК-а.

7. Обязать КрайОНО:

а) – в месячный срок провести глубокое обследование работы курсов по подготовке и переподготовке работников националов и подготовку нацобластей к новому учебному году;

б) – провести специальное совещание с работниками нацобластей руководящих подготовкой и переподготовкой кадров;

в) – предложить КрайОНО пересмотреть в аппарате состав работников, руководящих работой по коренизации в нацобластях;

г) – организовать систематическое методическое руководство работой кружкой и курсов подготовки кадров и в месячный срок разработать программы с целевыми установками;

д) – добиться практического уклона в работе курсов коренизации и в частности наметить конкретные мероприятия обеспечивающие воспитание готовящихся кадров;

е) – отмечая недопустимо слабую работу по подготовке националов учителей и невнимательное отношение к этому – КрайОНО обязать последнее к 1-му августа представить развернутый план подготовки националов – учителей.

8. Отметить, что работа Крайнациздата в части издания литературы, ни в какой степени не соответствует темпам коренизации нацобластей и значительно от них отстает.

В связи с этим обязать Крайнациздат в месячный срок обеспечить потребным количеством литературы для работы курсов на нац. языках и не позже 1-го августа произвести выпуск терминологических словарей.

В 2-х недельный срок представить на, рассмотрение Президиума КИК-а развернутый план издания национальной литературы.

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 12 об.

9. Предложить Краевой Терминологической комиссии к 1-му августа закончить разработку материалов единого делопроизводства для аул/советов, Крайнациздату не позже 1-го августа издать, бланки и инструкции единого делопроизводства для всех национальностей, к этому же сроку обеспечить выпуск инструкции по постановлению ВЦИК-а о льготах колхозникам и проч.

10. Поручить Орготделу Крайисполкома, по истечении 3-х месяцев, проверить и доложить Президиуму результаты выполнения настоящего решения.

Зам. Предкрайисполкома
Зам. зав. орготделом КИК а

/Иванов/
/Акименко/

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. Л. 13.

УДК 904.93 (394)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-131-144

ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КУЛЬТУРЕ И ИСТОРИИ БАЛКАРСКОГО НАРОДА*

С.И. АККИЕВА

*Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научно центра
Российской академии наук
360051, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: asisma@yandex.ru*

А.Б. ГЕККИЕВ

*Адвокатская Палата Кабардино-Балкарской республики
360051, г. Нальчик, пр. Шогенцукова, 34б
E-mail: algba@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается содержание понятия «справедливость» в традиционной культуре балкарского народа и нашедшее выражение в пословицах, поговорках и фразеологизмах. Понятие справедливость входит в ряд нравственных понятий как совесть, честь, достоинство, человечность, правда. Важное место понятие справедливости занимало и в таком древнем институте балкарского народа как тёре, который законодательно регулировал социальную жизнь балкарского общества вплоть до XIX века. О важности и значимости этого института свидетельствует то, что в балкарской поговорке говорится, если в мире нет справедливости, то неужели и балкарского тёре нет.

Ключевые слова: справедливость; балкарский народ; мировоззрение; институт тёре; адат; Северный Кавказ.

CONCEPT OF JUSTICE IN CULTURE AND HISTORY OF THE BALKAR PEOPLE

S.I. AKKIEVA

*Institute for Humanities Studies – a branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the
Russian Academy of Sciences
360051, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: asisma@yandex.ru*

A.B. GEKKIEV

*Law Chamber of Kabardino-Balkar Republic
360051, KBR, Nalchik, Shogenzukova, 34b*

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Проблемы доверия и справедливости в традиционной культуре балкарцев» (№ 17-01-00432-ОГН)

E-mail: algba@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the concept of justice in the culture and history of the Balkar people. The concept of justice is analyzed in the linguistic culture of the Balkar people and is included in a number of moral concepts such as conscience, honor, dignity, humanity, truth. The notion of justice occupied an important place in such an ancient institution of the Balkar people as Tore, which was designed to regulate the social and social life of the Balkar society. The Tore Institute solved the issues of the internal life of Balkar society, as well as its relations with neighboring nations. The Balkar proverb testifies to the importance and significance of the Tore Institute: “Duniyada tuzyuk kurugjan ese, Ullu Malkyarda Toredama kyrugyand?” – “If justice disappeared in the world, did Tore really disappear in the Greater Balkaria?”

Keywords: justice; Balkarian people; world outlook; Töre Institute; adat; the North Caucasus.

Справедливость относится к фундаментальным культурным ценностям наравне с любовью, свободой и красотой. По мнению И.А. Стернина и З.Д. Поповой, поиски высшей истины, несмотря на абстрактность этого понятия, способны дать человеку смысл жизни. Однако на осознание справедливости и, соответственно, применение её принципов, весьма влияет тип культуры [Попова, Стернин 2001: 44].

Справедливость тесно связана с национальным пониманием духовности, наиболее чётко выраженным в пословицах и поговорках. Любой этнический язык имеет самобытную лексическую структуру, неповторимые особенности которой проявляются в тематических группах, цепочках синонимов, антонимов и ассоциаций, а также совокупности всего перечисленного [Воркачев 2010: 27-35]. В балкарском языке справедливость и синонимы этого слова образуются при помощи двух корней, первый из которых тюз (прав). Тюзлюк – справедливость, правота [Русско-карачаево-балкарский... 1965: 466]. Второй – керти (правда). Кертилик, кертичилик – правдивость [Русско-карачаево-балкарский... 1965: 367].

Неписанные правила и законы справедливости внятно отражены в пословицах и поговорках, призванных давать мудрые наставления и моральную оценку спорных ситуаций. Этот вид устного творчества вбирает в себя опыт многих поколений, выражает самую его суть кратко, при помощи простых метафор и общепонятных образов. Пословицы и поговорки часто привлекают внимание исследователей фольклора, истории, языка, этноса и культуры, ведь по крылатым изречениям можно многое понять о самом народе, его бытовом и социальном укладе. И. С. Снегирев начал углублённо изучать так называемые золотые слова одним из первых в России. Учёный писал, что «в пословицах облекается его [народа] дух, ум и характер» и отмечал, насколько явно проступают характерные мировоззренческие свойства: мнение человека о самом себе, вектор взаимодействия с окружающими, манера разделения поступков на добрые и злые [Снегирев 2003: 140].

В карачаево-балкарском языке языке малые жанры фольклора (пословицы и поговорки) зовутся нарт сёзле, то есть высказывания нартов, эпических персонажей, чтимых среди большого числа кавказских народов:

абазин, абхазов, балкарцев, ингушей, кабардинцев, карачаевцев, осетин, чеченцев и многих других.

Балкарские пословицы характеризуют справедливого человека как честного, правдивого, делающего правое дело.

Туз, гырджын аша, тюзлюк бла жаша. Ешь соль и хлеб, и живи по справедливости.

Тюз киши жюс кишини джыгар. Правый человек сто человек поборет.

Тюз тюзелир, терс юзюлюр. Правый восторжествует, не правый падёт.

Тюзлюк жакъсыз къалмаз. Правое дело без сторонников не останется.

Тюзлюк ишни таукел сакъла. Правое дело защищай решительно.

Тюзлюк тенгизге батмаз. Правда в море не потонет.

Тюзлюк туманда ажашмас. Правда в тумане не растворится.

Тюзлюк шуехлукъну бегитир. Справедливость укрепит дружбу.

Тюзлюк ючюн ёлген-ёлмейди. Не умирает тот, кто умирает за справедливость.

Тюзню малы тюзде къалса да, бёрю ашамаз. У правого и забытую под открытым небом скотину волк не съест.

Тюзню тюзлюгю жерде къалмаз. Правда всегда восторжествует.

А также в балкарских пословицах справедливость переплетается с честностью и совестью:

Сокбур бла аш ашасанг да, тюзлюк эт. Будь честен, даже когда обедаешь со слепым.

Адамны бети – бетинде, элни бети – адетинде. Совесть человека – на его лице, совесть народа – в его обычаях.

Бети къызарычу адамны джюреги харам болмаз. Если человек способен краснеть лицом, его сердце не может быть чёрным.

Бети бедергенден намыс сакълама. От бессовестного человека уважения не жди.

Бетсиз адамдан бет къуанмаз. Бессовестный человек никому добра не делает.

Бетсизге бет этме, этсенг бурулуп кетме. Не оказывай уважения бессовестному.

Человека от животного отличает наличие совести, то есть внутреннего понимания, что такое хорошо, а что – плохо. Способность краснеть говорит о нравственности, это «самое характерное и самое человеческое качество из всех человеческих свойств», как выразился Ч. Дарвин.

Балкарцы ассоциируют совесть с честью (намыс) и достоинством (адамлыкъ). Эти качества ценятся выше жизни. Человека уважают, называют честным и благородным, если он соблюдает общепринятые нормы морали и этикета.

«Содержание намыс, согласно словарным дефинициям, образуют компоненты, связанные с высшими ориентирами норм поведения, свидетельствующими о его многомерности:

Намыс – 1) нравственность; нормы поведения; хорошее воспитание; порядочность, воспитанность; алапат намысы болгъан адам / человек высокой нравственности; хорошо воспитанный человек 2) честь; достоинство; совесть; намысынгы жойма / не роняй свою честь; намысынгы сакъла / береги свое достоинство; намысынга жарамагъанны этиу / сделка с совестью, поступок против собственных убеждений 3) уважение, почтение; приличие, учтивость; сени намысынгы этип / из уважения к тебе, намысын керюу / учтивость» [Ёзден адет... 2005: 480].

Намыс болмагъан жерде насып да болмаз. Там где нет уважения, не будет и счастья.

Расстаться с честью и достоинством хуже, чем умереть. Такой позор в сознании балкарцев несовместим с жизнью, потому что его невозможно смыть. Стало быть, честность суть величайшая добродетель, которую следует блюсти с юных лет, пусть даже в ущерб личным интересам. Ради чести можно и должно пренебречь богатством, и любой выгодой, поскольку блеск золота не прибавляет ценности человеку.

Ат къамчиден къоркъар, эр намысдан къоркъар. Страх бесчестья для мужчины – всё равно что занесённый кнут для коня.

Ач да бол, токъ да бол, намысынга бек бол. Будь голодным и будь сытым, а честь свою береги.

Ачхадан намыс багъады. Дороже денег – честь.

Джанынгы [джаугъа] берсенг да, сырынгы берме. Расставаясь с душой, сохрани честь.

Ёлген бешиш туююлдоу, айыблы иш этгенди бешишди. Страшно не умереть, а совершить постыдный поступок.

Ёлюмден намыс кючлю. Честь сильнее смерти.

Иги деб айтдыргъан атха миниген кибик, аман деб айтдыргъан жерге кирген кибик. Иметь доброе имя – что на коня сеть, иметь дурную славу – что в землю лечь.

Мюлк тас болса, табылыр, намыс тас болса, табылмаз. Потерянное богатство восполнится, утраченная честь никогда не вернётся.

Мюлкюнгю сакълама да, намысынгы сакъла. Стереги не пожитки, стереги честь.

Намысынгы гитчеликден сакъла. Честь свою храни смолоду.

По мнению И. Табаксоевой понятие «намыс» сводится «к нравственному поведению, в котором прослеживаются две линии: 1) уважительное отношение к Другому (старшему, женщине, мужчине, ребенку, гостю и др.), 2) уважение к самому себе, внутренняя мораль, Нечто, согласно которому личность формирует свое мировоззрение, соизмеряет свое поведение, мышление и образ жизни» [Табаксоева 2017: 341].

По представлениям балкарца благородный человек соблюдает два закона чести. Первый закон: ближнего запрещено унижать (сындырыргъа), осмеивать (адамны учуз этерге), лишать чести (сыйсыз этерге), особенно если он слабее или ниже по социальному статусу. Второй закон гласит: нельзя унижать свое

достоинство [Мокаева 2005: 18] и заискивать перед сильным или могущественным.

Онглу бла кюрешсенг, джазыкь этер, онгуз бла кюрешсенг – сыйынг кетер. Будешь бороться с сильным – ослабеешь, будешь бороться со слабым – честь и достоинство потеряешь.

Къарыусуз бла кюрешме, залимни хорларгъа кюреш. Не борись со слабым, стремись одолеть сильного.

Балкарец знает, что даже пальцы на одной руке, и те разной длины (бармакыла да бир кибик туююлдюле), поэтому и ратует за справедливость. Равенства не существует и не может существовать, поскольку у всех людей разные возможности и жизненные обстоятельства. Кто-то талантлив, энергичен и здоров, а иной ограничен в ресурсах, морально подавлен и слаб. Стало быть, все должны уважать общепринятую правду, поступать по совести и общим этическим законам. Справедливое общество – то, что позволяет честно зарабатывать хлеб(кеси кыны бла халал гыржын ашап жашагъан) и где каждый работник получает заслуженную оплату труда [Джуртубаев 1998: 6].

Балкарцы измеряют справедливость поступков и правильность решений человечностью (адамлыкь). Если человек правдивый, честный, нравственный, то он уже справедлив либо вскоре станет таковым.

Адам болгхан кыйн туююлд., адамлыгхын саьклагхан кыйынды. Каждый рождается человеком, но не каждый сохраняет человечность.

Адамны адамлыгъы негеринден танылыр. Если хочешь узнать, достойный ли человек, посмотри, человечен ли его друг.

Адамлыкъны багъа кер, адамлыгхынгы сыйртмай ёл. Цени свою человечность: умри, но не позволь её отобрать.

Адам ны адамлыгъын кыйнлыкх жетхен кюн билirse. Человечность познаётся в беде.

Алим болгъандан эссе, адам болгъан кыйнды. Труднее стать человечным, чем учёным.

Аталгъан атында туюю иш, адамлыгъындады. Не говори, какое имя ему дано, скажи, насколько он человечен.

Байлыкь кетген да этер, келген да этер, адамгъа адамлыкь керекди. Богатство приходит и уходит, а человечность нужна всегда.

М.Н Губогло, исследовавший культуру гагаузов, пишет, что человечность (адамлыкь) и уважительность (хатырлык) являются для этого народа важной составляющей социального капитала [Губогло 2018: 87]. Названные качества облегчают личные взаимоотношения и способствуют сплочению народности в целом. То же и в балкарском обществе, чьё нравственное сознание стремится создать оптимальную модель коммуникаций, добиться взаимного уважения между людьми, бережного сохранения всего позитивного, накопленного народным опытом на протяжении веков. В балкарском обществе наиболее высок авторитет человека мудрого, справедливого, честного и правдивого, то есть обладающего адамлыкь.

Высокая нравственность как этическая норма имеет свой корпоративный характер, за каждой фамилией, родом сохраняются черты нравственности, стержень (адамлык), характеризующие её на протяжении нескольких поколений и опреляющий авторитет и социальный капитал в общественном мнении. Уллу къазанда бишген чий калмайды. Кто варился в большом котле, не остаётся сырым. То есть, тот, кого воспитывали в большой добродетельной семье (роду), умеет воспринимать духовные ценности.

Адамлык назван стержнем – имеется в виду моральная основа человеческих поступков. До настоящего времени у балкарцев наибольшим уважением пользуется тот, кто сохраняет этот стержень, не сгибаясь под ударами судьбы, не меняя идеалы нравственности на материальные блага. О таком человеке говорят: «Ол адамлыгын тас этмегенди, адамлыгын сатмагъанды», – он не растерял (не распродав) свою человечность.

Таким образом, именно моральный облик является показателем человеческой честности. Если кто-то ведёт мелочные споры, совершает недостойные действия, безвольно или бездумно стремится к желаемому вопреки должному, то его называют человеком, потерявшим свою ось (адамлыгын тас этхен), В представлении балкарцев адамлык – это комплекс социальных добродетелей, единственно верное направление поступков, мыслей и слов.

Традиционное балкарское общество было создано по неписанным законам нравственности (адет), жестко регламентирующим различные аспекты жизни. Быт сформировался под надзором общины, рода (тукъума), семьи и управленческого института тёре. Последний был призван обеспечивать социальную справедливость посредством системы запретов и наказаний. Нарушителей порядка карали внутри общины или семьи, в которую нередко входили все члены рода.

О тёре есть сведения в карачаево-балкарском фольклоре, в частности в сказании о Орузмеке, который «не уступал силе нартов», «был из узденей, родился в горах, вырос на равнине», и «брезгуя торе (тёре) он его не посещал» [Карачаево-Балкарский фольклор 1983: 236].

Впервые о понятие «торе» написал П.Мелиоранский в своих комментариях к надписи в честь Кюль-Тегина и, по его мнению, относится к определенному времени и является обычным правом [Мелиоранский 1899: 7].

По мнению казахской исследовательницы Айдарбековой Г.Б. название института тёре «произошло от древнетюркского слова «toru» и «tor», «toga» эти близкие по значению понятия, имеют общий корень «тор». Она пишет, что значение слова «toru» определяется как «порядок», «правило», «закон», «обычай», первоэлемент, «носитель бытия», проявление справедливости. Второе значение этого термина «почетное место», «ценность», «значение», «закон», «обычай», «правило», суд, судебное решение. И, наконец, третье значение идет от тюркского «торе» – божественное право, рождение («торо»), регулировавшего такие функции как налоги, договора и т. п.» [Айдарбекова 2011: 3].

Смысл балкарского тѐре очень близко по смыслу к тѐре первым двум значениям «toro», о которых пишет Г.Б. Айдарбекова. В восприятии балкарца тѐре схоже с понятием адет (адат) обычай, правило. Тѐреге кѐре – согласно устоявшемуся обычаю или закону. Но если адет (адат) то устоявшийся обычай, правило (обычно-правовая норма), то тѐре – это не только норма, но древний судебно-законодательный орган, правовой принцип которого полностью базировался на обычае (адате), согласно определению первого балкарского историка М. Абаева. Недаром в балкарском фольклоре сохранились свидетельства о решении тѐре (терени оноу), тѐре этхен оноу (решение, вынесенное тѐре), тѐреге жыйлгъан (принимать участие в тѐре) и др.

Карачаево-балкарский термин тѐр означает ещё и «почёт», «почётное место». На почетное место (оно обычно находится в глубине комнаты подальше от двери) в балкарском доме по сей день усаживают гостя или старшего. Если в гости приходят несколько человек, то старшего приглашают сесть на почетное место «таматаны тѐрге олтуртугъуз» (посадите старшего на почетное место). У древних тюрков Священное место- тѐр- находилось напротив двери» – пишет С.А. Плетнева [Плетнева 1967: 59]. По мнению фольклориста Х.Х. Малкондуева «тѐр» означает святое место в языческих святилищах, мечетях. Отсюда «тѐре», образованное от «тѐр», означает «святой совет» [Малкондуев 2001: 38].

М. Абаев называет тѐре народным судом, в котором разбирались на гражданские и уголовные дела на основании установившихся обычаев (адатов). Институт тѐре эволюционировал вместе с общественным укладом и бытом. М. Абаев отмечает это и пишет, что «когда новые обстоятельства выдвигали «новые вопросы, не предусмотренные адатами, тѐре устанавливал новый обычай» [Абаев 1992: 17].

Тѐре возглавлял Олий (уоли) «старейший и достойнейший из князей» [Абаев 1992: 8], т.е. наиболее уважаемый из князей. Б. Шаханов также отмечает, что «Тере» состоял из 5-7 (вообще нечетного числа) судей, назначавшихся выборным «уоли» (валием)» [Биттирова 2018: 194], который «бывал, обыкновенно, старейший и влиятельнейший из таубиев» [Биттирова 2018: 194].

Тѐре было в каждом из пяти балкарских обществ – Хуламском, Безенгиевском, Чегемском, Урусбиевском и Балкарском (Беш тау эл). Наибольшей известностью и авторитетом, как свидетельствуют источники, пользовался Тере Балкарского общества (Малкъар тѐре). На это указывает Б. Шаханов: «Особенное положение занимало Балкарское тѐре: по всем наиболее важным уголовным и гражданским делам обращались к нему, для чего ездили из других обществ в Балкарское» [Биттирова 2018: 194]. В Балкарское тѐре обращались не только представители балкарских обществ, но и их соседи «бывали такие случаи, когда в тѐре являлись жители Карачая и Дигории» [Абаев 1992: 17]. В Балкарское Тере обращались те, кто был недоволен решением малых тѐре. «Однако компетенция Балкарского и местных тѐре не были строго разграничены: от заинтересованных сторон зависело и по важному делу обратиться, не ездя в Балкарию, к своему Тѐре. Кроме того в большом

ходу были третейские суды» пишет Шаханов [Биттирова 2018: 194]. Среди исследователей, изучавших балкарский институт *тёре* остается дискуссионным существовала ли иерархия института *тёре*. По мнению известного исследователя социально-политической истории Балкарии XVII – начала XX века» Е. Муратовой возможна двоякая интерпретация. Она отмечает, что «материалы источников оставляют место двоякой интерпретации судебной системы традиционного балкарского общества. С одной стороны, можно представить, что существовала иерархическая система судов. С другой стороны, сохранившиеся свидетельства не дают однозначного четкого разграничения отдельных органов этой системы. То что выглядит как иерархическая система поддается объяснению с точки зрения балкарского общества, которое первоначально формировалось в Черекском ущелье» [Муратова 2007: 125]. Эта точка зрения на настоящий момент представляется наиболее убедительной.

Исследователи отмечают, что Малый *Тёре* рассматривал частные провинности общинников. При рассмотрении дел судебного характера, обвиняемому полагался адвокат (*ёкюл*), которым мог стать любой человек, кого наниматель сочтёт достойным для отстаивания его интересов в суде [Малкондуев 2001: 47] и доказчик (*айрахчи*) [Иванюков, Ковалевский 1886: 109].

Обычно в качестве адвоката (*ёкюл*) брали человека правдивого, авторитетного, обладающего подвижным умом, умеющего давать ответы на самые неожиданные вопросы. Именно такой человек, по убеждению балкарцев, мог полноценно защитить своего подопечного перед лицом закона.

Тёре разбирал и выносил вердикт по всем уголовным и гражданским делам, имел своих *мыртазаков* (стражников) и *бегеулов* (*глашатаев*). Стражники приводили решения *тёре* в исполнение. А *глашатаи* объезжали селение и объявляли постановление *тёре* для всех жителей. У *глашатая* (*бегеула*) должен был быть громкий и звучный голос (чтобы его слова были всем слышны), потому до настоящего времени про человека, который имеет зычный голос и очень громко разговаривает, говорят: «бегеул кибик кычырады» (кричит как *глашатай*).

На заседаниях «*Тёре*» выносил приговор за различные нарушения, как-то: споры из-за земли, кража, причинение телесного вреда, антисоциальное поведение и др. Наказание определялось в соответствии с устоявшимся обычаем (*адет*, *адетхе кере*), и решением суда (*тёре чыгъархан оноу*). Уличенного в неблагоприятных поступках члена общины могли подвергнуть позорнейшему наказанию – «*налат*».

Это происходило следующим образом: наказуемого привязывали на всеобщее обозрение к «камню позора» (*налат таш*). Камень позора – скальный кусок выше человеческого роста был установлен в наиболее людной части горского аула. Камень имел в верхней и нижней части отверстия, через которые продевали кожаные ремешки, которым привязывали виновного, с вымазанным сажой лицом. Всякий проходящий мимо человек мог плюнуть в сторону виновного, осуждая и демонстрируя презрение. Подобные камни были во всех крупных селах Балкарии, но в 1920-1930, и особенно после выселения

балкарцев в 1944 г., большинство таких камней были уничтожены. В 1958 г. этнографическая экспедиция Кабардино-Балкарского краеведческого музея сфотографировала «камень позора», находящийся в центре селения Верхний Чегем. «В этом камне проделано сквозное отверстие, к которому по решению шариатского суда привязывали нарушителей морали и преступников. Всякий проходящий имел право оскорбить, плюнуть или ударить наказанного» [Медведева 1961: 79]. Здесь следует отметить, что и до установления ислама наказание «налат» применялось по решению тѐре к тем, кто совершил то или иное тяжкое преступление или нарушил нормы морали. Одним из тяжчайших оскорблений в адрес человека и в настоящее время является произнесение фразы (проклятия) «Налат болсун санга» – «чтобы на тебя был наложен налат». Полевые материалы свидетельствуют, что в пылу ссоры произнесение этого проклятия бывает достаточно для того, чтобы установились враждебные отношения не только между ссорящимися, но и представителями двух родов, к коим они принадлежат.

В настоящее время «камень позора» (налат таш) сохранился в заброшенном селении Зылги в Черекском районе. Жители этого села, как и все балкарцы, в марте 1944 г. были репрессированы по национальному признаку и насильственно депортированы в восточные районы СССР. Возможность вернуться на родину появилась после XX съезда КПСС и Закона СССР от 11 февраля 1957 года «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении и национальной автономии балкарского, чеченского, ингушского и калмыцкого и карачаевского народов» [Закон... 1957]. В связи с возвращением балкарцев власти республики разработали план – схему размещения балкарцев. План предусматривал где будут поселяться возвращающиеся балкарцы и в каком количестве, кроме того в плане была необходимая информация и о восстановлении (формировании) колхозов в местах проживания балкарцев. Размещение возвращающихся семей, восстановление населенных пунктов и колхозов требовало больших финансовых ресурсов. По плану часть возвращающихся балкарцы были поселены в некоторые кабардинские села (Урвань, Аушигер, Шалушка и др.), часть балкарцев возвращались в прежние села, где проживали до выселения (Хасанья, Белая речка, Кашхатау (в 1944 г. было переименовано в Советское), Бабугент, Лашкута, Былым и др. В Терском районе было образовано село с символическим названием «Новая Балкария» куда также заселилась часть возвращающихся балкарцев. Наиболее проблемным стало восстановление сел в горной зоне (в основном в Балкарском и Хуламо-Безенгиевском ущелье) по причине того, что их восстановление требовало больших финансовых вложений, потому власти признали их «экономически нецелесообразными для заселения» [Акжиева 2015: 21]. Село Зилги, в котором сохранился камень позора относится к числу тех сел, которые не были восстановлены. А жители этого села и других сел, которые не восстанавливались, поселились в других местах, в том числе в Верхней Балкарии. Под таким названием на месте старых сел (Чегет-Эль, Мухол, Туура-Хабла и др.), которые располагались до 1944 г. сформировалось новое село. В это село поселились выходцы из сел Черекского

ущелья (с. Мукуш, Чегет-эль, Мухол, Туура-хабла, Шканти, Коспарты, Кюннум, Зилгы, Зарашкы, Шаурдат и др.).

Постановления тѣре были непреложными и приводились в жизнь с большей аккуратностью, чем впоследствии государственные указы, подкреплѣнные мощными рычагами давления [Абайханова 2014: 114]. Члены Тѣре обязаны были нести ответственность за свои решения, почитать правду и готовить ее триумф. Место каждого советника в иерархии определялось его праведностью (адамлыкь) и справедливостью (тюзлюк). Предосудительные поступки и признаки слабоволия предопределяли его исключение из Тере. Из-за скудости источников остается дискуссионным вопрос, кто мог исключить тѣречи из члена тѣре (Олий, который назначал членов тѣре) или же народ (представители свободных сословий).

Тѣре на раннем этапе был внесословный орган и в его работе принимали участие все члены балкарского социума. Позднее Тѣре по мере расслоения общества он приобрел сословный характер, а с проникновением ислама, в работе тѣре стал принимать участие и духовный судья «кадий» [Абаев 1992: 8]. Авторитет Тѣре в народе был очень высок и его решение (оноу) было веским и непреложным. Если в мире не осталось справедливости, то неужели исчез и Тѣре в Большой Балкарии? («Дуняда тюзлюк кьуругъан эсе да, Уллу Малкъарда Тѣредамы кьуругъанды?») Эта поговорка выпукло иллюстрирует значительность данного института в жизни балкарцев: народ глубоко верил в его действенную силу, и способность решить любое дело по справедливости.

Все события жизненного цикла балкарцев были сопряжены с обязательными ритуалами. Существовала необходимость принимать гостей, погребать умерших, отмечать свадьбы или рождение детей по общеизвестному, единому для всех сценарию. Отказываясь от соблюдения обычаев, человек обрекал себя на стыд («айып») и ронял авторитет своей семьи, рода, общины.

Нарушение традиций оценивалось как отступление от правильного, всеми признанного и уважаемого общественного порядка. Поступок признавался недостойным, противоречащим справедливости с позиции нравственного комплекса тау адет, после чего определялось подходящее наказание. Лицо, нарушившее указанные нормы, не заслуживало высокого звания человека, что считалось несмываемым позором. В таких случаях говорили: «Сен адам тьойлсе» – ты не человек. Провинившийся становился изгоем и был вынужден покинуть общину [Аккиева 2018: 157].

Нормы, регулируемые этими понятиями, до настоящего времени действуют среди балкарцев, проживающих в сельской местности и координируют жизнь социума (джамаут.) Они продолжают оказывать влияние на социальную действительность балкарцев: способствуют сохранению моральных норм, поддерживают ряд национальных традиций и обычаев, определяют отношения между жителями, а также, внутри рода и семьи.

Таким образом, многовековое развитие балкарского общества привело к появлению нравственных оценок человеческого поведения, определению принципов справедливости, в котором определенную роль играл институт тѣре. Стойкие черты народного сознания были сформированы совокупностью

обычаев, привычек, жизненных порядков, воспринимаемых от этнической среды и передаваемых из поколения в поколение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1992 – *Абаев М.* Балкария. Исторический очерк. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 46 с.

Абайханова 2014 – *Абайханова П.* Институты гражданского управления Карачая в первой половине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 3 (41): в 2-х ч. Ч. I. – С. 13-16.

Айдарбекова 2011 – *Айдарбекова Г.Б.* «Торе» и «Йосун» как нормы обычного права тюркской кочевой цивилизации // Хабаршы (Вестник). Серия «Юриспруденция». – 2011. – №1 (23). – С. 3-6.

Аккиева 2015 – *Аккиева С.И.* Проблемы реабилитации депортированного балкарского народа. Возвращение на историческую родину // Белые пятна российской и мировой истории. – 2015. – № 6. – Р. 9-37.

Аккиева 2018 – *Аккиева С.И.* Проблема справедливости в традиционной культуре балкарского народа // Идентичность. Сборник докладов и сообщений международной научно-практической конференции «Единство исторических судеб», посвященной 80-летию со дня рождения Михаила Сергеевича Губогло / Отв. ред. И.А. Константинова, П.М. Пашалы. – Комрат: Научно-исследовательский Центр Гагаузии им. М.В. Маруневич, 2018. – С. 151-156.

Биттирова 2018 – *Биттирова Т.Ш.* Басият Шаханов. Жизнь и творчество. Исследования. Тексты. – Нальчик: ООО «Печатный двор. 2018. – 336 с.

Воркачев 2010 – *Воркачев С.Г.* Правда земная: идея справедливости в языковом сознании: в кн. Концептуальные исследования в современной лингвистике. – Санкт-Петербург. – Горловка, 2010. – С. 27-35 // Русский филологический портал – Philology.ru. URL: <http://philology.ru/linguistics2/vorkachev-10.htm> (дата обращения: 16.09.2018).

Губогло 2016 – *Губогло М.Н.* Институты доверия в традиционной культуре гагаузов «адамлык», «хатырлык», «хаирлык» // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии. Материалы пятой международной научной конференции: в 2 томах. – Смоленск: Издательство Смоленский государственный университет. 2016. – С. 87-91.

Джуртубаев 1997 – *Джуртубаев М.Ч.* Душа Балкарии. Сборник статей о фольклоре, истории, литературе и этнической психологии. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 225 с.

Ёзден адет... 2005 – *Ёзден Адет:* Этический кодекс карачаево-балкарского народа / Сост., предисловие и комментарии М.Ч. Джуртубаева. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 576 с.

Закон... 1957 – *Закон СССР от 11 февраля 1957 года «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении и национальной автономии балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов»* // Портал правовой информации ГАРАНТ.РУ. URL: base.garant.ru/6331040/ (дата обращения: 10.09.2018).

Иванюков, Ковалевский 1886 – *Иванюков И.И., Ковалевский М.М.* У подошвы Эльбруса. Очерк // Вестник Европы. – 1886. – Т.1, кн. 1,2. – С. 96-104.

Карачаево-Балкарский фольклор 1983 – *Карачаево-Балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях* / Составление, вступительная статья и комментарии А.И. Алиевой; ответственный редактор Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 432 с.

Малкондуев 2001 – *Малкондуев Х.Х.* Этническая культура балкарского народа. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 176 с.

Медведева 1961 – *Медведева О.П.* Новые этнографические коллекции музея по Балкарии // Краеведческие записки Кабардино-Балкарского музея. – Нальчик, 1961. – Вып. 1. – С. 79-81.

Мелиоранский 1899 – *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-тегина // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества (ЗВОРАО). Т. XII. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1899. – С. 1-144.

Мокаева 2004 – *Мокаева И.Р.* Этические концепты в языковой картине мира (на материале русского и карачаево-балкарского языков). Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. – Нальчик, 2004. – 22 с.

Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII-начала XX в. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – 418 с.

Плетнева 1967 – *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / Академия наук СССР. Институт археологии. – М.: Наука, 1967. – 200 с.

Попова, Стернин 2001 – *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

Русско-карачаево-балкарский... 1965 – *Русско-карачаево-балкарский словарь* / Под ред. Х.И. Суюнчева, И.Х. Урусбиева. – М.: Советская Энциклопедия, 1965. – 744 с.

Снегирев 2003 – *Снегирев И.М.* Обзорение пословиц. Русское устное народное творчество: хрестоматия по фольклору. – М.: Высшая школа экономики, 2003. – С.133-140.

Табаксоева 2015 – *Табаксоева И.Р.* Языковая экслипация нравственной категории «намыс» (на материале карачаево-балкарского языка) // Вестник Ленинградского университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – № 4. – Том 1. Филология. – С. 339-346.

REFERENCES

АБАЕВ М. *Balkariya. Istoricheskie ocherk* [Balkaria. Historical essay]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 46 p. (In Russian)

АБАИХАНОВА Р. *Instituty grazhdanskogo upravleniya Karachaya v pervoi polovine XIX v.* [Institutions of Karachai civil administration in the first half of the XIX century]. IN: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* – 2014. – No 3 (41): in 2 parts. Part I. – P. 13-16. (In Russian)

АИДАРБЕКОВА Г.В. *«Tore» i «Iosun» kak normy obychnogo prava tyurkskoi kochevoi tsivilizatsii* [“Torah” and “Yosun” as the norms of the customary law of the Turkic nomadic civilization]. IN: *Khabarshy (Vestnik). Seriya «Yurisprudentsiya».* – 2011. – No 1 (23). – P. 3-6. (In Russian)

АККИЕВА С.И. *Problemy reabilitatsii deportirovannogo balkarskogo naroda. Vozvrashchenie na istoricheskuyu rodinu* [Problems of rehabilitation of the deported Balkar people. Return to the historic homeland]. IN: *Belye pyatna rossiiskoi i mirovoi istorii.* – 2015. – No 6. – P. 9-37. (In Russian)

АККИЕВА С.И. *Problema spravedlivosti v traditsionnoi kul'ture balkarskogo naroda* [The problem of justice in the traditional culture of the Balkar people]. IN: *Identichnost'. Sbornik dokladov i soobshchenii mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Edinstvo istoricheskikh sudeb», posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya Mikhaila Sergeevicha Guboglo* [Identity. Collection of reports and messages of the international scientific-practical conference “Unity of historical destinies”, dedicated to the 80th anniversary of his birth] / Ed. by I.A. Konstantinova, P.M. Pashaly. – Komrat: Nauchno-issledovatel'skii Tsentr Gagauzii im. M.V. Marunovich, 2018. – P. 151-156. (In Russian)

БИТТИРОВА Т.Ш. *Basiyat Shakhanov. Zhizn' i tvorchestvo. Issledovaniya. Teksty* [Basiyat Shakhanov. Life and work. Researches. Texts]. – Nal'chik: ООО «Pechatnyi dvor. 2018. – 336 p. (In Russian)

ВОРКАЧЕВ С.Г. *Pravda zemnaya: ideya spravedlivosti v yazykovom soznanii.* IN: *Kontseptual'nye issledovaniya v sovremennoi lingvistike* [True Earth: the idea of justice in the linguistic consciousness. IN: Conceptual studies in modern linguistics]. – Sankt-Petersburg. –

Gorlovka, 2010. – P. 27-35. IN: Russian philological portal – Philology.ru. URL: <http://philology.ru/linguistics2/vorkachev-10.htm> (date of access: 16.09.2018). (In Russian)

GUBOGLO M.N. *Instituty doveriya v traditsionnoi kul'ture gagauzov «adamlyk», «khatyrlyk», «khairlyk»* [Institutions of trust in the traditional culture of the Gagauz "adamlyk", "hatyrlyk", "hairlyk"]. IN: *Teoreticheskie problemy etnicheskoi i krosskul'turnoi psikhologii. Materialy pyatoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: v 2 tomakh* [Theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology. Materials of the fifth international scientific conference: in 2 vols.]. – Smolensk: Izdatel'stvo Smolenskii gosudarstvennyi universitet. 2016. – P. 87-91. (In Russian)

DZHURTUBAEV M.Ch. *Dusha Balkarii. Sbornik statei o fol'klore, istorii, literature i etnicheskoi psikhologii* [Soul of Balkaria. Collection of articles on folklore, history, literature and ethnic psychology]. – Nal'chik: El'brus, 1997. – 225 p.

Ezden Adet: Eticheskii kodeks karachaevo-balkarskogo naroda [Yozden Adet: The Ethical Code of the Karachay-Balkarian People] / Comp., foreword and commentary by M.Ch. Dzhurtubaeva. – Nal'chik: El'brus, 2005. – 576 p. (In Balkar)

Zakon SSSR ot 11 fevralya 1957 goda «Ob utverzhdenii Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR o vosstanovlenii i natsional'noi avtonomii balkarskogo, chechenskogo, ingushskogo, kalmytskogo i karachaevskogo narodov» [The law of the USSR of February 11, 1957 "On Approval of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on the restoration and national autonomy of the Balkar, Chechen, Ingush, Kalmyk and Karachai peoples"]. IN: Legal Information Portal GARANT.RU. URL: base.garant.ru/6331040/ (date of access: 10.09.2018). (In Russian)

IVANYUKOV I.I., KOVALEVSKII M.M. *U podoshvy El'brusa. Ocherk* [At the foot of Elbrus]. IN: *Vestnik Evropy*. – 1886. – Vol. 1, books. 1, 2. – P. 96-104. (In Russian)

Karachaevo-Balkarskii fol'klor v dorevolyutsionnykh zapisyakh i publikatsiyakh [Karachay-Balkar folklore in pre-revolutionary records and publications] / Composing, introductory article and comments by A.I. Alieva; Ed. by T.M. Khadzhieva. – Nal'chik: El'brus, 1983. – 432 p. (In Russian)

MALKONDUEV Kh.Kh. *Etnicheskaya kul'tura balkarskogo naroda* [Ethnic culture of the Balkar people]. – Nal'chik: El'brus, 2001. – 176 p. (In Russian)

MEDVEDEVA O.P. *Novye etnograficheskie kolleksii muzeya po Balkarii* [New ethnographic collections of the museum in Balkaria]. IN: *Kraevedcheskie zapiski Kabardino-Balkarskogo muzeya* [Regional studies notes of the Kabardino-Balkarian Museum]. – Nal'chik, 1961. – Iss. 1. – P. 79-81. (In Russian)

MELIORANSKII P.M. *Pamyatnik v chest' Kyul'-tegina* [Monument in honor of Kühl-tegin]. IN: *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society]. Vol. 12. – SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1899. – P. 1-144. (In Russian)

MOKAEVA I.R. *Eticheskii kontsepty v yazykovoii kartine mira (na materiale russkogo i karachaevo-balkarskogo yazykov). Avtoref. ... kand. filolog. nauk* [Ethical concepts in the language picture of the world (on the material of the Russian and Karachai-Balkarian languages). Abstract of the thesis for a Candidate of philology sciences degree]. – Nal'chik, 2004. – 22 p. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Balkarii XVII – nachala XX v.* [Sociopolitical history of Balkaria XVII – early XX century]. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2007. – 418 p. (In Russian)

PLETNEVA S.A. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-mayatskaya kul'tura* [From nomad camps to cities. Saltovo-Mayak culture] / Academy of Sciences of the USSR. Institute of Archeology. – M.: Nauka, 1967. – 200 p. (In Russian)

POPOVA Z.D., STERNIN I.A. *Ocherki po kognitivnoi lingvistike* [Essays on cognitive linguistics]. – Voronezh: Istoki, 2001. – 191 p. (In Russian)

Russko-karachaevo-balkarskii slovar' [The Russian-Karachay-Balkar dictionary] / Ed. by Kh.I. Suyuncheva, I.Kh. Urusbieva. – M.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965. – 744 p. (In Russian)

SNEGIREV I.M. *Obozrenie poslovits. Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo: khrestomatiya po fol'kloru* [Review of Proverbs. Russian folklore: Chrestomathy of Folklore]. – M.: Vysshaya shkola ekonomiki, 2003. – P.133-140. (In Russian)

TABAKSOEVA I.R. *Yazykovaya eksklipatsiya npravstvennoi kategorii «namys» (na materiale karachaevo-balkarskogo yazyka)* [The language exclusion of the moral category “namys” (on the basis of the Karachay-Balkarian language)]. IN: *Vestnik Leningradskogo universiteta im. A.S. Pushkina*. – 2015. – No 4. – Vol. 1. Philology. – P. 339-346. (In Russian)

УДК 94(470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-145-160

**ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ****В.А. ФОМЕНКО**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: kbigi@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается ряд важных проблем современного этапа изучения и сохранения археологического наследия в Кабардино-Балкарии (проблема подготовки местных профессиональных археологических кадров, значение сохранения историко-культурного ландшафта, проблема разрушения памятников грабителями и др.). Говорится также о перспективности создания в республике электронной базы данных «Археологические памятники Кабардино-Балкарии», информационного сайта «Археологическое наследие народов Кабардино-Балкарии», лекторской группы для проведения научно-популяризационных мероприятий «Археологические памятники районов КБР». Характеризуется возможность использования электронных систем охраны археологических памятников на территории КБР.

Ключевые слова: Северный Кавказ; Кабардино-Балкария; изучение и сохранение археологического наследия; историко-культурный ландшафт.

**ON THE ACTUAL PROBLEMS OF STUDYING AND PRESERVING
THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE IN KABARDINO-BALKARIA****V.A. FOMENKO**

*Institute of humanitarian researches – branch of FSBSE «Federal Scientific Center
‘Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: kbigi@mail.ru*

Abstract. The article discusses a number of important problems of the modern stage of studying and preserving the archaeological heritage in Kabardino-Balkaria (the problem of training local professional archaeological personnel, the importance of preserving the historical and cultural landscape, the problem of the destruction of monuments by robbers, etc.). It is also said that the electronic database “Archaeological Monuments of Kabardino-Balkaria”, the information site “Archaeological Heritage of the Peoples of Kabardino-Balkaria”, a lecturers group for conducting scientific and popularization activities “Archaeological Monuments of Areas of the KBR” are promising. Characterized by the possibility of developing and implementing electronic systems for the protection of archaeological monuments in the KBR.

Keywords: North Caucasus; Kabardino-Balkaria; the study and preservation of the archaeological heritage; historical and cultural landscape.

В статье говорится о сложнейших проблемах развития науки, культуры, отчасти и о социально-экономических проблемах Кабардино-Балкарии в современный период. Высказанные ниже размышления, предположения, а также предложенные организационные меры являются лишь возможным путем решения этих проблем. Автор статьи считает, что такие меры требуют значительных затрат и могут быть осуществлены только после общественного и экспертного обсуждения, надежного обоснования эффективности, поэтапно и в долгосрочной перспективе.

О ситуации в археологическом изучении региона. В довоенный период и вплоть до второй половины 60-х гг. XX в. археологические исследования в Кабардино-Балкарии осуществлялись местными краеведами (М.И. Ермоленко, П.Г. Акритас и др.) и приезжими учеными, в т.ч. хорошо известными (А.А. Миллер, А.А. Иессен, Б.Б. Пиотровский, Е.И. Крупнов, К.Э. Гриневич, С.Н. Замятин, Г.И. Ионе). Эта особенность региональной археологии была связана с отсутствием местных ученых-археологов.

В довоенные годы представители ленинградской археологической науки - А.А. Иессен, Б.Е. Деген, А.П. Круглов, Б.Б. Пиотровский, Г.В. Подгаецкий и др. проводили крупные разведочные и раскопочные исследования в среднем течении реки Баксан при строительстве гидроэлектростанции, а также на памятниках в ближайших окрестностях Нальчика (Долинск, Садки и др.). Результатом этих довоенных исследований стала публикация в 1941 году тома «Материалы по археологии Кабардино-Балкарии» в серии «Материалы и исследования по археологии СССР».

В послевоенные годы археологическими исследованиями на территории Кабарды и Кабардино-Балкарии руководили приглашенные сотрудники Кабардинского НИИ (Кабардино-Балкарского НИИ) Е.И. Крупнов (заведующий сектором в 1946-1949 гг., в то время кандидат исторических наук), К.Э. Гриневич (археолог, историк античности, доктор исторических наук), П.Г. Акритас (кавказовед-этнограф, кандидат исторических наук, заведующий сектором в 1954-1960 гг.), Г.И. Ионе (кандидат исторических наук, заведующий сектором в 1961-1964 гг.). Во второй половине 40-х и в начале 60-х гг. XX в. осуществлялись в основном археологические работы разведочного характера с целью создания научно обоснованной древней и средневековой региональной истории, что нашло отражение в обобщающих публикациях.

В исследовании древностей Предкавказья в послевоенные годы огромную роль играла деятельность выдающегося советского археолога Е.И. Крупнова (1904-1970). Евгений Игнатьевич проводил на Северном Кавказе значительные полевые работы, обладал мощным научно-организаторским и научно-педагогическим талантами. В развертывании археологических исследований на Северном Кавказе, и в т.ч. в Кабардинской АССР в послевоенные годы его заслуги несомненны. Е.И. Крупнов фактически возглавлял северокавказскую

археологию в конце 40-60-х гг., а в 50-60-х гг. создал «московскую школу археологического кавказоведения» [Багаев 2012: 182].

Значительная устойчивость в работе сектора археологии Кабардино-Балкарского НИИ была достигнута в середине 60-х гг., когда научное подразделение возглавил И.М. Чеченов (кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки КБР). Сотрудниками сектора археологии КБНИИ в 60-80-х гг. были высококвалифицированные ученые: Р.Ж. Бетров, В.М. Батчаев, Б.М. Керефов, И.М. Мизиев и А.Х. Нагоев.

Рис. 1. Сотрудники сектора археологии КБНИИ и рабочие на раскопках. (И.М. Чеченов в центре).

Под руководством И.М. Чеченова сектор археологии КБНИИ проводил масштабные новостроечные археологические исследования. Кабардино-Балкария в годы «застоя» и «перестройки» была вполне благополучным в отношении развития археологической науки регионом [КБИГИ ... 2016].

Сектор археологии КБНИИ приобрел известность крупнейшего центра по изучению археологии, а также древней и средневековой истории Северного Кавказа. Считается даже, что в Нальчике существовала научная

археологическая школа, хотя с этим мнением трудно согласиться. Научная школа и группа ученых – это разные понятия.

Важно также, что КБНИИ в послевоенные и в 60-е гг. не был единственной в республике организацией, проводившей археологические исследования. В Кабардино-Балкарском педагогическом институте (с 1957 – университете) работали преподаватели-археологи: К.Э. Гриневич, В.И. Горемыкина, Г.И. Ионе и др. Ими было положено начало археологической подготовке студентов-историков [Муратова 2017: 180-184]. Именно здесь получили образование местные археологи: И.М. Чеченов, И.М. Мизиев, Р.Ж. Бетрозов, В.М. Батчаев, А.Х. Нагоев, Б.М. Керефов и др.

В КБГУ работали археологи Н.А. Шафиев, И.М. Мизиев, Р.Ж. Бетрозов и Б.М. Керефов.

Кризисные явления первой половины и середины 90-х гг. привели к тому, что сектор КБНИИ (КБИГИ) потерял часть квалифицированных кадров. Сам институт оказался отодвинутым от научной экспертизы, охраны объектов культурного наследия, принятия решений о целесообразности раскопок археологических памятников и т.д. Ведомственная разобщенность сегодня негативно сказывается на общем состоянии памятников археологии в республике.

Вместе с тем проведение археологических исследований, прежде всего совместных археологических экспедиций Кабардино-Балкарского государственного университета с центральными российскими музеями (Государственный Эрмитаж, Государственный исторический музей), на территории КБР продолжается. Ученые КБИГИ (ИГИ КБНЦ РАН) разрабатывают проблемы этногенеза и ранних этапов этнической истории народов Северного Кавказа, а также проблемы истории археологического изучения территории Кабардино-Балкарии, уделяют внимание вопросам сохранения культурного наследия в КБР.

Как говорилось выше, с 90-х гг. в отечественной археологической науке усилились кризисные явления (сокращение числа экспедиций, процветание кладоискательства, снижение уровня публикации материалов и др.). В ряде регионов эти негативные явления более или менее успешно преодолеваются. К сожалению в Кабардино-Балкарии и некоторых соседних регионах кризис в состоянии археологической науки продолжает развиваться.

22.02.2017 в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований на круглом столе «Актуальные проблемы сохранения историко-культурного наследия на территории КБР» при участии депутатов Парламента КБР, представителей общественных организаций, руководителя Управления по государственной охране объектов культурного наследия КБР, главы администрации селения Урвань, краеведов, ученых-историков была выражена обеспокоенность масштабами разрушения археологических памятников, уникального культурного и природного ландшафта республики. Тогда же была принята резолюция с конкретными предложениями по сохранению и научному изучению археологического наследия республики. Текст резолюции 3.03.2017 был направлен Главе КБР Ю.А. Кокову.

О проблемах современного этапа изучения и сохранения археологического наследия в Кабардино-Балкарии. Среди прочих проблем развития археологической науки в Кабардино-Балкарии можно выделить наиболее злободневные:

1. Проблема местных профессиональных археологических кадров. Многие из названных выше археологов Кабардино-Балкарии 60-80-х гг. ушли. Почти отсутствует смена археологов старшего поколения молодежью, набирающей опыт. Кризисная ситуация в регионе привела к потере интереса молодых поколений к некоторым отраслям науки, в частности, к археологии.

2. Отсутствие стационарных плановых бюджетных археологических экспедиций местных государственных учреждений науки, культуры и образования (КБИГИ, Национальный музей КБР, КБГУ и др.). Отсутствует перспективная программа археологического изучения территории Кабардино-Балкарской республики.

3. Не уменьшается разрушение и уничтожение памятников археологии грабителями, в т.ч. уникальных и ценнейших для науки (например: могильник в с. Заюково, Большие урванские курганы, курганы в городе Нальчик и т.д.). Это связано со сложной экономической ситуацией, а также отсутствием научно-популяризационной работы и другими факторами. Правоохранительные структуры перегружены другой работой и не имеют возможности уделять должное внимание объектам культурного наследия.

4. Несмотря на то, что Кабардино-Балкария является одним из наиболее богатых по числу, разнообразию и уникальности археологических памятников субъектов Российской Федерации, территория республики исследована в гораздо меньшей степени, чем многие соседние регионы (например, Республика Северная Осетия-Алания, Ставропольский край, Республика Адыгея). В КБР отсутствуют археологические заповедники, которые есть в Карачаево-Черкесии и Краснодарском крае. Также нет в Кабардино-Балкарии государственных организаций научно-исследовательского археологического направления. Во Владикавказе существует Государственное бюджетное учреждение «Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания», ведущий разнообразные полевые археологические исследования.

Вышеназванные проблемы археологии в Кабардино-Балкарии и положительный опыт коллег из соседних регионов вероятно говорят о необходимости создания в перспективе Научно-исследовательского центра «Археология КБР» (далее НИЦ «Археология КБР»). Основные направления работы этого центра могут быть связаны с созданием в республике электронной базы данных «Археологические памятники Кабардино-Балкарии», информационного сайта «Археологическое наследие народов Кабардино-Балкарии», а также лекторской группы для проведения научно-популяризационных мероприятий «Археологические памятники районов КБР».

О создании электронной базы данных «Археологические памятники Кабардино-Балкарии». Электронная база данных «Археологические памятники Кабардино-Балкарии» необходима для наиболее полного учета и системной интеграции разнообразной информации (данных паспортов

памятников истории и культуры, отчетов о полевых исследованиях, научных и научно-популярных публикаций, музейных экспозиций и фондов, карт, спутниковых снимков и т. д.). С помощью приборов спутниковой навигации (GPS) большинство археологических объектов можно привязать к системе географических координат. В работе по созданию базы данных могут быть использованы новейшие достижения компьютерных технологий для сбора, обобщения всех доступных материалов об археологических памятниках Кабардино-Балкарской республики. Такая база данных будет прежде всего необходима в работе по учету (паспортизации и инвентаризации), а также научному описанию памятников Управлению по государственной охране объектов культурного наследия КБР.

Создание электронной базы данных может быть существенно дополнено разработкой географо-информационной системы (ГИС) для территории Кабардино-Балкарии. Такая система с формированием атрибутивной цифровой картографической основы масштаба 1:100000 (с применением как геодезических, так и прямоугольных координат; с адаптацией данных GPS - съемки археологических объектов к отечественной системе координат и их отображения на электронной карте; с использованием программного пакета ArcView 3) уже была создана сотрудниками Института археологии РАН для объектов культурного наследия Кисловодской котловины [Афанасьев и др. 2004; Коробов 2011] (юго-запад Ставропольского края, примыкает к Зольскому району КБР).

В поисках и учете археологических памятников могут быть использованы фотографии земной поверхности, сделанные спутниками. Такие фотографии доступны в программе Google Earth (Рис. 2).

Рис. 2. Общий вид древнего земляного городища в долине реки Кишпек (фото Google Earth).

Анализ информации об археологических памятниках в более или менее полной базе данных в сочетании с ГИС может быть использован для пространственного анализа археологических объектов (выделение групп памятников, определение плотности заселения микрорегиональных зон, реконструкции этапов и систем расселения в предгорно-плоскостных районах в древности и Средневековье и т.д.). Применение формализованных методов может помочь в уточнении и детализации важной исторической информации, так наиболее плотное скопление раннесредневековых городищ, позволяет определить наиболее вероятную трассу торгово-обменного пути. Наличие зрительной связи в системе городищ помогает установить систему оповещения населения микрорегиона при возникновении опасности вторжения врагов.

Кроме того, электронная база данных и ГИС «Археологические памятники Кабардино-Балкарии» могла бы быть использована при работе по охране объектов культурного наследия на территории республики.

О создании информационного сайта «Археологическое наследие народов Кабардино-Балкарии». Сайт «Археологическое наследие народов Кабардино-Балкарии» мог бы служить для передачи широкой аудитории (прежде всего молодежи) важной познавательной (научно-популярной) и правовой информации о памятниках археологии находящихся на территории республики. Главной задачей сайта могло бы стать закрепление в общественном сознании (мнении) жителей и гостей Кабардино-Балкарии идей большого научного значения здешних археологических памятников и важности бережного отношения к древностям. Это направление деятельности НИЦ «Археология КБР» может быть эффективным в деле воспитания и образования молодежи и более старших поколений в духе патриотизма и общечеловеческих ценностей.

Структура сайта может состоять из следующих основных разделов.

- Каталог наиболее известных и представительных памятников республики.
- Археологические новости Кабардино-Балкарии и юга России.
- Правовая информация о важности сохранения историко-культурного наследия и об ответственности за разрушение археологических памятников.
- Форум для обмена мнениями, ответов специалистов на вопросы, информации о случайных находках (при строительстве, распахке полей) и т.д.
- Видеозаписи лекций и презентации об археологических памятниках республики, истории изучения региона, наиболее интересных музейных экспонатах и т. д.
- Библиотека. Книги и статьи об археологическом наследии народов Кабардино-Балкарии.

Такой сайт может стать эффективным средством привлечения молодого поколения в науку, помочь в формировании новых археологических кадров из числа студентов и выпускников вузов (прежде всего КБГУ), краеведов, общественников. С помощью сайта вероятно возможно осуществлять

координацию научной, учебной, музейной и памятникоохранительной деятельности КБНЦ, КБГУ, Национального музея, Управления по государственной охране объектов культурного наследия КБР.

В качестве примеров оформления можно назвать сайты:

- Сайт «Потерянная Осетия». Это мультимедийная карта с широким функционалом, предназначенная, как для профессионального пользователя, так и для самой широкой аудитории пользователей сети Интернет. Данный проект объединяет в себе несколько задач: (1. просветительский портал для жителей Осетии, содержащий информацию о родовых селах и объектах культуры; 2. оперативный мониторинг за памятниками культуры; 3. электронный туристический путеводитель). Проект «Потерянная Осетия» действует исключительно на некоммерческих началах.

- Сайт фонда «Ассия» (общественная некоммерческая организация, основными целями которой являются: содействие охране памятников архитектуры и культуры, популяризация истории родного края, поддержка научных исследований в указанных областях.

О возможности разработки и внедрения электронных систем охраны археологических памятников на территории КБР. Каждый археологический памятник (объект культурного наследия) охраняется государством, соответственно на памятниках должны быть установлены щиты (таблички или столбики) с надписями характеризующими объект культурного наследия и говорящими о том, что конкретный курган, могильник, городище и т. д. охраняются законом. К сожалению на подавляющем большинстве археологических памятников на территории Кабардино-Балкарии таких надписей нет. Археологические объекты охраняются *de jure*, а *de facto* они практически не охраняются, хотя принятые недавно поправки в законодательство предусматривают ответственность за умышленное разрушение объектов культурного наследия.

Уникальным археологическим и историко-ландшафтным памятником являются Большие урванские курганы (Іуащхьацэжъ, Іуащхьэ кылысэ, Іуащхьэ джафэ) [Бгажноков, Фоменко 2016], расположенные на краю лесного массива, к западу от окраины одноименного села.

Рис. 3. Курган Ошхаца на окраине селения Урвань (ноябрь 2016 года).

Самый большой курган Гуащхьацэжь или Ошхаца (Рис. 3), покрытый (до недавнего времени) со всех сторон, кроме южной, вековым лесом, соответствует кабардинскому названию – «Лесистый (Лохматый) курган». Именно о нем писал Шора Ногмов в своей знаменитой книге «История адыгейского народа». В 2000-х гг. в курган Ошхаца пытались проникнуть грабители. Они прокопали шахту от вершины до основания кургана, а на западном склоне вырыли яму, также пытались пробиться к центру насыпи (Рис. 4). В результате этих действий уникальный исторический памятник получил серьезные повреждения.

Рис. 4. Основные грабительские повреждения на кургане Ошхаца (слева – шахта на вершине, справа – раскоп на западном склоне, где согласно преданиям, находился «вход в курган»). Фото 2016 г.

Вероятно действенным методом охраны археологических памятников от разрушения (случайного или умышленного) могли бы стать электронные системы, состоящие из детекторов (движения, звука, света, изображения, GSM-сигналов, других видов излучения и т. д.), станций (включающих агрегаторы и передатчики собранной информации) и контрольно-аналитический центр. Однако, процесс создания и особенно внедрения таких систем охраны процесс дорогостоящий. Хотя, такие разработки несомненно ведутся. Кабардино-Балкария довольно компактная республика с большой плотностью археологических памятников потому в перспективе здесь возможно создание единой электронной системы охраны историко-культурных объектов. Для успешного решения этой задачи необходимо разработать и апробировать эффективные, но очень дешевые детекторы GSM-сигналов. Также необходимы недорогие системы сбора и передачи информации от детекторов и компьютерные программы для обработки и анализа всего потока данных. Детекторы могут располагаться по периметру крупного памятника, в центре охраняемого объекта и на подъездных путях к нему. Примером такой схемы возможного использования детекторов GSM-сигнала при создании электронной системы охраны могут стать три Больших урванских кургана. Сигналы от периферийных детекторов собираются на три центральных, расположенных на вершинах курганов, и передаются на промежуточную станцию в селение Урвань и далее в компьютерный центр в Нальчик.

Аналогичные схемы использования датчиков GSM-сигнала можно было бы апробировать и применить на других интенсивно разрушающихся объектах культурного наследия республики (Заюковский могильник № 3, Нижне-Куркужинский курганный могильник, курганы на проспекте Ленина в г. Нальчик и др. памятниках).

Для реализации важных научно-популяризационных и образовательных функций НИЦ «Археология КБР» в его составе возможно необходимо создать лекторскую группу. Основными задачами данной группы могли бы стать подготовка и чтение научно-популярных лекций «Археологические памятники районов КБР», а также проведение других мероприятий культурно-образовательной направленности. Лекторская группа также могла бы участвовать в подготовке научных кадров, прежде всего историков и археологов в аспирантурах КБНЦ РАН и КБГУ.

О значении сохранения историко-культурного ландшафта.

Культурное пространство нашего общества формируется из историко-культурных ландшафтов регионов. В регионах же эти ландшафты связаны с конкретными историческими памятниками. Для каждого региона характерен и состав памятников и своеобразие культурно-исторических процессов, связанных с ними в прошлом и настоящем. В региональном историко-культурном ландшафте отражается уникальный исторический опыт людей, живущих на данной территории. Природно-экологическое пространство Кабардино-Балкарии связано с многочисленными археологическими и историко-архитектурными памятниками. Часть этих памятников к сожалению безвозвратно утрачены, часть сохранились на художественных фотографиях и в

полевых археологических отчетах. Значительной части существующих памятников угрожает разрушение в результате строительных работ, распашки полей и другой хозяйственной деятельности. В качестве примера практически утраченных памятников, определявших в древности культурный ландшафт Предкавказья, можно назвать каменные изваяния предскифского времени и более поздних эпох [Фоменко 2018: 19-22].

Интересно, что при грандиозных объемах застройки города Нальчика в предвоенные и особенно в послевоенные годы, отдельные курганы древних могильных полей сохранились до наших дней. Так чудом уцелел курган высотой около 3 м во дворе домов 7 и 7а по проспекту Ленина в юго-западной части Нальчика. Форма насыпи кургана (Рис. 5) позволяет относить его к эпохе бронзы (IV-II тыс. до н.э.).

Рис. 5. Курган эпохи бронзы в городе Нальчик.

Археологические памятники в Кабардино-Балкарии нуждаются во внимательном и бережном отношении. Каждый памятник должен иметь научно обоснованный паспорт с указанием границ. На всех историко-культурных объектах (повторимся) должны быть установовы надписи, информирующие местных жителей и гостей республики о том, что это памятники истории и культуры, которые охраняются государством. Работа в этом направлении только начинается.

О многих некогда величественных археологических объектах почти забыли. В частности, уже около полувека решается вопрос о воссоздании Нальчикской подкурганной гробницы, которая относится к числу уникальных памятников майкопской археологической культуры IV тыс. до н.э. Гробница была обнаружена в 1966 году при строительстве Дворца профсоюзов в районе «Горный». На стройплощадке находился курган высотой около 10 м. При попытке снести курган строители наткнулись на монументальную каменную гробницу (Рис. 6).

Рис. 6. Общий вид Нальчикской подкурганной гробницы.

В 1968-1969 годах археологи исследовали полуразрушенный курган и уникальное захоронение в гробнице. По всей вероятности, богатая могила принадлежала вождю древнего племени. Некоторые из каменных плит, составлявших стены гробницы, являются т. н. антропоморфными стелами. Часть плит покрыта геометрическим орнаментом [Чеченов 1973]. Находки из подкурганной гробницы, в том числе и антропоморфные каменные стелы из которых она была сложена, поступили в Национальный музей КБР с целью восстановления уникальной гробницы в её первоначальном виде, что, однако, не было сделано.

Рис. 7. Ученые-археологи Свенд Хансен (в центре) и Сабина Райнхольд (первая слева) в научном архиве Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (2012 г.).

Между тем, интерес к этому уникальному памятнику только возрастает. В 2012 году в Нальчике побывали ученые Свенд Хансен и Сабина Райнхольд (Рис. 7) из Германского археологического института [Belinskij et al. 2017]. Немецкие археологи познакомились с материалами Национального музея КБР и планировали издать в Германии полный каталог находок из Нальчикской подкурганной гробницы. Но соответствующие меры по увековечению данного памятника должны предпринять и ответственные за это структуры в самой республике. Для начала на месте расположения кургана с Нальчикской подкурганной гробницей у Дворца культуры в районе «Горный» можно было бы установить щит с информацией об этом уникальном памятнике. Такая практика хорошо известна. Например, в городе Майкопе на месте, где прежде находился знаменитый Майкопский курган, установлена еще в советское время стела-памятник с соответствующей надписью [Бгажноков, Фоменко 2017].

В перспективе некоторые археологические объекты Кабардино-Балкарии, утраченные полностью или частично, могут быть воссозданы в виде виртуальных экспозиций или даже музеев. Информация об устройстве кургана, самой Нальчикской гробницы, а также о находках из них достаточно полны для такой реконструкции.

Рис. 8. Вид на некрополь Атажукиных у селения Заюково в начале XX в.

Рис. 9. Вид сохранившегося участка некрополя Атажукиных (фото 2009 г.)

Не менее интересен и ценен практически полностью уничтоженный в довоенные годы некрополь Атажукиных у селения Заюково (Рис. 8, 9). Осуществив виртуальную реконструкцию хотя бы нескольких наиболее значительных исторических и археологических памятников, можно было бы воссоздать и общий историко-культурный ландшафт Кабардино-Балкарии XVIII в. или более ранних эпох.

Рис. 10. Открытие музейного «лабиринта» с копией Этокского изваяния на вершине горы Горячей в Пятигорске. Фото 2016 г.

Уникальное изваяние Дука-бек, несомненно являющееся символом местной истории, могло бы быть восстановлено в виде качественной копии. Вероятное место первоначального нахождения этого памятника у селения Этоко известно. Копия Дука-бека у реки Этока (на въезде на территорию Кабардино-Балкарии) была бы также уместна, как и недавно установленная на вершине горы Горячей в Пятигорске (Рис. 10).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев и др. 2004 – *Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С.* Древности Кисловодской котловины. – М.: Научный мир, 2004. – 249 с.

Багаев 2012 – *Багаев М.Х.* Древняя и средневековая Чечня в исследованиях археологов-кавказоведов. Хрестоматия. – Грозный: Арфа-Пресс, 2012. – 192 с.

Бгажноков, Фоменко 2016 – *Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А.* Курганы в окрестностях селения Урвань (предварительные итоги экспедиции КБИГИ 2016 г.) // Вестник Кабардино-

Балкарского института гуманитарных исследований. – Нальчик: КБИГИ, 2016. – Вып. 4 (31). – С. 15-32.

Бгажноков, Фоменко 2017 – *Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А.* Памятники древности и средневековья как фактор устойчивого развития культурного ландшафта г. Нальчика и его окрестностей // *Качество. Инновации. Образование.* 2017. – № 4 (143). – С. 44-50.

КБИГИ ... 2016 – *КБИГИ. 1926-2016: наука в лицах.* – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 194 с.

Коробов 2011 – *Коробов Д.С.* Основы геоинформатики в археологии: учебное пособие. – М.: Издательство МГУ, 2011. – 224 с.

Муратова 2017 – *Муратова Е.Г.* У истоков подготовки археологов в Кабардино-Балкарском государственном университете // *Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии.* – Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2017. – Т. 1. – С. 180-184.

Фоменко 2018 – *Фоменко В.А.* Изваяния предскифского времени из Кабардино-Пятигорья // *Общество: философия, история, культура.* – 2018. – Вып. 5. – С. 19-22.

Чеченов 1973 – *Чеченов И.М.* Нальчикская подкурганная гробница. – Нальчик: Эльбрус, 1973. – 68 с.

Belinskij et al. 2017 – *Belinskij A., Hansen S., Reinhold S.* The Great Kurgan from Nalčik. A Preliminary Report // *At the northern frontier of Near Eastern archaeology: recent research on Caucasia and Anatolia in the Bronze Age.* – Turnhout: Brespol, 2017. – P. 13-32.

REFERENCES

AFANASYEV G.E., SAVENKO S.N., KOROBOV D.S. *Drevnosti Kislovodskoj kotloviny* [Antiquities of the Kislovodsk depression]. – М.: Nauchnyj mir, 2004. – 249 p. (In Russian)

BAGAEV M.Kh. *Drevnyaya i srednevekovaya Chechnya v issledovaniyakh arkheologov-kavkazovedov. Khrestomatiya* [Ancient and medieval Chechnya in studies of Caucasian archeologists. Chrestomathy]. – Groznyj: Arfa-Press, 2012. – 192 p. (In Russian)

BELINSKIJ A., HANSEN S., REINHOLD S. The Great Kurgan from Nalčik. A Preliminary Report. IN: *At the northern frontier of Near Eastern archaeology: recent research on Caucasia and Anatolia in the Bronze Age.* – Turnhout: Brespol, 2017. – P. 13-32. (In English)

BGAZHNOKOV B.Kh., FOMENKO V.A. *Kurgany v okrestnostyakh seleniya Urvan (predvaritelnye itogi ehkspeditsii KBIGI 2016 g.)* [Kurgans in the vicinity of the village Urvan (preliminary results of the expedition of KBIGI 2016)] IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovanij.* – 2016. – Vol. 4 (31). – P. 15-32. (In Russian)

BGAZHNOKOV B.Kh., FOMENKO V.A. *Pamyatniki drevnosti i srednevekovia kak faktor ustojchivogo razvitiya kulturnogo landshafta g. Nalchika i ego okrestnostej* [Monuments of antiquity and the Middle Ages as a factor in the sustainable development of the cultural landscape of Nalchik and its environs]. IN: *Kachestvo. Innovatsii. Obrazovanie.* – 2017. – No 4 (143). – P. 44-50. (In Russian)

CHECHENOV I.M. *Nalchikskaya podkurgannaya grobnitsa* [Nalchik Undercurrent Tomb]. – Nalchik: Elbrus, 1973. – 68 p. (In Russian)

FOMENKO V.A. *Izvayaniya predskifskogo vremeni iz Kabardino-Pyatigoria* [Sculptures of pre-Scythian time from Kabardino-Pyatigorie]. IN: *Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kultura.* – 2018. – Iss. 5. – P. 19-22. (In Russian)

KBIGI. 1926-2016: nauka v litsakh [KBIGIHR. 1926-2016: science in the faces]. – Nalchik, 2016. – 194 p. (In Russian)

KOROBOV D.S. *Osnovy geoinformatiki v arkheologii: uchebnoe posobie* [Fundamentals of Geoinformatics in Archeology: textbook]. – М.: Izdatelstvo MGU, 2011. – 224 p. (In Russian)

MURATOVA E.G. *U istokov podgotovki arkheologov v Kabardino-Balkarskom gosudarstvennom universitete* [At the origins of the training of archaeologists at the Kabardino-Balkarian State University]. IN: *Paradigmy universitetskoj istorii i perspektivy universitetologii.* – Cheboksary: Izdatelskij dom «Sreda», 2017. – Vol. 1. – P. 180-184. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 82/821.35.0

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-161-169

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ВОСПРИЯТИЙ В ЛИРИКЕ
КАБАРДИНСКИХ ПОЭТОВ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ****А.Р. БОРОВА**

*ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: assbora@mail.ru*

Аннотация. Статья «Эволюция пространственных восприятий в лирике кабардинских поэтов советской эпохи» отмечена несколькими новационными моментами. Автор исследования предлагает свою версию пространственного восприятия в координатах фольклорного мышления – вопреки многочисленным исследованиям, посвященным топологическим моделям устного народного творчества, в статье утверждается и убедительно аргументируется положение о фактическом отсутствии пространства в фольклорных текстах в его физическом смысле. Также предложена весьма интересная версия развития топологических представлений советской кабардинской поэзии, в координатах которой исследователь вскрывает глубинные связи перцептивных ресурсов поэтического текста и характером восприятия пространства эстетическим сознанием этноса.

Ключевые слова: кабардинская поэзия; адыгский фольклор; пространственный континуум; топологическая модель; горизонталь; вертикаль; архетип; векторальный; плоскостной.

**EVOLUTION OF SPATIAL APTITUDE IN LYRICS OF THE SOVIET
ERA'S KABARDIAN POETS****A.R. BOROVA**

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State
University named H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Street, 173
E-mail: assbora@mail.ru*

Abstract. The article "Evolution of spatial aptitude in lyrics of the Soviet era's Kabardian poets" is pointed out by several innovative moments. The author of this research offers his version of spatial aptitude in the folklore thought's coordinates - the thesis on the absence of the space in the folklore texts physically is approved and strongly argued in this article contrary to numerous researches devoted to oral tradition's topological models. A very interesting version of the development of the Soviet Kabardian poetry's topological expositions, in the coordinates of which researcher reveals the poetic texts' deep connections of the perceptual resources and the character of space's perception by aesthetic consciousness of ethnos was offered too.

Keywords: Kabardian poetry; Adyghe`s folklore; spatial continuum; a topological model; horizontal; vertical; archetype; vectorial; plane.

Поэзия новописьменных народов на первых этапах развития характеризовалась тем, что топологическое строение их эстетического универсума в значительной степени опрощено и примитивно, оно попросту не предполагало формирования материализованного представления в любых системах пространственных координат по причине отсутствия таковых. Фольклор, ретикальные представления, точечный охват видимой или представляемой поверхности земли в эпосе чаще всего имеют вид уточнений координат предстоящего события: «Рыская по степи, он объездил Арык, // добрался до Хачабана...» [Нарты... 1974: 197], «... В низовьях Арыка разъезжая, // Седьмую лощину миновав...» [Нарты... 1974:211]. Иногда топология приобретает характер оценочных параметров героя, например: «...Ему знакомы пути по Тену, // По Псыжу – и того лучше...» [Нарты... 1974:258].

Крайне редко используется многократное перечисление топологических ориентиров, имеющее целью принципиальную локализацию эпического времени и пространства этноса, но в таких случаях акцент делается именно на хронологические границы этнического бытия [Нарты... 1974:280].

Аналогично используется топонимика в более поздних фольклорных формах, в песнях адыгов сохраняются традиционные схемы её использования и, следовательно, национальные пространственные модели остаются прежними, они имеют сугубо серверный характер и внедрение их в тексты преследуют те же задачи – это точечные ориентиры описываемого произошедшего, во-вторых – характеристика персонажа, и лишь в редких случаях – описание местности. Неизвестных сказителей привлекала событийная последовательность и эмоциональные состояния героя, поэтому топонимика в постэпической традиции если и встречается, то в связи с известными слушателям обстоятельствами, послужившими причиной появления песенного текста. Понятно, что в этих случаях традиционные эпические топонимы скрывают за собой конкретные места и объекты: «...(У) Сунжи родной, о горе, из тобылуга // У князя-дады сошки были. // Арыка родного, о горе, олени жирные // Для гостей князя-дады угощением были...» [Народные песни... 1990: 35] – «Арык» – пункт традиционно эпический, однако в данном тексте это – конкретный топоним, действительно находящийся в пределах площади, достаточно компактной для охвата событийной канвой, данной в песне. Перечисление знатных кабардинских фамилий и названий местности – «Цыбиловы», «Татархановы», «Татлостановы», «Муртазовы», «Татартуп» – дают понять, что дело происходит в Малой Кабарде, и даже единственная адресация к точке, лежащей вне очерченных границ, предполагает вполне реальное место – «Князя-уалия если я дочь знатная, // Хатакшоковым почему он меня не отдаст?» [Народные песни... 1990: 37].

Процесс вытеснения эпических топонимов реальными особо характеризует пласт песен, посвященных Русско-Кавказской войне [Унарокова

2004: 45]. Однако во всех случаях привлечения топонимических описаний, они имеют вид отдельных номинативов, обозначающих некое пространство вне текста – та же самая Малая Кабарда, например, но «внутри» произведения, для человека непосвященного, топонимические названия подобного рода являются разрозненными ориентирами, скорее – этапами изменения или подтверждения внутреннего состояния героев, чем ареалом их действия. В поздних фольклорных образцах топонимический элемент начинает играть более заметную роль, но, в основном, цельная ареальная протяженность не входит в сферу интересов безымянных авторов текстов, и любые пространственные ориентиры остаются в роли эскортных элементов.

Ароморфозные процессы, особенно усилившиеся с переходом адыгского общества в новые условия существования после 1917 года, оказали свое разрушительное воздействие на зачаточные топологические конструкции, свойственные национальному поэтическому мышлению. Видимое предпочтение условных эстетических представлений, тенденция фиксировать лирические состояния субъекта при посредстве отвлеченно-понятийных номинативов неизбежны в общественных системах, усматривающих в эстетическом идеологическое качество. Любой социум, в рамках которого категории прекрасного институируются потребностью канонизации определенных ценностных групп из общей ментальной массы, приходит не только к элитарным идеалам, но и к особым средствам выражения последних.

Это наблюдалось в творческих практиках трубадуров, в системе эстетических взглядов барокко и классицизма, в поэтике сентиментализма, в различных направлениях декаданса, и было на новом качественном уровне возрождено в рамках норм социалистического реализма. Упав на подготовленную почву настороженного отношения к культуре тонкой прослойки русской интеллигенции – фактического основателя национальной версии соцреализма М. Горького обвиняли даже в презрении к ней [Соловьев 1900: 242] – идеи, изначально воплощенные в ряде понятийных концептов типа «равенство», «интернационализм», «справедливость» и т.д., в конце-концов развились в особую разветвленную систему эстетических формант и операторов, в значительной степени отгородивших сознание автора и читателя от реального мира.

Еще в довоенной советской поэзии сформировалась парадигма условно-идиоматических выражений, посредством которой излагались практически любые идеи социализма и большевизма, существовавшие вне физического или физического подразумеваемого пространства. Социалистическая эстетическая догматика выстроила целый мир, в котором протяженность, линейные размеры и координаты оказались излишними. Единицей измерения, соположенной временному циклу, стали индифферентные по отношению к континууму вселенной состояния «коммунистической» души автора. Государство создавало особые связи с индивидуумом, стремясь подчинить и растворить его в себе. Речь шла о потере человеческой личности как таковой – вне реального или отраженного от реального универсума его замещала суррогатная сфера идеологических и морально-идеологических эвфемизмов.

Для новописьменных литератур ущербность пространственных представлений в «советской» поэтической традиции оборачивалась практически полным его отсутствием, что означало принципиальную невозможность воплощения этнических представлений в текстах. Алим Кешоков чётко осознавал необходимость совершенствования топологической картины мира. По всей видимости, этим были обусловлены его многочисленные попытки выхода за пределы традиционного ареала культурно-национальных координат. Особенно показательно стремление Кешокова к воссозданию иноэтнических топосов, отмеченное в исследованиях [Хежева 2004: 298].

Изначально кабардинский поэт «кроил» горизонтальную модель мироздания, так в национальном мышлении даже плоскость была условна. Постоянное обращение к выделяющимся ориентирам оставляло её незадействованной – пространство, фактически, отсутствовало, оно лишь обозначалось разрозненными точками. В этом смысле в высшей степени симптоматичным воспринимается тот факт, что топологические построения в ранних советских образцах – «чистые» пространственные картины – минимизируют континуум, представляют его крайне компактно: «...Царей престол // Рассыпается, // На большой поверхности земли // Наши глаза открылись...» [Антология... 1957: 142] – в буквальном переводе «поверхность земли» обозначена с помощью оборота «кожа головы», и это можно было бы считать случайной речевой флуктуацией, однако чуть ниже в этом же произведении Б. Пачев еще раз сужает объемы, приводя их к физически охватываемым размерам: «...Этот старый мир мы разрушили, // Новый построим, / собирайтесь! // Это наша комната (жильё)» [Антология... 1957: 143].

Ранняя советская кабардинская поэзия насыщена подобными образами: у того же Б. Пачева дислокация «бездельников» и «лентяев» подчёркнуто ограничена «базаром», [Антология... 1957: 145] «Кавказ» можно закрыть в «железный сундук» [Антология... 1957: 146], а у Али Шогенцукова земной шар совершенно закономерно может быть зажат «железными оковами» [Антология... 1957: 174]. Топологические форманты этого «компактного» типа генетически связаны с точечными, «ориентирными» пунктами словесной традиции и не создают функционально полноценного пространства даже в границах земной плоскости. Это была серьёзная проблема, решать которую Кешокову приходилось в условиях практически полного отсутствия традиции топологического восприятия в национальном фольклоре, опираясь, в основном, на собственный перцептивный опыт. Последнее возможно в силу того, что пространственные ощущения, самоидентификация индивидуума в Космосе тяготеет к уникальности и зависит от культурных навыков в меньшей степени, чем от врожденных особенностей восприятия [Кандинский 1992: 57].

Путь, избранный А. Кешоковым – использование плоскостных моделей, частично заимствованных у русской поэтической школы, одновременная модернизация пунктирно-ориентирных топологических матриц фольклора и расширение вертикальных элементов национального универсума в

полноценные детерминанты объема [Борова 2015]. Первичные пространственные модели кабардинского поэта представляли собой эволюционировавшие сочетания фольклорных схем «точечного» характера, в народном творчестве привязывавшие происходящее в тексте к тем или иным конкретным местностям.

У Кешокова традиционные ориентиры, находящиеся над горизонтом дислокации автора, всегда связаны с метами этого горизонта, писатель таким образом трансформирует пунктирное обозначение «внетекстового» ареала фольклорного события в поэтическое пространство реализации лирического переживания. Географическое значение переходит в эстетически-виртуальное, давая сознанию поэта тот континуум, который предполагает суггестивную состоятельность образа. Считаем возможным отметить – эта модель индивидуальных пространственных построений для Кешокова является первичной. До её формирования поэт ограничивался плоскостным моделированием, конструктивно не отличавшейся от «ориентирного» фольклорного представления с той лишь разницей, что он использовал описание векторального действия для создания горизонтальной пространственной связи между упоминаемыми объектам: «...Куда бы ты не пошёл, // Люди с улыбкой встречают. // Вот тот, мой сосед, сегодня вечером // Спешит выйти на ферму. // Грузовики друг за другом // На поле, к бригадам, вышли, // Самый молодой, никого не дожидаясь, // Оседлал велосипед [Кешоков 2004: 36] – расположенные на одном уровне «люди», «сосед», «ферма», «грузовики» – весь, без исключения, объектный набор произведения – связаны исключительно действием, и оно же превращает разрозненный ряд ориентиров в некую единую локацию, плоскость, на которой это действие имеет место быть. У Кешокова процессуальная направленность не ограничена масштабом перечисляемых объектов-ориентиров, в процитированных строках они охватывают и задают макропространство напрямую, но это же самое поэт может проделать в камерном режиме, не теряя, однако, ощущения больших протяженностей описываемого: «Ободок круглый, // Рососою богатый, // Цветёт всего годик. // От ветра он гнётся. // По зеленому этому полю//Всадник одинокий проскачет, // Несущийся по прямой гнедой весь в мыле... [Кешоков 2004: 39] – контраст между микромиром цветка и бесконечной «прямой» траекторией скачущего коня не задаёт, а лишь уточняет эмотивное содержание топологического образа. Сама плоскость земли, неопределенно большая площадь происходящего определяется до появления в поле зрения читателя всадника – ветер, сгибающий стебель одуванчика, вполне достаточен в этом смысле. Сам прием противопоставления и сочетания разномасштабного поэтического взгляда в одном топосе, организованном безграничным ветром, протяженностью пути всадника и растения, воспринимаемого даже не зрительно, а, скорее, тактильно, свидетельствует о полной эстетической освоенности горизонтальных плоскостей А. Кешоковым.

Но по своей сути подобная модель не могла удовлетворять кабардинского поэта – глагольные описания векторального действия по оси абсцисс попросту не формируют объем, а, следовательно, и не дают возможности полноценного

представления объектов. Стереотипы визуального восприятия Кешокова требовали глубины и высоты поэтического пространства. Тексты с вертикальными топологическими конструктами в довоенный период крайне редки у кабардинского поэта, сам характер оппозиции верха и низа, выстраиваемой в этих ранних стихах неопровержимо доказывает, что это была та рефлексивная область, в которой его опыт был ограничен.

Модернизированные Кешоковым высотные ориентиры фольклорного происхождения представляют его первичную индивидуальную модель объемного поэтического пространства. Это – всегда заданная тем или иным способом плоскость и лежащая вне её точка вертикальной оси. Такая конструкция вполне адекватна для поэтического представления, вышедшего за пределы денотативного выражения. Она удовлетворяет требованиям художественного мышления, находящегося в поиске этнического образа, но остающегося в границах условно-конвенциональной эстетики. Именно поэтому подобные топологические матрицы – их можно назвать «пирамидальными» – всегда совмещают элементы зримой конкретики, реальность деталей с поэтической идиоматикой общего плана: «Спрячьте слёзы! Возьмите своё оружие: // Враг злой вступил на нашу землю, // И окрасьте кровью врага свой порог, ... //... Великий Сосруко с Жан-Шерхом // Стоит на горе, сдвинув брови...» [Кешоков 2004: 56] – «наша земля», конечно, может расцениваться в качестве неинформативной эмблемы «советского» происхождения, но, подкрепленная «порогом, окрашенным кровью», она однозначно определяет горизонт поэтического универсума данного текста. «Сосруко» же, «стоящий на горе» – очевидная вершина пространственной пирамиды.

Следующей эволюционной модификацией топологических моделей Кешокова стала замена пункта обозначения вертикали на когнитивный центр текста. Говоря проще, выход за пределы горизонтальной плоскости обозначался координатами самого лирического субъекта. Пространственная позиция автора стала той точкой, которая ранее заполнялась другими поэтическими объектами. Перцептивный смысл подобной трансформации вполне понятен – ассоциация с описываемым в произведении объектом, координаты которого жестко определены, есть интерпретация поэтического пространства в качестве чего-то внешнего, лежащего вне личности создателя и этой личностью ограниченного. Поэтический универсум подобного типа всё еще искусственен, это та сцена, на которой автор выстраивает сюжет лирического переживания, сохраняя условность и конвенциональность предлагаемых картин.

Полная иллюзия реальности может быть достигнута в топосе, окружающем рефлектирующее сознание, и именно к этой топологической модели стремился Кешоков. Подвижность точки наблюдения позволяет ему совершенно по-новому осмысливать пространство и формировать его восприятие читателем: «На краю больших гор висит ледяная бурка, // Облака хватают их высокие головы (вершины), // Вода из-под горы течёт прямо, // Не теряясь в закоулках гор. // Не сворачивая при встрече с камнем, // Она прыгает прямо с горы, // Прыгает с гулом (с большим шумом) в ущелье, // Прыгает,

спеша к земле...» [Кешоков 2004: 128] – специфика топологической структуры текста в том, что она генерируется изменениями в позиции авторского взгляда. Первая презентация – и лёд на горах, и облака, и вершины подаются читателю с определенной точки. Вторая – «вода, текущая из-под горы». Она может, в принципе, обозреваться из этого же пункта. Но отследить её «в закоулках гор» возможно, лишь следуя за ней. И эта передислокация подтверждена следующей строкой – «не сворачивая при встрече с камнем». Резкая смена дистанции наблюдения одновременно ощущается как смена ракурса, что делает перцептивно закономерными дальнейшие переходы центра когниции по пространству произведения – «прыгает в ущелье» и так далее. Повторимся: главное, что возможно понять из анализа этого текста в границах интересующей нас проблемы – континуум стихотворения генерируется не поэтическими объектами, а дислокациями авторского «Я», находящегося внутри формируемого пространства.

Интерпозициональность рефлектирующего субъекта обусловила принципиально новые когнитивные ресурсы эстетического мышления Кешокова. Вариативность дистанции и угла рассмотрения объектов при нахождении в одном топосе с ними неизбежно повышало степень суггестивного воздействия на читателя, уровень перцептивной достоверности образов.

К концу 60-х годов прошлого века А. Кешоков окончательно выстроил свою систему пространственных представлений. Наиболее глубоким изменениям и радикальной модификации подверглась трактовка объема поэтического универсума, в особенности – фольклорный конструкт «вершинного» ориентира. У кабардинского поэта она развилась в центр эстетического отражения, свободно перемещающийся по различным уровням текстуального топоса. Вектор его зрения всегда диагонален, что, по всей видимости, стало восприниматься исследователями как общая черта адыгского мировосприятия [Тхагазитов 1996: 16]. Это видится совершенно логичным, ибо топологические модели Алима Кешокова и сегодня полностью актуальны, более того – пространственная рефлексия большинства современных кабардинских поэтов определяется первичной «пирамидальной» и экзопозиционной схемой, реализованной в текстах Кешокова еще в первые послевоенные десятилетия.

Как видно из нашего исследования уникальность пространственных представлений человека может зависеть от совершенно стохастических факторов, часть из которых вообще относится к сфере физиологических и анатомических патологий. Интерпретация содержания текста при этом заключается в поуровневой обработке содержащейся в нем информации, в ходе которой эстетическое восприятие обеспечивается строением архетипов высшего порядка [Толгуров 2004: 25], а тождественность последнего имеет конвенциональный характер [Кассирер 1996: 377], обеспечиваемый логическими операциями.

ЛИТЕРАТУРА

- Антология... 1957 – *Антология* кабардинской поэзии (на каб. яз.). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1957. – 339 с.
- Борова 2015 – *Борова А.Р.* Эстетические архетипы адыгской поэзии: генезис и межкультурный обмен. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 206 с.
- Кандинский 1992 – *Кандинский В.В.* О духовном в искусстве. – М.: Архимед, 1992. – 112 с.
- Кассирер 1996 – *Кассирер Э.* Познание и действительность (Понятие о субстанции и понятие о функции). – СПб.: Университетская книга&Алетейя, 1996. – 450 с.
- Кешоков 2004 – *Кешоков А.* Собрание сочинений: в 6-и т. Т.1. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 512 с.
- Народные песни... 1990 – *Народные песни* и инструментальные наигрыши адыгов: в 3-х т. Т. 3. Ч. 2: Героические величальные и плачевые песни / под ред. Е.В. Гиппиуса. – М.: Советский композитор, 1990. – 488 с.
- Нарты... 1974 – *Нарты.* Адыгский героический эпос / Сост. А.И. Алиева, А.М. Гутов, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев. Вступ. ст. А.Т. Шортанова. – М.: Наука, 1974. – 416 с.
- Соловьев 1900 – *Соловьев Е.А.* Очерки текущей русской литературы // Жизнь. – 1900. – № 8. – С. 240-246.
- Толгуров 2004 – *Толгуров Т.З.* Эволюция тканевых образных структур в новописьменных поэтических системах Северного Кавказа. – Нальчик: Эль-Фа. 2004. – 284 с.
- Тхагазитов 1996 – *Тхагазитов Ю.М.* Эволюция художественного сознания адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 256 с.
- Унарокова 2004 – *Унарокова Р.Б.* Песенная культура адыгов. Эстетико-информационный аспект. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 216 с.
- Хежева 2004 – *Хежева Л.Х.* Национальные элементы в военной лирике А. Кешокова // Вестник Института гуманитарных исследований КБР и КБНЦ РАН. – 2004. – Вып. 11. – С. 298-299.

REFERENCES

- Antologiya kabardinskoi poezii* [Anthology of Kabardian poetry]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izd-vo, 1957. – 339 p. (In Kabardian)
- BOROVA A.R. *Esteticheskie arkhetipy adygskoj poezii: genезis i mezhkul'turnyi obmen* [Aesthetic archetypes of adyg poetry: genesis and intercultural exchange]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2015. – 206 p. (In Russian)
- KANDINSKII V.V. *O dukhovnom v iskusstve* [Concerning the Spiritual in Art]. – M.: Arkhimed, 1992. – 112 p. (In Russian)
- KASSIRER E. *Poznanie i deistvitel'nost' (Ponyatie o substantsii i ponyatie o funktsii)* [Cognition and reality (The concept of substance and the concept of function)]. – SPb.: Universitetskaya kniga&Aleteiya, 1996. – 450 p. (In Russian)
- KESHOKOV A. *Sobranie sochinenii: v 6-i t. T.1* [Complete works: in 6 vols. Vol. 1]. – Nal'chik: El'brus, 2004. – 512 p. (In Russian)
- KHEZHEVA L.Kh. *Natsional'nye elementy v voennoi lirike A. Keshokova* [National elements in the military lyrics of A. Keshokov]. IN: Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy KBR i KBNTs RAN. – 2004. – Iss. 11. – P. 298-299. (In Russian)
- Narodnye pesni i instrumental'nye naigrыshi adygov: v 3-kh t. T. 3. Ch. 2: Geroicheskie velichal'nye i plachevye pesni / pod red. E.V. Gippiusa* [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians: in 3 vols. Vol. 3. Part 2: Heroic glorifying and crying songs / Ed. by E.V. Gippius]. – M.: Sovetskii kompozitor, 1990. – 488 p. (In Russian)
- Narty. Adygskaa geroicheskii epос / Sost. A.I. Alieva, A.M. Gutov, A.M. Gadagatl', Z.P. Kardangushev. Vstup. st. A.T. Shortanova* [Narts. Adyg heroic epic / Ed. by A.I. Alieva, A.M.

Gutov, A.M. Gadagatl', Z.P. Kardangushev. Intr. A.T. Shortanov]. – M.: Nauka, 1974. – 416 p. (In Russian)

SOLOV'EV E.A. *Ocherki tekushchei russkoi literatury* [Essays on current Russian literature]. IN: *Zhizn'*. – 1900. – No 8. – P. 240-246. (In Russian)

ТКХАГАЗИТОВ Ю.М. *Evolyutsiya khudozhestvennogo soznaniya adygov* [The evolution of the artistic consciousness of the adygs]. – Nal'chik: El'brus, 1996. – 256 p. (In Russian)

TOLGUROV T.Z. *Evolyutsiya tkanevykh obraznykh struktur v novopis'mennykh poeticheskikh sistemakh Severnogo Kavkaza* [The evolution of tissue image structures in the new-written poetic systems of the North Caucasus]. – Nal'chik: El'-Fa. 2004. – 284 p. (In Russian)

UNAROKOVA R.B. *Pesennaya kul'tura adygov. Estetiko-informatsionnyi aspekt* [Song culture of the adygs. Aesthetic and informational aspect]. – M.: IMLI RAN, 2004. – 216 p. (In Russian)

УДК 82-14

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-170-181

**КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ ПОЭЗИЯ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА: ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ****Р.А. КЕРИМОВА**

*Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: k.roza07@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается феномен современной карачаево-балкарской поэзии конца XX – начала XXI в. Исследование проводится на основе произведений поэтов, чья творческая зрелость пришлась на постперестроечную эпоху, и новейшей генерации художников слова, вступивших в литературный процесс на стыке XX-XXI вв. По мнению автора, анализ двух поколений дает возможность отчетливее проследить специфику взаимосвязей преемственности и новаторства, характер эволюции и перспективы развития художественного сознания в литературном регионе. В работе рассмотрены ключевые художественно-эстетические компоненты и систематизированы наиболее яркие и значимые художественные результаты. Также раскрыты этико-смысловая иерархия, этнокультурные истоки и ценностно-ориентационные доминанты в содержании и проблематике произведений. На основе анализа стихотворных текстов означенных авторов делается попытка воспроизведения целостной картины современной карачаево-балкарской поэтической мысли.

Ключевые слова: карачаево-балкарская новейшая поэзия; авторское самосознание; этнокультурное своеобразие; литературный процесс.

**KARACHAY-BALKAR POETRY OF THE END OF THE 20th – BEGINNING
OF THE 21th CENTURY: TRENDS AND FEATURES****R.A. KERIMOVA**

*The Institute for Humanitarian Researches of the Kabardino-Balkar scientific center of the Russian
Academy of Sciences
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: k.roza07@mail.ru*

Abstract. The article deals with the phenomenon of modern Karachay-Balkarian poetry of the end 20th – beginning 21th century. The study is based on the works of poets, whose creative maturity came in the post-perestroika era, and the latest generation of the word artists who entered the literary process at the junction of the 20th -21th centuries. According to the author, the analysis of two generations makes it possible to more clearly trace the specifics of the relationship of continuity and innovation, the nature of evolution and the prospects for the development of artistic consciousness in the literary region. The paper discusses the key artistic and aesthetic components and systematizes the most vivid and significant artistic results. The ethical-semantic hierarchy, ethnocultural sources and value-orientation dominants in the content and issues of the works are

also disclosed. Based on the analysis of the poetic texts of the above authors, an attempt is made to reproduce the holistic picture of the modern Karachay-Balkarian poetic thought.

Keywords: Karachay-Balkar modern poetry; author's identity; ethnocultural originality; literary process.

В связи с глобальными сдвигами в идеолого-политической и духовно-ценностной сферах жизни общества одной из актуальных задач литературоведения является исследование творчества современного поколения поэтов. Нами сделана выборка авторов, произведения которых, по нашему мнению, отражают основные тенденции и особенности современной поэзии региона.

Исследование осуществлено на основе анализа стихотворных сборников поэтов, вступивших в литературный процесс в конце 80-х годов: Артура Баккуева, Любы Ахматовой, Жаухар Локьяевой, Айшат Куцетеровой, и новейшей генерации поэтов: Шамиля Узденова, Амины Газаевой, Науруза Байрамкулова, Дианы Рахаевой, Исмаила Байтуганова, а также учитывая сборник произведений молодых авторов «Тейри кылыч» (Радуга) и выпуски литературно-художественного журнала «Минги тау».

Говоря о современной художественной культуре XXI века, важно отметить, что изменился процесс личностного и творческого созревания. Это связано с адаптацией информационных и коммуникационных технологий в обществе. И здесь речь идет не только о трансформации мировосприятия, но и о формировании новой модели социализации автора, которая происходит через интернет-сайты («Стихи.ру», «Эльбрусоид» и т.д.). Образуя некую коммуникативную среду, подобные сайты предоставляют дебютантам возможность свободной публикации.

Рассуждая о тенденциях северокавказской словесности, можно утверждать, что понятие «национальный характер» до сих пор актуально в авторском самосознании, которое включает в себя дефиницию поиска смысла жизни и духовно-нравственных ценностей в обществе [Султанов 2001]. Они пытаются сохранить этнокультурное ядро, противостоять процессам ассимиляции.

В данном случае сложно не согласиться с утверждением Н. Понариной о том, что ««культурный империализм» неизбежно вызывает ответную реакцию – повышенную потребность в самоутверждении, сохранении основных элементов своей национальной картины мира и образа жизни» [Понарина 2012: 13].

Актуализация гибких синтетических форм в художественном тексте не отразилась в произведениях молодых карачаево-балкарских авторов – здесь превалирует ориентация на национальную художественную традицию. Большая часть произведений посвящена малой родине, ее природным ландшафтам, родительскому дому: Д. Рахаева «Бызынги череги» (Безенгийская речка), «Бойсунмайдыла таула» (Не покоряются горы), «Миллет деген уланлагъа» (Сыновьям народа), «Миллетин сатханлагъа» (Предавшим свой

народ); Л. Ахматова «Элим» (Мое село), «Таулу кийиз» (Балкарский войлочный ковер); А. Баккуев «Хабазчыла» (Жители Хабаза), «Жаннет» (Рай), «Алты...» (Шесть); И. Байтуганов «Миллетим» (Моя нация), «Таулула» (Балкарцы), А. Шамиль «Аурууладан кьутулуу» (Исцеление от болезней), А. Куцетерова «Ата сёз» (Наставления отца).

Так, произведениям Д. Рахоевой присуща поэтика, насыщенная национальным колоритом. Одно из таких стихотворений – «Жаннет жери» (Райское место):

Ариулугъу туугъан жерими
Къаматады кёзлерими.
Къаяла кёкге жете,
Келгенле сейир эте!
Нарт таула сюеледиле,
Батырлыкъ да бередице!
Бийик чучхурладан саркъадыла
Таза тау суулары! [Рахоева 2014: 34].

Красота родного края
Ослепляет мои глаза.
Величественные горы
Удивляют взоры!
Нартские (богатырские) горы стоят,
Храбростью наделяя!
И с высоких водопадов льется чистая
Горная вода!
(Подстрочные переводы здесь и далее наши. – Р К.).

Желание выразить дух своего народа, искренне прочувствовать его судьбу и воссоздать в эмоционально ярких и впечатляющих образах все личностные ощущения характерно для лирики молодой балкарской поэтессы А. Газаевой, о чем она и повествует в стихотворении «Туугъан жерим...» (Родной край...):

Туугъан жерим,
хар жарангы
Алыр эдим
кесиме,
санга келген
хар хатаны
бурур эдим
юсюме [Газаева 2015: 11].

Родная земля,
каждую рану твою
Я готова взять на себя,
Все беды, которые пришлось тебе познать

испытала бы сама.

В поэтической картине мира, система авторского идеала обусловлена национально-художественным мышлением и этноаксиологическим вектором нравственно-этической тематики (дом/родина, народные традиции). Отмеченные факторы в сочетании с символической образностью, жанровой и стилевой стратегией играют важную роль в создании художественного целого в стихотворном тексте современных мастеров слова.

В этом же ключе раскрывается тема родного края в творчестве карачаевского поэта Н. Байрамкулова. В стихотворении «Тыш джерде» (На чужбине) лирический герой олицетворяет собой современника, который стремится к сохранению исторического и культурного наследия своего народа. Н. Байрамкулов моделирует образ горца-романтика, который находится на чужбине:

Шош джангызлыкь джесир этиб ангымы,
Тансыкъ болуб, тау макъамгъа тынгылай.
Ма, атдырдым энтда мен бир тангымы,
Узакъдады Ата Джуртум – Къарачай... [Байрамкулов 2012: 204].

Тихое одиночество взяло в плен мое сознание,
Скучая по мелодии гор.
Вот и рассвет я встретил снова,
Далеко ты от меня Отечество – мой Карачай...

Национальные поэты акцентируют внимание на духовно-нравственных ценностях народа. Так, в стихотворении карачаевской поэтессы А. Куцетеровой «Ата сёз» (Наставление отца) раскрывается тема моральных установок и ориентиров, выступающих в качестве идеала/эталона взаимоотношений в обществе: //Къартны сыйын кёре билген/, Айтханына да эс бёлген/, Къыйын жолда да абынмаз//, Тап, абынса да, жыгъылмаз// [Куцетерова 2017: 219]. //Умеющий проявлять уважение (почитающий) старшему/, Внимая его словам/, Не споткнется в тяжелой дороге,/ А если даже споткнется, то не упадет//. Развитие этой же темы мы находим в произведении Ш. Узденова «Атамы айтыуу» (Поговорка отца). В своих стихотворениях авторы выражают своеобразие этнической психологии карачаево-балкарского народа и особенности национального художественного мышления при помощи фольклорной лексики: *адет, намыс (обычай/традиции, нормы поведения)*. В обществе, где угасают народные традиции, утрачивают свою незыблемость национальные основы бытия, важно прислушаться к совету старших, слова которых заключают в себе мудрость и опыт предков. Именно эти мысли определяют этноценностную семантику названных произведений.

Особую актуальность в карачаево-балкарской поэзии представляет в плане новаторства гендерный аспект персонификации лирического героя. Безусловно, ведущее место среди актуальных тем, волнующих женщин-поэтов, занимает мир интимных чувств. Специфика современной женской поэзии

характеризуется двумя моделями художественного выражения. Первая отличается более простой формой, ориентированной в пределах народной образности, которая актуальна в творчестве молодых авторов до тридцати лет. К ней можно отнести произведения Д. Рахасовой «Адам былай сюемиди адамны» (Разве может кто-то так любить), «Сюйме дедим...» (Не люби, сказала), А. Газаевой «Неге керекди сюерге?...» (Для чего нужно любить?), «Жауун тюбинде сюеле эдик биз...» (Мы под ливнем стояли вдвоем...). Лирическая героиня в произведениях молодых поэтов не драматизирует свои ощущения, ее переживания не отмечаются глубоким трагизмом, они характеризуются легкой печалью и сожалением, вызванными несбывшимися надеждами.

Вторая модель развития любовной лирики представлена поэтами старшего поколения. В основе ее – философское осмысление любовных переживаний, которое со временем приобретает форму цикличности и характеризуется тупиковой ситуацией в отношениях. Более эмоциональное развитие чувств мы находим в произведениях А. Куштеровой, Л. Ахматовой, Ж. Локьяевой. Их стихи – это размышления лирической героини, потаенный мир ее души, слегка приоткрывающийся перед читателем. Так, рассматривая любовную лирику А. Куштеровой, можно выявить схожие черты с лирикой Т. Зумакуловой, Х. Байрамуковой, Ш. Богатыревой, но вместе с тем она остается самобытной. Философские размышления героини с частыми обращениями к Богу, упоминаниями о божьем промысле и человеческой судьбе, где любовь не изображается безмятежно и идиллически, а в основном сопряжена с болью разлуки и одиночеством («Жюрекден жюрекеге жол кысхады» (Путь от сердца к сердцу не далёк). «Одиночество в любви» становится для автора одиночеством души. Подобное восприятие этого чувства прослеживается и в стихотворениях Л. Ахматовой и Ж. Локьяевой. Несмотря на то, что их творчество зарождалось в годы перестройки, героини не озабочены проблемами социального характера. В основе их произведений – тихие раздумья о счастье любви и горечи разлуки. Мотивы одиночества в поэзии Л. Ахматовой образуют цикл стихотворений. Слово *къадар* (судьба) часто повторяется в ее любовной лирике. Автор чувствует некую безысходность и слабость перед судьбой и смиренно принимает то, что предначертано свыше: //Бар. Баргъан – насып табар/ Чыкъ жолгъа, манга ышар да./ Жилямукъ тыяр мадар а/ Энди табалмам... [Ахматова 2013: 33] //Уходи. Иди – и найдешь ты счастье.../ Выходи на дорогу, улыбнись мне напоследок./ Нет больше сил у меня, чтобы сдержать слезы//. В галерее женских образов любовной лирики Ж. Локьяевой, героиня узнаваема сетованиями на судьбу и трепетным ожиданием счастья: «Насыплыма дедим, гюл чакъды тегерек, /Хычыуун тюшюмден тюшюм тёнгереп. / Кьолум кьолунгда, табалмадым жылыу, / Умутха кьууандым, жазылмады жазыу» [Локьяева 2012: 192] // Когда я сказала, что счастлива, вокруг расцвели цветы, / Выпала я из сна своего./ Рука моя в твоей руке, не согрелась,/ Обрадовалась своей надежде, но не предписано судьбой//. Но в целом любовная поэзия характеризуется традиционными представлениями карачаево-балкарцев о ценностях и нормах морали.

В творчестве современных карачаево-балкарских авторов активно развивается философская рефлексия, которая основана на метафорически-ассоциативном восприятии. И здесь важен не детально-описательный момент, а само переживание, которое изображается с помощью разнообразных стилистических приемов:

Къыш бузла, келню кепке жыйгъанча,
 Жангызлыкъ кючлейди адамны.
 Жан алыучу къанатын жайгъанча,
 Сууута жюрекледен къанны [Кушкетерова 2017: 220]

Словно озеро, покрывшееся льдом,
 Одиночество захватывает (пересиливает) человека.
 Будто ангел смерти, раскинувший крыло,
 Остужает кровь в сердцах.

Особое место в современной карачаево-балкарской поэзии занимает пейзажная лирика, в которой наблюдается актуализация художественного приема – олицетворения (Д. Рахаева «Жангы терекле» («Новые (молодые) деревья»), И. Байрамкулов «Толгъан ай» («Полная луна»), А. Газаева «Ай жарыкъ кече» («Светлая ночь»). Молодые поэты искусно изображают психологическое состояние души героя, при этом используя методику диалектического осмысления связи между человеком и природой. От символического восприятия ландшафта происходит переход к синтезу взаимодействия человека и природы. Душевные «надломы» и смятение лирического героя, смена времен года – все это показатель «переключения» эмоционального состояния автора. Так, в стихотворении Л. Ахматовой «Кюз» (Осень) осень является порой грусти и печали для поэта, временем раздумий над проблемами бытия:

Мени жюрегим а кюзге табынады,
 Кюзню уа бир азды нюрю, жарыгъы.
 Жарсыу да, жану да элпек табылады, –
 Жауун да жиляр, жашаудан тарыгъып [Ахматова 2013: 19].

Сердце мое – поклонница осени,
 Но осень темна, не светла.
 Беды и печали вдоволь нас находят, –
 Иногда и дождь плачет, жалуясь на жизнь.

Героиня очарована красотой осеннего пейзажа, но ее задача – не просто передать таинственность этого периода года, она видит неразрывную связь природы с человеческой душой, поэтому у нее *дождь плачет; лист тревожно поворачивается, царапая воздух; горы в печальных раздумьях* и т.д. [Керимова 2018: 259].

Использование приемов одушевления, персонификации вещного мира часто встречается и в лирике Н. Байрамкулова. В стихотворении «Толурму

тилегим?» (Исполнится ли моя мечта?) перед читателем предстает романтический герой, раскрывающий свой мир интимных эмоций и переживаний в элегической тональности: /Кёгде нюр джудуз, айтсанг а, меннге, / Нек кюйюб барад джюрегим?// [Байрамкулов 2012: 169] (На небе лучезарная звезда, скажи мне, / Почему так сердце у меня горит?).

В творчестве молодого поколения авторов наблюдается усиление интереса к национальной картине мира. Современная карачаево-балкарская поэзия характеризуется частым обращением к «собственным корням», ее истории (в частности, к теме депортации), культуре, обычаям и традициям, меньше внимания уделяется глобальным социальным проблемам действительности и изображению исторических событий (к примеру, тема Великой Отечественной войны).

В связи с эволюцией гражданского самосознания и актуализацией патриотизма в авторском мировосприятии особую значимость приобретает тема депортации. Насильственное выселение карачаевского и балкарского народов по национальному признаку до сих пор является одной из самых животрепещущих тем в современной поэзии региона.

Известно, что в годы депортации у писателей не было права на художественное самовыражение, поэтому классики национальной литературы часто прибегали к использованию «зашифрованного языка» (К. Кулиев «Мараучула» (Охотники, стрелки), «Къаядагы гокка хансха» (Цветку на горе), К. Отаров «Къарт атала жери» (Земля моих отцов), Х. Байрамукова «Статуя голой девочки» и т.д.). Исследователь Манджиев Н.Ц. справедливо отмечает, что «истинная трагедия в произведениях оставалась за кадром – ощущение ее порождалось общим читательским впечатлением, выражалось особым тоном, настроенностью, общим смыслом произведения» [Манджиев 2005: 10].

Молодые авторы демонстрируют новый взгляд в осмыслении истории и культуры, внося собственные акценты и отражая особенности своего восприятия жизни. Изменились не только общие представления о литературе советского периода, но и сама авторская концепция в отношении господствующей идеологии того времени. На фоне этого происходит трансформация формы художественного изображения человека в трагических обстоятельствах.

В произведениях современных поэтов эта тема раскрывается не детально, они не используют метафорические переносы, как их предшественники. Их внимание сосредоточено не на изображении одного или нескольких героев – они создают обобщенный образ народа в лице одного представителя нации, наделяя его присущими этносу характерными чертами.

В основе этих произведений – любовь к родному краю, осуждение факта антигуманности в отношении репрессированных народов и абсурдность выселения по национальному признаку.

В сборник стихов И. Байтуганова «Атламла» (Шаги) (2016) вошли стихотворения, посвященные насильственному выселению балкарского народа («Таулула» (Балкарцы), «Таулу халкъым» (Мой народ), «Таулу халкъым» (Мой народ), «Миллетим» (Моя нация) и т. д.). Мотивы стойкости духа напряженно

звучат в лирике молодого поэта: //...Садакъя юйренмеген,/ Аман ишге тюзелмеген,/ Къазах, къыргъыз жерлеринден/ Къайтып келген эллерине// [Байтуганов 2016: 17]. (//Не привыкший просить милостыню,/ К плохим делам не приученный,/ Вернувшийся в свои села с казахских, киргизских земель//). Произведения созданы в форме диалога и обращения. Художественное осмысление данной темы мы также находим в творчестве ряда авторов: А. Газаевой «Къыйналгъанды халкъым» (Много бед испытал мой народ), Д. Рахаевой «Миллетим сынагъан къыйынлыкъ» (Беда, постигшая мой народ), А. Баккуева «Алам башы-Малкъарым» (Центр моей вселенной – Балкария).

В них авторы апеллируют к исторической и духовной памяти, общечеловеческие идеи и ценности проповедуются сквозь призму национального самосознания.

Современные поэты могут более открыто рассуждать о своих переживаниях, вызванных различными факторами. И нельзя отрицать тот факт, что поэзия их старших коллег по перу была более «сдержанной».

Обогащение художественно-тематического диапазона обусловлено обновлением поэтического языка современным мировидением, лирическим мироощущением. Эволюция авторского самосознания характеризуется актуализацией таких тематических линий, как одиночество, смерть, проблемы бытия, поиски своего «я». Все это свидетельствует о синтезе инновационного и традиционного. Для молодых поэтов остаются актуальными так называемые вечные темы, но в осмысление которых они вносят собственные акценты, отражающие особенности их восприятия жизни. Вместе с тем появляются и новые темы. Так, И. Байтуганов свое стихотворение «Халкъымы жангырую кюню» (День возрождения моего народа) посвятил национальному балкарскому празднику, Ш. Аппаев в произведении «Аракъы бла ушакъ» (Беседа с алкоголем) выражает свою озабоченность проблемой психологической зависимости, Н. Байрамкулов в стихотворении «Бюгюнню суратлары» (Портрет современности) затрагивает проблему молодого поколения, которое отличается, по словам автора, нетерпимостью друг к другу, и т.д.

Социально-экономическая трансформация в стране повлекла за собой идеологическое размежевание в среде деятелей литературы и «сжатие» тематического «ареала» в художественной картине. В ней уже нет той масштабности, которая была актуальна в произведениях мастеров слова советского периода. Опираясь на эстетический опыт предшественников, новое поколение поэтов весьма далеко от проблем, так остро волновавших их старших собратьев по перу. Радикальные преобразования, потеря идеологического ориентира, переоценка ценностей в художественном сознании внесли в литературную атмосферу страны иное восприятие жизни. В произведениях стихотворцев того периода все еще присутствовала та масштабность в проблемно-тематическом плане, которая охватывала события, происходящие в стране, да и вообще в мире целом. Неравнодушные мастера слова с помощью стихов выражали свою жизненную позицию, открыто выступая против существующей политической системы.

Ярким примером такой аргументации является творчество балкарского поэта А. Баккуева, чья деятельность зарождалась в годы перестройки. В его сборник стихотворений «Таула татыуу» (Очарованность горами) (2007) вошли произведения разных лет, и многие из которых насыщены социальным содержанием, их основной идеей является критическая оценка социально-политической ситуации, а также озабоченность будущим страны. В стихотворении «Тюп болду кьыралым» (Крах моей страны) Баккуев повествует о конкретном политическом событии 1991 г. Печаль и грусть вызывают у автора не только процессы, в результате которых огромная держава распалась, но и потеря нравственных, политических, идеологических ориентиров, которая привела к деформации ценностных установок. Происходящие изменения беспокоят поэта, ему как патриоту было тяжело смириться с современной реальностью. В его произведениях создается карикатурный образ «демократии», при характеристике идеалов которой автор обращается к приемам острой сатиры и сарказма: «Чапдым ёрге, энишге, Кирейим деп бир ишге» [Баккуев 2007: 44] (Суетился, старался Устроиться на работу).

Анализируя произведения А. Баккуева, хотелось бы отметить выявляющуюся в его поэзии четкую ориентацию на творчество балкарского классика К.Ш. Кулиева. Влияние кулиевской поэтики обнаруживается в таких его стихотворениях, как «И деревья погибли...», «Разбуди меня, поэзия...», которые схожи с кулиевскими «Говорю с поэзией», «Спилили дерево, оно свалилось...». Но это не ставит под сомнение индивидуальность автора – напротив, данная закономерность является естественной для новой генерации поэтов, которые во все времена будут обращаться к наследию К.Ш. Кулиева. Поэт преклоняется перед творчеством своего предшественника, и в его сборнике много стихов-посвящений ему («Къайсын», «Къайсынны орамы» (Улица К. Кулиева) и т.д.).

Конец XX века характеризуется процессом актуализации религиозного мировоззрения в регионе. Укрепление позиций ислама в формировании национального самосознания повлияло на развитие данного аспекта в творчестве карачаево-балкарских поэтов. Эта тенденция обусловлена стремлением противостоять новым ценностным ориентациям, которые постепенно укореняются в российском обществе.

В связи с этим в карачаево-балкарской поэзии XXI века наблюдается «смешение» поэтических жанров, размывание их границ, взаимопроникновение и взаимообогащение. Это связано с тем, что эволюция жанровой формы не носит ограниченный характер, но и не предполагает формирование нового жанра. Таким образом «смешение» определяется возможностью дополнения традиционного ядра жанровой конструкции другими разновидностями поэтического жанра. «Смешение» форм мы можем наблюдать в развитии такого жанра, как *тилек* (молитва). Характеризуется он адаптацией религиозного компонента в любовной лирике: у Л. Ахматовой «Энтта бир тилек» (Еще одна молитва), у Н. Байрамкулова «Толурму мени тилегим?» (Исполнятся ли мои молитвы?), у А. Газаевой «Хау, жаным, хау...» (Да, душа моя, да), у Д. Рахаевой «Тасха кьыйналыуларым» (Переживания от потерь). В

своих стихотворениях авторы повествуют, о том, что исход человеческой судьбы зависит от Бога, и разрешение житейских проблем они находят в обращении к нему с просьбой о даровании прекрасного будущего. Также отмечается тенденция к возрастанию религиозного компонента в гражданской лирике, а именно, в произведениях, посвященных топосу малой Родины и проблемам национального характера. Подобное можно найти в творчестве Д. Рахаевой «Жаннет жери» (Райское место), Н. Байрамкулова «Джашау джолда» (Дорога жизни), Л. Ахматовой «Сангырау кёкде жюзеди...» (В глухом небе плывет...), И. Байтуганова «Неге керекди ол бизге?» (Для чего нам это надо?), А. Баккуева «Къайтырса» (Вернешься), «Жаз баши келди...» (Весна пришла...) и т.д.

В основе этих произведений – обращение мастеров слова к Всевышнему Творцу с мольбой о сохранении и процветании своей нации, при этом авторы уверенно оперируют религиозной лексикой: *Аллах, жаннет (рай), къыбла (кибла), дуа (молитва), иман (вера)*.

В современной карачаево-балкарской поэзии указанного периода актуализируются такие жанры, как *миниатюра* (А. Газаевой «Келди, келди...» (Пришел, ушел...), И. Байтуганова «Таула...» (Горы), А. Баккуева (Поэзия), Н. Байрамкулова «Заман» (Время)) и *юмористическая* форма стиха, которая активно развивается в творчестве молодого карачаевского стихотворца Ш. Узденова «Сандыракъны джыры» (Песня болтуна), «Сандыракъгъа сёзюм» (Послание болтуну).

Резюмируя сказанное, можно отметить, что современная карачаево-балкарская поэзия аккумулирует в себе ценный социокультурный опыт нескольких поколений. Вместе с тем нами выявлены некоторые отличия между творчеством авторов перестроечного периода и их молодыми собратьями по перу. Поэтов советского времени тревожили такие проблемы, как потеря идеологии, пороки советской системы, страх за будущее страны. Молодых авторов волнуют проблемы, касающиеся сугубо родного края, они акцентируют внимание на вопросах сохранения национальной идентичности (языка, традиций и т.д.). Стремление отстоять свои внутренние компоненты, такие как культура, традиции, религия, вызвано необходимостью противостоять процессу глобализации.

Образы дома, родного края (Балкария и Карачай) являются сквозными в поэзии современных карачаево-балкарских мастеров слова.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в творчестве молодых поэтов, как и у их предшественников, отмечается тенденция к актуализации нравственной проблематики.

В поэтическом дискурсе новейшей генерации поэтов доминирует патриотическая тематика. Конечно, она не носит масштабный характер, и данный феномен связан, на наш взгляд, с определенными трансформациями и кризисом в общественной жизни, которые привели к усилению интереса к топосу малой Родины и проблемам национального характера. Но при этом не остаются без внимания и другие темы (гражданская, пейзажная, философская, любовная лирика). Вместе с тем в произведениях современных карачаево-

балкарских мастеров слова выявляются некоторые черты постмодернистского мировосприятия: обращенность поэтической рефлексии на внутренний мир, новомодные речевые обороты. Более наглядно они проявляются в творчестве авторов-билингвов, а именно: в произведениях, созданных на русском языке (А. Куцетерова «Неожиданно», А. Баккуев «Случай», Н. Байрамкулов «Некролог идеализма» и т.д.). И было бы странным полное отсутствие данного феномена в национальной поэзии, так как она является частью общероссийской культуры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ахматова 2013 – *Ахматова Л.Ч.* Тилек (Молитва). Стихи. – Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 2013. – 152 с.

Баккуев 2007 – *Баккуев А.И.* Таула татыу (Очарованность горами). Стихотворения. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 128 с.

Байтуганов 2016 – *Байтуганов И.Р.* Атламла (Шаги). Стихи. – Нальчик: ЧП «Полиграфия», 2016. – 70 с.

Газаева 2015 – *Газаева А.Х.* Барама кёпюрге (Иду к мосту). Стихотворения. – Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 2015. – 136 с.

Керимова 2018 – *Керимова Р.А.* Лирика Л. Ахматовой в контексте развития новейшей карачаево-балкарской поэзии // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – 2018. – №6-2. – С. 257-261.

Куцетерова 2017 – *Куцетерова А.* Назмула (Поэзия) // *Минги тау (Эльбрус).* – 2017. – № 1 (191) январь-февраль. – С. 218-222.

Локьяева 2012 – *Локьяева Ж.* Назмула (Поэзия) // *Минги тау (Эльбрус).* №4 (164). – Нальчик. – 2012. – С. 188-192.

Манджиев 2005 – *Манджиев Н.Ц.* Калмыцкая проза о депортации: Концепция человека. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Элиста. 2005. – 19 с.

Понарина 2014 – *Понарина Н.Н.* Глобализация и проблемы культуры // *Общество: Философия, история, культура.* – 2012. – №1. – С. 11-14.

Рахаева 2014 – *Рахаева Д.Т.* Къадарны этегинде (На краю у судьбы). Стихи. – Нальчик: Изд-во М и В. Котляровых, 2014. – 164 с.

Султанов 2001 – *Султанов К.К.* Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. – Москва: ИМЛИ, 2001. – 230 с.

Тейри кыбылыч (Радуга): Сборник произведений молодых балкарских авторов: Стихи, рассказы, сказки / Сост. Б.А. Глашев, М.М. Ольмезов. – Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 2011. – 144 с.

Узденов 2008 – *Узденов Ш.А.* Чекде (На границе). Стихи. – Черкесск, 2008. – 136 с.

REFERENCES

AKHMATOVA L.Ch. *Tilek. Stikhi* [Prayer. Poems]. – Nalchik: Izd-vo «El'brus», 2013. – 152 p. (In Balkar)

BAITUGANOV I.R. *Atlamlala. Stikhi* [Steps. Poems]. – Nalchik: PE «Polygraphy», 2016. – 70 p. In Russ. (In Balkar)

BAKKUEV A. *Taula tatyu. Stihy* [Enchantment with mountains. Poems]. – Nalchik: Izd-vo «El'brus», 2007. – 128 p. (In Balkar)

GAZAYEVA A. Kh. *Barama kopyurge. Stihy* [I'm going to the bridge. Poems]. – Nalchik: Izd-vo «El'brus», 2015. – 136 p. (In Balkar)

KERIMOVA R.A. *Lirika L. Ahmatovoj v kontekste razvitija novejshej karachaevo-balkarskoj poezii* [Lyrics by L. Akhmatova in the context of the development of modern Karachay-Balkar poetry]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* – 2018. – No 6 (84). – P. 38-40. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.10> (In Russian)

KUSCHETEROVA A. *Nazmula* [Poetry]. IN: *Mingi tau*. – 2017. – No 1 (191) January-February. – P. 218-222. (In Balkar)

LOKYAEVA Z. *Nazmula* [Poetry]. IN: *Mingi tau*. – 2012. – No 4 (164). – P.188-192. (In Balkar)

MANDZHIEV N.C. *Kalmytskaya proza o deportatsii: Kontsepsiya cheloveka. Avto-ref. diss. ... kand. filol. nauk* [Kalmyk prose about deportation: The concept of man. Abstract of the thesis for a Candidate of philological sciences degree]. – Elista, 2005. – 19 p. (In Russian)

PONARINA N.N. *Globalizatsiya i problemy kul'tury* [Globalization and problems of culture]. IN: *Obshchestvo: Filosofiya, istoriya, kul'tura*. – 2012. – No 1. – P. 11-14. (In Russian)

RAKHAeva D.T. *Kadarny eteginde. Stikhi* [On the edge of fate. Poems]. – Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarov, 2014. – 164 p. (In Balkar)

SULTANOV K.K. *Natsional'noye samosoznaniye i tsennostnyye oriyentatsii literatury* [National identity and value orientation of literature]. – Moscow: IMLI, 2001. – 230 p. (In Russian)

Teyri Kılıç: Sbornik proizvedeniy molodykh balkarskikh avtorov: Stikhi, rassказы, skazki / Sost. B.A. Glashev, M.M. Ol'mezov [A collection of works by young Balkarian authors: Poems, stories, tales / Comp. by B.A. Glashev, M.M. Olmezas]. – Nalchik: Izd-vo «El'brus», 2011. – 144 p. (In Balkar)

UZDENOV Sh.A. *Chekde. Stikhi* [On the border. Poems]. – Cherkessk: Izd-vo Karachayevskogo NII, 2008. – 136 p. (In Balkar)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА

УДК 323.1

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-182-191

**КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА В
ОЦЕНКАХ ЗАПАДНЫХ ЭКСПЕРТОВ *****Е.М. ГОРЮШИНА**

*Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
E-mail: esherder@gmail.com*

Аннотация. Статья представляет обзор ряда исследований, посвященных Кавказу как региону конфликтов. Работа опирается на преимущественно зарубежные источники, что позволяет выделить основные проблемные точки восприятия Кавказа иностранными экспертами и определить существенные исследовательские пробелы. Затрагиваются религиозный фактор, противоречивые отношения между федеральным центром и постсоветскими республиками региона после распада СССР, специфика анклавизации Северного Кавказа. Выявлено, что в зарубежных исследованиях регион, как правило, ассоциирован с единым полем перманентного насилия и политической нестабильности без учета внимания к изучению глубинных причин эскалации конфликтов. Фокус смещен либо на социально-экономическую компоненту, либо на аспект террористической деятельности и контртеррористической борьбы. С точки зрения иностранных исследователей одним из важнейших конфликтогенных факторов в регионе является антагонизм христианства и ислама, что затрудняет налаживание диалога и объективную оценку исторических событий. Латентный характер социально-политических настроений в национальных республиках Кавказа требует внимательного рассмотрения в рамках единого кавказского макрорегиона без дифференциации на Северный или Южный Кавказ, обращения к историческому прошлому и самым его «чувствительным» точкам.

Ключевые слова: Кавказ; конфликт; Северный Кавказ; Южный Кавказ; политическая нестабильность.

**CONFLICT POTENTIAL OF THE CAUCASUS REGION IN EVALUATION
OF WESTERN EXPERTS****E.M. GORYUSHINA**

*Federal Research Center Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences
340006, Rostov-on-Don, Chekhov Avenue, 41
E-mail: esherder@gmail.com*

---

* *Статья выполнена в рамках проекта РНФ «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (17-18-01411).*

Abstract. The article provides an overview of several studies on the Caucasus as a conflict region. The work relies on foreign sources mainly, which allows us to identify the major perception issues of the Caucasus by foreign experts and indicate significant research gaps. The religious factor, contradictory relations between the federal center and the post-Soviet republics of the region after the collapse of the USSR, the specifics of the enclaves of the North Caucasus are touched. The foreign studies reveal that the region is usually associated with a field of permanent violence and political instability without taking into account attention to the study of the underlying causes of the conflicts' escalation. The focus is shifted either to the socio-economic component, or to the aspect of terrorist activity, as well as counter-terrorism. From the point of view of foreign researchers, one of the most important conflict factors in the region is the antagonism of Christianity and Islam making it difficult to establish a dialogue and an objective assessment of historical events. The latent nature of socio-political attitudes in the national republics of the Caucasus requires careful consideration within the framework of a single Caucasian macroregion without differentiation into the North or South Caucasus, turning to the historical past and its most "sensitive" points.

Keywords: Caucasus; conflict; North Caucasus; South Caucasus; political instability.

Кавказский регион традиционно считается древнейшим очагом цивилизации и одним из наиболее проблемных ареалов постсоветского пространства, отличающимся неравномерным социально-экономическим развитием. В силу своего уникального географического положения Кавказ неоднократно становился объектом экспансии на протяжении веков. Степи кочевников различного происхождения на северо-западе, страна персидских гор на юго-востоке и турецкие возвышенности на юго-западе обеспечивали внешнее воздействие на культуру региона, одновременно сохраняя внутри кавказского общества неприятие и нетерпимость «чужого», которое зачастую трактовалось в качестве опасного и враждебного.

Многочисленные кавказские народы изначально специализировались в коневодстве и сельском хозяйстве, что требовало освоения равнинной местности. Благодаря регулярным вторжениям значительное развитие получило военное искусство, что в конечном итоге способствовало их перемещению в горы [Minahan 2009: 11]. Как отмечает М. Гаммер, эксперт по религиозно-политической истории Северного Кавказа, именно под влиянием этого фактора было сформировано современное кавказское общество, отличающееся сочетанием племенных порядков (взаимные социальные права и обязательства), неформальных правил и периодическим обращениям к шариатским предписаниям [Gammer 2007: 20]. Подобный гибридный механизм из формальных и неформальных институтов кавказского общества обусловил его разнообразие, но в то же время надолго обеспечил существование проблемного поля для многих исследователей.

Отмечается проблема мозаичности сведений о значительном историческом периоде развития Кавказа и религиозных течений в регионе в условиях советской и постсоветской власти, по-разному представленных в российских и иностранных исследованиях. В отечественном политологическом и историческом пространстве по данной проблематике выделяются работы В. Бобровникова, А.А. Ярлыкапова, В.Х. Акаева, С.В. Сиражудиновой, А.Р. Шихсаидова, М.В. Вагабова (особенно вопросы научного атеизма) и др.

Среди зарубежных авторов особого внимания заслуживают исследования Р.Б. Уэра и Э. Кисриева, Я. Роя, П.Б. Хенца, Д. Дивис, А. Беннигсена и др.

Если в географическом плане Кавказ представляет собой целостный регион, то в политическом – он подразделяется на республики Северного Кавказа – субъекты Российской Федерации, и государства Южного Кавказа (Закавказья), имеющие непростой опыт преобразования в нации-государства в мае 1918 г., вслед за двумя революциями и крушением Российской Империи. Создание «первых республик» так же оказало значительное влияние на политическое развитие региона и его историческую память, заставляя реактуализировать многие нерешенные проблемы спустя столетие. Сформировавшиеся в своем нынешнем виде пограничные споры и этнические конфликты на Кавказе были инициированы именно в то время¹.

Из-за отсутствия сильной государственности на Кавказе религия стала определяющей характеристикой многих местных народов наряду с тем фактом, что данный регион исторически служил границей между русскими православными на севере и мусульманскими народами на юге. Это также усилило многие противоречия на Кавказе. В связи с чем профессор университета Старого Доминиона О. Джерсилд обращает внимание на период проникновения Османской империи на Северный Кавказ, в течение которого широко использовались местные христианские народы для борьбы с Портой [Jersild 2000: 518]. Столь символическое противостояние между исламом и христианством спровоцировало укрепление антагонизма в кавказской культуре с точки зрения американского историка.

К девятнадцатому столетию Россия установила контроль над Кавказом, и последующие взаимоотношения имперского центра и местного общества не раз были испытаны на прочность. В этом вопросе чрезвычайный интерес вызывают рассуждения известного автора Дж. Минахана: «...отношение Российской Империи ко вновь завоеванным мусульманским республикам может быть проиллюстрировано *депортацией* 40 тысяч чеченцев в 1865 году на территорию Османской империи в ответ на восстание» [Minahan 2009: 7]. Опровержением этому могут служить слова известного русского военного историка Д.А. Милютин: «...чеченцы, всегда отличавшиеся легкомысленностью, склонностью к увлечениям, не могли переродиться разом и поэтому требовали еще зоркого внимания со стороны русской администрации. Так, в мае 1865 года чуть было не возникло волнение в нагорной части Ичкерии. Какому-то пастуху деревни Хорочой по имени Таза вздумалось выдать себя за имама и призвать окрестное население на общий сбор для изгнания неверных. Попытка эта была подавлена немедленно с помощью самого же населения. По распоряжению начальников Ичкеринского и соседних округов быстро собрались местные милиции и рассеяли шайку,

---

¹ Маркедонов С.М. Южный Кавказ: актуальная история и ее уроки. 26.05.2016 // Международное информационное агентство и радио Sputnik: сайт. URL: <https://sputnik-georgia.ru/opinion/20160526/231856251.html> (дата обращения: 09.04.2018).

собранный новым фанатиком, который сам был схвачен и представлен русскому начальству...» [Ибрагимова 2009].

Согласно отдельным работам, в том числе по сведениям исследователя З.Х. Ибрагимовой, в 1865 году изъявили желание уйти 1,500 семей карабулак (одно из чеченских обществ, проживавшее на западе Чечни, на границе Ингушетии) и 3502 семей чеченцев. Всего же насчитывалось 22490 человек. За весь период переселения покинули свою историческую родину и переехали в Турцию около 100 тысяч чеченцев и ингушей [Ибрагимова 2009].

Заметна не только противоречивая природа социально-политических и религиозных процессов в кавказском регионе, но и их интерпретация в зарубежных и отечественных источниках, что до сих пор отрицательно сказывается на формировании «исторических узлов» памяти вокруг Кавказа. Известно, что после прихода к власти партии большевиков религиозный вопрос в регионе был практически полностью нивелирован и находился в подавленном состоянии вплоть до распада СССР. Подобная точка зрения широко распространена в работах зарубежных авторов, оставляя существенный пробел в вопросе изучения специфики Кавказа, делающей его противоречивым регионом. С одной стороны, это подтверждают и отечественные историки: «Если царская Россия практически не вмешивалась в сферу исламской ритуальной практики, образования, отчасти судебной системы (сохранение мечетей, медресе, школ, шариатских судов), то новая общественно-экономическая формация, начало которой было положено в октябре 1917 г., довела до минимальной черты позиции ислама и полностью вывела его из всех сфер общественной жизни» [Шихсаидов 1999:5]. С другой – местные специалисты отмечают, что, несмотря на репрессивные действия советских властей, в отдельных мусульманских школах нескольких селений Дагестана (особенно в аварских, даргинских и кумыкских районах) тайно осуществлялось религиозное обучение.

Начиная с конца 1980-х гг. по настоящее время кавказский регион продолжает переживать возрождение ислама. Именно количество строящихся мечетей на Кавказе является индикатором возрастающего интереса к исламскому культу. Принятый в 1990 г. Верховным Советом СССР и одноименный республиканский закон (май 1991 г.) «О свободе совести и религиозных организациях» вкпе ознаменовали собой новый этап возрождения ислама в стране. «После принятия этих законов были вновь открыты многие культовые сооружения. К июлю 1995 г. в Дагестане было уже 1270 мечетей, из них более 850 зарегистрированы официально. При мечетях было организовано 650 школ и групп по обучению молодежи основам ислама <...>. В апреле 1998 г., по данным Управления Правительства Республики Дагестан по делам религий, в Дагестане функционировало 1670 мечетей, 9 церквей, 4 синагоги, 670 примечетских школ, 25 медресе, 9 мусульманских высших учебных заведений. К апрелю 1998 г. в республике действовало более 20 тарикатских братств, наблюдался повышенный интерес к “святым местам”» [Шихсаидов 1995: 6]. Согласно исследованию В. Бобровникова, к 1999 г. в

Дагестане было построено 1670 мечетей, 400 – в Ингушетии, 96 – в Кабардино-Балкарии и 150 – в Карачаево-Черкесии [Bobrovnikov 2001: 12].

Распад СССР способствовал фрагментации Духовного управления мусульман (ДУМ) и ослаблению его дальнейшей роли в жизни кавказского региона в течение последующего времени. Будучи созданным в 1940-х гг., ДУМ оказался расколот летом 1992 г., что в свою очередь спровоцировало попытку создания единой общекавказской общественно-политической структуры и восстановления Горской республики на III съезде горских народов Кавказа. Все это сопровождалось процессами самоопределения и усиления сепаратистских настроений, наиболее остро проявляющихся на Кавказе.

В постперестроечный период кавказский регион характеризовался политической нестабильностью, сопровождающейся одновременно острой конкуренцией между двумя ключевыми лидерами российских мусульман – Т. Таджудином и Р. Гайнутдином, продолжавшейся вплоть до начала президентства В. В. Путина. Существенные различия между кавказской и поволжской татаро-башкирскими общинами сыграли ключевую роль в осознании федеральной властью невозможности совершения выбора одного самого важного муфтия [Сызранов 2013: 16]. Только к 2004 г. удалось создать «Объединенный совет духовных управлений мусульман России по противодействию экстремизму и терроризму» путем совместного подписания заявления Р. Гайнутдина, Т. Таджудина и И. Бердиева (председателя Координационного центра мусульман Северного Кавказа). Подобный шаг был продиктован еще и острой необходимостью снизить темпы распространения ваххабизма на Кавказе – исламского радикального движения, постулаты которого были использованы в риторике сепаратистов и террористов [King 2008: 127].

Поэтому Кавказ, особенно его северная часть, зачастую ассоциируется с негативными факторами, а именно – конфликтами, рисками сепаратизма, радикализации и политической нестабильностью. Такая точка зрения отражена на страницах отдельных зарубежных исследователей, не располагающих знанием местных или русского языков.

В связи с чем требуется более детальное рассмотрение Северного Кавказа как части кавказского региона. Необходимо выделить ряд факторов, оказавших влияние на развитие представления о комплексной нестабильности и, как следствие, анклавизации региона. Отношения по оси Москва – Кавказ и их асимметрия явились определяющим фактором, очертившим конечную картину формирования затяжной политической и экономической депривации Северного Кавказа как региональной системы.

Дополнительными и значительными внутрирегиональными детерминантами также явились: нарастающая террористическая активность, реорганизация Имарата Кавказ, усиливающаяся зависимость республик от федерального бюджета Российской Федерации и процесса принятия политических решений в федеральном центре. К тому же активизация у границ Северного Кавказа различных зарубежных платформ кооперации и международных неправительственных инициатив в постперестроечный период

повлекли за собой рост напряженности на геополитическом уровне, подозрение со стороны российских спецслужб (и, соответственно, рост недоверия к ним наряду со стремительным сокращением миротворческих кампаний на Северном Кавказе) и возможность проникновения внерегиональных акторов на территорию северокавказских республик.

Принимая во внимание все видимые достоинства федерализма, становится ясно, что динамичная анклавизация Северного Кавказа ставит под сомнение эффективность этнофедеративной системы в виде многочисленных моноэтнических и полиэтнических республик рассматриваемого региона, которая в итоге может оказаться контрпродуктивной и, напротив, при определенных обстоятельствах вызвать и усугубить этнические конфликты, а также напрямую повлиять на рост числа террористических актов.

Ретроспективный анализ позволяет выяснить, что история Северного Кавказа как важной и неотъемлемой части кавказского макрорегиона представляет собой постоянную нестабильность, перманентные конфликты, наличие социально-демографических трансформаций и движений наряду с углубляющимся неравенством доходов. Однако следует обратить особое внимание на локальные конфликты на Северном Кавказе и их генезис для понимания размытого процесса анклавизации. Сами по себе они были инициированы в определённую историческую эпоху на Кавказе, когда субъекты должны были определенным образом завоевать и сохранить свой суверенитет. При ослабленном институте государства в постсоветский период наряду с отсутствием четко сформированного механизма, обеспечивающего функционирование сдерживающих факторов со стороны Центра, местные элиты на Кавказе почувствовали ослабление центральных институтов власти (федерального центра). Поэтому власть постепенно перешла к локальным этнократическим группировкам полукриминального типа.

В подобных условиях новые субъекты Российской Федерации на Северном Кавказе получили ряд своеобразных преференций, выраженных в виде функционала, заключающегося в самостоятельном принятии решений, который наложился на отсутствие у федерального центра полной картины происходящих на Кавказе событий. В частности, это проявилось в условиях самых кровопролитных конфликтов в регионе постсоветского периода – чеченского и осетино-ингушского. В последнем следует откровенно признать и учесть роль осетинских криминальных группировок, поскольку на вырученные деньги от продажи спиртных напитков было закуплено вооружение. Из этих финансовых средств также выплачивались «гонорары» за участие в боевых действиях.

Одновременно с этим начало американской мировой кампании против террора (с 2001 г.) усилило интерес политических аналитиков к конфликтам в макрорегиональных асимметричных системах, соответственно, с асимметричными игроками или акторами. В обзорной работе Л.В. Дериглазовой анализируется термин «асимметричный», ключевой для характеристики нерегулярных военных действий (*irregular warfare*), под которыми понимают насильственную борьбу между государством и

негосударственными игроками за власть и влияние на соответствующее население [Дериглазова 2010]. Важно отметить, что здесь зафиксировано смещение в определении участников военных действий (государство и негосударственные игроки) и целей военных действий (от нанесения военного поражения противнику к завоеванию доверия местного гражданского населения, интересы которого стремятся защитить противники). Спектр подобных характеристик особо актуален для Северного Кавказа постсоветского периода.

Безусловно, социально-экономические процессы постперестроечного времени способствовали генезису конфликтов на Северном Кавказе после развала СССР. В это время значительное количество молодых людей не были обременены ни работой, ни образованием. Система высшего профессионального и среднего специального образования на Кавказе испытывала серьезный кризис, в силу региональной специфики еще более острый, чем в целом по стране.

Для сравнения следует отметить, что в самый стабильный для Северного Кавказа период развития – в 1970-е гг. – в регионе активно шли процессы урбанизации, при этом количество высших учебных заведений и обучающихся в них студентов стремительно увеличивалось. Например, только в двух вузах Грозного (Грозненском государственном нефтяном институте им. М.Д. Миллионщикова и Чечено-Ингушском государственном университете имени Л.Н. Толстого) в данный период обучалось 12 тысяч студентов. За 10 лет, прошедших с момента восстановления Чечено-Ингушской АССР в 1957 г., численность чеченцев с высшим образованием возросла в 70 раз. К концу 1960-х гг. локальные северокавказские культуры были преимущественно секуляризованы. Урбанизованное население развитых равнин Кавказа имело трудности в восприятии традиционных горских народов. Этот период развития Кавказа может характеризоваться как наиболее устойчивый, прошедший без этнических депортаций, массовых репатриаций, а также серьезных трансформаций административно-территориальных границ, сопровождавших предыдущий этап его развития, начиная с 1920 г. и вплоть до начала «оттепели». Заключительным шагом перекройки административных границ стало присоединение Майкопского района к Адыгейской автономной области в 1962 г., после чего вплоть до начала распада СССР они оставались неизменными. При этом Кавказ в 1970-х гг. оставался локальной зоной без острой конкурентной борьбы внерегиональных акторов, лишь в редкие моменты (в частности, в связи с репатриацией турок-месхетинцев в Грузию) привлекая внимание мировой политической элиты.

Поэтому новый этап становления современной российской государственности после распада СССР стал «шоковым» периодом, сопровождающимся межэтническими конфликтами, нередко принимавшими форму вооруженной борьбы. Свою роль в этом играли социально-психологические особенности региона. К ним, например, следует отнести значительную по численности долю молодого незанятого населения северокавказских республик постсоветской России, воспитанного в традициях

спорта, прежде всего, силовых единоборств. Рекрутирование новых общественных лидеров на Кавказе нередко происходит через спортивные организации, которые осуществляют функции взаимопомощи в приобретении жилья, организации ритуальных процессов и других важных социальных и социокультурных вопросах. Они также располагали значительной материально-технической базой, предоставляя кадры в криминальные структуры постсоветской России.

Интересным аспектом зарубежных исследований по вопросу проблемности Кавказа является экономическая депривация региона, которая так же была в большей степени сопряжена с республиками Северного Кавказа. Польский эксперт Л. Бужинский подчеркивает, что к началу XXI в. детская смертность была в три раза выше, чем в среднем в Западной Европе, а продолжительность жизни мужчин снизилась с 63,8 лет в 1990 г. до 55,5 лет в 2002 г. [Buszynski 2003: 19]. Безработица изначально не была ключевой проблемой после распада СССР, поскольку, как отмечает К. Цёркер, «...только в стадии эскалации конфликта безработица стала массовым явлением» [Zurcher 2007: 187].

В этой связи ранее упоминаемый Дж. Минахан делает интересный вывод, сравнивая столь непохожие политические и экономические траектории развития новой России (и её Северного Кавказа) и постсоветской Грузии, которую покинуло свыше 1 миллиона дипломированных специалистов к 2001 г. Автор заключает: оба государства действовали в пику друг другу, что только усилило эффект стремительно расползающейся нестабильности [Горюшина 2016: 153]. С точки зрения Минахана, поощрение Горбачевым национализма на Кавказе спровоцировало не только эмоциональную политику Грузии по отношению к постперестроечной России, но и создало проблемы во взаимоотношениях между грузинами, осетинами и абхазами, инициировав соответствующие конфликты в регионе [Minahan 2009: 266].

Американский ученый индийского происхождения Х. Пеймани, известный своими работами в области изучения взаимосвязи терроризма и конфликтов, обращает внимание на тот факт, что несмотря на сравнительно недавние конфликты начала 2000-х гг. на Кавказе, период нестабильности не завершён. Напротив, он подчеркивает латентный характер многих настроений в национальных республиках Кавказа, которые необходимо изучать в рамках единого кавказского региона без дифференциации на Северный или Южный Кавказ.

Таким образом, многие зарубежные исследователи ассоциируют Кавказ с единым полем перманентного насилия и политической нестабильности, не уделяя во многом должного внимания изучению глубинных причин эскалации конфликтов, акцентируя внимание либо на социально-экономической составляющей, либо на вопросах террористической деятельности. Безусловно, с точки зрения иностранных исследователей одним из важнейших конфликтогенных факторов в регионе является антагонизм христианства и ислама, что затрудняет налаживание диалога и объективную оценку исторических процессов. Важнейшим противоречивым элементом изучения

кавказского региона выступает искаженное (нередко в политических целях) отражение событий в исторической памяти с формированием её «гордыевых узлов».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Горюшина 2016 – *Горюшина Е.М.* Изменения международной конъюнктуры и внутренняя нестабильность на Северном Кавказе // Пути к миру и безопасности. – 2016. – № 2 (51). – С. 152-155. URL: http://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2016/02/14_Goriuchina.pdf (дата обращения: 22.07.2018).

Дериглазова 2010 – *Дериглазова Л.В.* Асимметричный конфликт в современной американской политологии // Международные процессы. – Т. 9. – № 2 (26). Май–август 2010. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-three/006.htm> (дата обращения: 22.07.2018).

Ибрагимова 2009 – *Ибрагимова З.Х.* Царское прошлое чеченцев: Власть и общество. Политика и экономика. Наука и культура. – М.: Пробел-2000, – 2009. URL: <https://bookskeeper.ru/knigi/istoriya/11320-carskoe-proshloe-chechencev-v-treh-knigah.html> (дата обращения: 22.07.2018).

Сызранов 2013 – *Сызранов А.В.* Раскол духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) и образование региональных муфтиятов в постсоветской России // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – №. 4. – С.13-17.

Шихсаидов 1999 – *Шихсаидов А.П.* Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №. 4. URL: https://www.ca-c.org/journal/cac-05-1999/st_18_shihsaid.shtml (дата обращения: 22.07.2018).

Bobrovnikov 2001 – *Bobrovnikov V.* Al-Azhar and Shari'a Courts in Twentieth Century Caucasus // Middle Eastern Studies. – 2001. – Vol. 37. – No 4. – P. 1-24.

Buszynski – *Buszynski L.* Russia and the commonwealth of independent states in 2002: Going separate ways // Asian Survey. – 2003. – Vol. 43. – No 1. – P. 15-24.

Gammer 2008 – *Gammer M.* (ed.). Ethno-nationalism, Islam and the state in the Caucasus: post-Soviet disorder. – Abingdon: Routledge, 2007. – 233 p.

Jersild 2000 – *Jersild A.* Faith, Custom, and Ritual in the Borderlands: Orthodoxy, Islam, and the “Small Peoples” of the Middle Volga and the North Caucasus // The Russian Review. – 2000. – Vol. 59. – No 4. – P. 512-529.

King 2008 – *King C.* The ghost of freedom: a history of the Caucasus. – Oxford-New York: Oxford University Press, 2008. – 290 p.

Minahan 2009 – *Minahan J.* The former Soviet Union's diverse peoples: a reference sourcebook. – Santa Barbara-Denver-Oxford: Abc-Clio, 2009. – 389 p.

Zurcher 2007 – *Zurcher C.* The post-Soviet wars: Rebellion, ethnic conflict, and nationhood in the Caucasus. – New York: NYU Press, 2007. – 308 p.

REFERENCES

BOBROVNIKOV V. Al-Azhar and Shari'a Courts in Twentieth Century Caucasus. IN: Middle Eastern Studies. – 2001. – Vol. 37. – No 4. – P. 1-24. (In English)

BUSZYNSKI L. Russia and the commonwealth of independent states in 2002: Going separate ways. IN: Asian Survey. – 2003. – Vol. 43. – No 1. – P. 15-24. (In English)

DERIGLAZOVA L.V. *Asimetrichnyi konflikt v sovremennoi amerikanskoi politologii* [Asymmetric Conflict in Modern American Political Science]. IN: *Mezhdunarodnye protsessy* [International Processes]. – Vol. 9. – No 2 (26). May-August 2010. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-three/006.htm> (date of access: 22.07.2018) (In Russian)

GAMMER M. (ed.). *Ethno-nationalism, Islam and the state in the Caucasus: post-Soviet disorder*. – Abingdon: Routledge, 2007. – 233 p. (In English)

GORYUSHINA E.M. *Izmeneniya mezhdunarodnoi kon'yunktury i vnutrennyaya nestabil'nost' na Severnom Kavkaze* [Changes in the International Situation and Internal Instability in the North Caucasus]. IN: *Puti k miru i bezopasnosti* [Ways to Peace and Security]. – 2016. – No 2 (51). – P. 152-155. URL: http://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2016/02/14_Goriuchina.pdf (date of access: 22.07.2018). (In Russian)

IBRAGIMOVA Z.Kh. *Tsarskoe proshloe chechentsev: Vlast' i obshchestvo. Politika i ekonomika. Nauka i kul'tura* [The Tsarist past of the Chechens: Power and Society. Politics and Economics. Science and Culture.] – Moscow: Probel-2000, – 2009. URL: <https://bookskeeper.ru/knigi/istoriya/11320-carskoe-proshloe-chechencev-v-treh-knigah.html> (date of access: 22.07.2018) (In Russian)

JERSILD A. Faith, Custom, and Ritual in the Borderlands: Orthodoxy, Islam, and the “Small Peoples” of the Middle Volga and the North Caucasus. IN: *The Russian Review*. – 2000. – Vol. 59. – No 4. – P. 512-529. (In English)

KING C. *The ghost of freedom: a history of the Caucasus*. – Oxford-New York: Oxford University Press, 2008. – 290 p. (In English)

MINAHAN J. *The former Soviet Union's diverse peoples: a reference sourcebook*. – Santa Barbara-Denver-Oxford: Abc-Clio, 2009. – 389 p. (In English)

SHIKHSAIDOV A.R. *Islam v Dagestane* [Islam in Dagestan]. IN: *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. – 1999. – No 4. URL: https://www.ca-c.org/journal/cac-05-1999/st_18_shihsaid.shtml (date of access: 22.07.2018) (In Russian)

SYZRANOV A.V. *Raskol dukhovnogo upravleniya musul'man Evropeiskoi chasti SSSR i Sibiri (DUMES) i obrazovanie regional'nykh muftiyatov v postsovetskoi Rossii* [Split of the Muslims' Spiritual Board of the European Part of the USSR and Siberia (DUMES) and the formation of regional mufties in post-Soviet Russia]. IN: *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences]. – 2013. – No 4. – P.13-17. (In Russian)

ZURCHER C. *The post-Soviet wars: Rebellion, ethnic conflict, and nationhood in the Caucasus*. – New York: NYU Press, 2007. – 308 p. (In English)

УДК 323.1

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-192-203

НОГАЙСКИЙ ВОПРОС В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ*

Д.И. УЗНАРОДОВ

Лаборатория казачества отдела гуманитарных исследований Федерального исследовательского центра «Южный научный центр РАН»

344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41

E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу основных аспектов ногайского вопроса в современной России. Рассматриваются как исторические предпосылки зарождения ногайского ирредентизма, так и его нынешнее состояние. Делается вывод, что основа существующих в настоящее время внутри ногайского этноса ирредентистских настроений была заложена еще в январе 1957 года, когда вследствие проведенной реформы административно-территориального устройства ногайский народ оказался разделен границами двух административных субъектов – Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики и Ставропольского края. Еще одним важным аспектом ногайского вопроса в постсоветской России является проблема земель отгонного животноводства, от решения которой, во многом, зависит стабильность межэтнических отношений в северных районах Республики Дагестан, в частности, в Ногайском районе. По мнению автора, решению данной проблемы может способствовать передача территорий, предназначенных для отгонного животноводства, в собственность сельских поселений, входящих в состав Ногайского района.

Ключевые слова: Ногайцы; Северный Кавказ; Республика Дагестан; ирредентизм; межэтнические отношения; отгонное животноводство.

NOGAI QUESTION IN POST-SOVIET RUSSIA: CURRENT STATUS AND HISTORICAL BACKGROUND

D.I. UZNARODOV

Laboratory of studying of Cossacks of the Department of Humanitarian Studies of the Federal research center «Southern scientific center of Russian Academy of Sciences»

344006, Rostov-on-Don, Chekhov Ave., 41

E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main aspects of Nogai issue in modern Russia. In the article are considered historical backgrounds of the origin of Nogai irredentism and its current condition. It is concluded that the basis of the currently existing irredentist moods within Nogai ethnic group was laid in January 1957, when, as a result of the reform of the administrative-territorial structure, the Nogai people was divided by borders of two administrative units – Dagestan

---

* Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2019 г., № государственной регистрации проекта 01201354248

Autonomous Soviet Socialist Republic and Stavropol region. Another important aspect of Nogai issue in post-Soviet Russia is the problem of distant-pasture animal husbandry lands, the solution of which, in many ways, determines the stability of inter-ethnic relations in northern districts of Republic of Dagestan, in particular, in Nogai district. According to the author, the solution of this problem can be facilitated by the transfer of territories, intended for distant-pasture animal husbandry, to the ownership of rural settlements of Nogai district.

Keywords: Nogais; North Caucasus; Republic of Dagestan; irredentism; inter-ethnic relations; distant-pasture animal husbandry.

Введение

В период распада СССР и сопровождавшего его так называемого «парада суверенитетов» можно было наблюдать обострение имеющихся в обществе разного рода проблем и противоречий, затрагивающих сферу этносоциальных и этнополитических процессов, в частности, стали давать о себе знать проблемы так называемого «внутреннего ирредентизма»¹, который в постсоветской России превратился в один из наиболее существенных факторов социально-политической нестабильности [Узнародов 2018: 389]. Источником проблемы «внутреннего ирредентизма» стала проведенная в 20-е годы прошлого века реформа системы административно-территориального устройства, в результате которой Россия из унитарного государства трансформировалась в этнотерриториальную федерацию. Регионом, который наиболее существенно оказался подвержен данной реформе, является Северный Кавказ. В тот период в северокавказском регионе было создано шесть этнотерриториальных административных образований (Карачаево-Черкесская автономная область; Кабардино-Балкарская автономная область; Черкесская (Адыгейская) автономная область; Чеченская автономная область; Северо-Осетинская автономная область; Ингушская автономная область), два из которых (Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская автономные области) по своему характеру являлись этнодуальными².

Перекройка внутренних административно-территориальных границ, регулярно проводившаяся властями страны на Северном Кавказе в советский период, заложила в сознании некоторых этнических групп основу того ирредентистского потенциала, проявления которого мы можем наблюдать на протяжении постсоветского периода истории нашего государства. В настоящее время можно выделить следующие этнические группы, обладающие определенным ирредентистским потенциалом: адыги (Республика Адыгея, Республика Кабардино-Балкария, Республика Карачаево-Черкессия); карачаевцы, балкарцы (Республика Кабардино-Балкария, Республика Карачаево-Черкессия); осетины (Республика Северная Осетия, Республика Южная Осетия); лезгины (Республика Дагестан, Республика Азербайджан).

---

¹ Ирредентизм – национально-политическое движение, реализуемое политическими организациями с целью интеграции этнических групп, разделенных внутрирегиональными, либо государственными границами (*определение термина – Узнародов Д.И.*)

² Такой вид административно-территориального субъекта, официальное наименование которого определяется двумя этническими группами, составляющими определенную часть населения данного субъекта (*авторский термин – Узнародов Д.И.*)

Этнической группой, внутри которой развиты ирредентистски ориентированные настроения, также являются ногайцы.

Исторические предпосылки формирования ногайского ирредентизма

В настоящее время ногайцы компактно проживают на территориях двух административно-территориальных субъектов, имеющих между собой общую границу, – Ставропольского края и Республики Дагестан. Кроме того, территориями компактного проживания ногайского этноса являются Ногайский район Карачаево-Черкесии (76,7 % от общей численности населения)¹ и ряд населенных пунктов северной части Шелковского района Чеченской Республики: село Каршыга-Аул (98,4%), поселок Мирный (88,9%), а также поселения Ораз-Аул (69,3%) и Сары-Су (66,7%)². В Ставропольском крае ногайцы составляют большинство в Зункарском (38,5 %), Кара-Тюбинском (43,9 %), Каясулинском (56,7 %), Новкус-Артезианском (52,4%) и Тукуй-Мектебском (79,9 %) сельских поселениях юго-запада и юго-востока Нефтекумского городского округа (до 1 мая 2017 года – Нефтекумского района⁴), а также селе Иргаклы (37, 1%) Степновского района; в Республике Дагестан территориями компактного проживания ногайского этноса являются Ногайский район (87 % от общей численности населения)⁵, Новокосинское (более 98%), Геметюбинское (более 90%), Мужукайское (50,1%) и

---

¹ Итоги Всероссийской переписи населения по Карачаево-Черкесской Республике: т. 3. «Национальный состав и владение языками, гражданство». Черкесск, 2013. С. 25-26.

² Национальный состав и владение языками, гражданство. Том 4. Книга 1. Таблица 1. Национальный состав населения Чеченской республики по городским округам, муниципальным районам, городским населенным пунктам, сельским населенным пунктам с численностью населения 3000 человек и более // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике (Чеченстат): сайт. URL: chechenstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chechenstat/resources/569d2180426303a6ae5bee2d59c15b71/ТОМ+4.ZIP (дата обращения: 06.12.2018).

³ Национальный состав и владение языками, гражданство. Том 3. Книга 1. Таблица 4. Национальный состав населения Ставропольского края по городским округам, муниципальным районам, городским населенным пунктам, сельским населенным пунктам с численностью населения 3000 человек и более // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. Официальный сайт. URL: stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/resources/52f1a4804f47c390bed9ffe1000af5d8/Том+3+книга+1.rar (дата обращения: 08.11.2018).

⁴ Закон Ставропольского края «О преобразовании муниципальных образований, входящих в состав Нефтекумского муниципального района Ставропольского края, и об организации местного самоуправления на территории Нефтекумского муниципального района Ставропольского края» // Официальный интернет-портал правовой информации Ставропольского края: сайт. URL: <http://pravo.stavregion.ru/docs/2970> (дата обращения: 06.12.2018).

⁵ Национальный состав и владение языками, гражданство. Том 3. Книга 1. Национальный состав населения Республики Дагестан по городским округам, муниципальным районам, городским населенным пунктам, сельским населенным пунктам с численностью населения 3000 человек и более // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. Официальный сайт. URL: stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/dagstat/resources/cafa4e00421f0cb8805fcc2d59c15b71/ВПН+том3.rar (дата обращения: 25.06.2018).

Тамазатюбинские сельские поселения Бабаюртовского района, а также село Новодмитриевка (66,3 %) Тарумовского района, которое на западе граничит непосредственно с Ногайским районом республики.

Еще в 2012 году, в ходе IV съезда ногайского народа прозвучало официальное обращение к президенту страны Владимиру Путину с просьбой рассмотреть вопрос о создании отдельного административно-территориального субъекта ногайцев в составе России в рамках границ их компактного проживания, а именно, в пределах Ногайского района Республики Дагестан и части территории Ставропольского края. Позиция участников съезда состояла в том, что практическое воплощение данной инициативы могло бы способствовать как восстановлению исторической справедливости в отношении ногайского этноса, так и укреплению безопасности России на Северном Кавказе¹. Как отмечалось участниками съезда, «только отделение от Дагестана и создание автономии может дать ногайцам возможность сохраниться как народу-этносу и сохранить свою землю для будущих поколений»².

Заслуживают внимания результаты социологического исследования, проведенного в Ногайском районе Республике Дагестан. Согласно данным исследования, 99% из 5600 опрошенных респондентов испытывает недовольство социально-экономическим и политико-правовым положением ногайского этноса в Республике Дагестан. По мнению большинства ногайского населения, бесправное положение, в котором находится их народ, является источником для распространения радикальных религиозных течений из горных районов республики. Многие представители ногайского этноса считают, что горские народы приносят в равнинные районы чуждые степным этническим группам нравы, а также радикальные исламские течения, которые никогда не получали активного распространения в степи³.

Как и в случае вышеупомянутых этнических групп северокавказского региона, ирредентистский потенциал ногайского этноса формировался на протяжении большей части советского этапа истории нашего государства. Однако нельзя не отметить и тот факт, что определенные предпосылки к административно-территориальному разделению ногайского этноса имели место также и во времена Российской Империи. 21 марта 1888 года территории компактного проживания ногайцев (Ачикулакское и Караногайское приставства, входившие в состав Ставропольской губернии) были разделены между двумя административными субъектами: Караногайское приставство было переведено под управление Терской области (Караногайский участок Кизлярского уезда), а Ачикулакское приставство осталось в составе Ставропольской губернии [Рамазанова 2018а: 50].

После установления советской власти и создания Дагестанской АССР 20 января 1921 года, новым руководством было принято решение о воссоединении

---

¹ Ногайцы заговорили об автономии // Независимая газета. 2012. 11 авг. URL: http://www.ng.ru/regions/2012-11-08/1_nogaicy (дата обращения: 25.10.2018).

² Там же.

³ Там же.

ногайского этноса в составе одного административного субъекта – Дагестанской Автономной Социалистической Советской Республики. В этих целях 11 ноября 1921 года был принят документ «О присоединении к ДАССР ногайцев и караногайцев» [Рамазанова 2018а: 50]. К 4 января 1923 года восточная и западная части Кизлярского уезда (впоследствии – Кизлярского округа), включая и Караногайский участок, вошли в состав ДАССР, а в соответствии с постановлениями от 16 ноября 1922 года, 14 января 1923 года, 14 января 1924 года к ДАССР присоединяется также и Ачикулакское приставство [Рамазанова 2018а: 51]. Согласно проекту районирования Дагестанской АССР, который был официально утвержден 22 ноября 1928 года четвертой сессией ЦИК ДАССР шестого созыва, Кизлярский округ был ликвидирован, а его территория стала частью новообразованных Ачикулакского, Кизлярского, Караногайского и Шелковского кантонов (с 3 июня 1929 года – районов) [Рамазанова 2018а: 51]. Таким образом, в конце 20-х годов прошлого века в состав ДАССР входили два граничащих между собой района с компактным проживанием ногайского этноса – Караногайский (98,3% от общей численности населения)¹ и Ачикулакский (41,4 %) ² районы.

Реформирование административно-территориального устройства на северо-восточном Кавказе продолжилось в середине 30-х годов, когда в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК от 23 января 1935 года часть территории Ачикулакского района ДАССР, а также Аликуюнского сельсовета Моздокского района были переданы под управление новообразованного Каясулинского района ДАССР [Рамазанова 2018а: 53]. 22 февраля 1938 года районы компактного проживания ногайцев – Ачикулакский, Караногайский и Каясулинский, согласно Постановлению Президиума ВЦИК, были переведены в состав Орджоникидзевского края (до 13 марта 1937 г. – Северо-Кавказского). Кроме трех районов компактного проживания ногайцев в состав Орджоникидзевского края вошли также Кизлярский и Шелковской районы. На основе вышеперечисленных пяти районов был создан Кизлярский автономный округ в составе Орджоникидзевского края [Рамазанова 2018а: 54]. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 марта 1944 года Кизлярский округ потерял статус автономного и перешел в состав Грозненской области, созданной после упразднения Чечено-Ингушской автономной советской социалистической республики [Рамазанова 2018а: 54]. В этот период районы, которые ранее являлись частью Кизлярского автономного округа, стали подчиняться непосредственно руководству Грозненской области, одновременно с этим, ареал компактного проживания ногайского этноса не был разделен административными границами до 1957 года.

Исторические предпосылки к возникновению имеющих в постсоветской России вопросов, связанных с ногайским ирредентизмом, были заложены в начале 1957 года, после очередной реформы системы

---

¹ Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года по Дагестанской АССР. Выпуск 1. Список населенных мест Дагестанской АССР. Махачкала, 1927. С. 81-88; 97; 99.

² Там же. С. 23-28.

административно-территориального устройства, проведенной властями страны. После упразднения Грозненской области и восстановления ЧИАССР 9 января 1957 года, территории компактного проживания ногайского этноса (Ачикулакский, Караногайский и Каясулинский районы) были разделены административными границами двух субъектов: Караногайский район возвратился в состав Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики, а Каясулинский и Ачикулакский районы вошли в состав Ставропольского края [Рамазанова 2018а: 54].

12 января 1965 года Президиум Верховного Совета РСФСР выпустил Указ «Об изменениях в административно-территориальном делении Ставропольского края»¹, согласно которому на территории Ставропольского края создавался новый Нефтекумский район, куда были присоединены существовавшие ранее в качестве самостоятельных Ачикулакский и Каясулинский районы. Можно сказать, что с того момента проблема разделенности ареала компактного проживания ногайского этноса внутренними административными границами существует в том виде, в котором она существует в России в настоящее время.

Проблема земель отгонного животноводства как один из ключевых аспектов ногайского вопроса в постсоветской России

Крайне важным аспектом ногайского вопроса в постсоветской России является земельная проблема. Исторические предпосылки земельной проблемы также уходят в советский период, когда в целях развития сельского хозяйства овцеводческим совхозам и колхозам горных районов ДАССР выделялись территории в равнинной местности для отгона скота в зимнее время. На закате советской эпохи подобная система пришла в упадок, однако, население горных районов республики выступало за ее сохранение [Карпов, Капустина 2011: 326], поскольку на территориях, выделенных в свое время под сельскохозяйственные нужды, со временем появились населенные пункты, в этническом отношении состоящие исключительно из представителей горских народов Дагестана, в частности, аварцев и даргинцев.

В 1996 году Народным Собранием Республики Дагестан был принят закон «О статусе земель отгонного животноводства в Республике Дагестан», согласно которому сельскохозяйственным предприятиям региона предоставлялось право получать землю в аренду. В соответствии с законом, в случае реорганизации, либо ликвидации подобных предприятий приоритетное право на аренду земель переходит к хозяйствам муниципальных образований, которым они принадлежали ранее [Карпов, Капустина 2011: 324]. С момента принятия данного закона проблема незаконных застроек в Ногайском районе республики актуализировалась еще больше, а количество нелегально

---

¹ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1965 года «Об изменениях в административно-территориальном делении Ставропольского края» // Система доступа к базе всех нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.ussrdoc.com/ussrdoc_communizm/usr_6185.htm (дата обращения: 11.12.2018).

возведенных строений на территориях, отведенных под сельскохозяйственные нужды, регулярно возрастало: в настоящее время на землях отгонного животноводства существует порядка 200 населенных пунктов, не обладающих легальным статусом¹.

Начиная с 2008 года ногайское национальное движение «Бирлик» проводит активную деятельность, направленную на решение возникшей проблемы. 30 марта 2008 года в селе Терекли-Мектеб прошел съезд организации, в ходе которого была дана критическая оценка существующего закона «О статусе земель отгонного животноводства», а также выдвинуто обращение в ООН, где говорилось о «целенаправленном, постепенном, но последовательном выживании с территорий, исконно принадлежащих ногайцам...», и о «лишении права распоряжаться своими этническими землями, территорией и ресурсами» [Карпов, Капустина 2011: 330].

Спустя три года в селе Терекли-Мектеб состоялся Объединенный съезд ногайского народа, который собрал от 500 до 800 участников из различных субъектов Российской Федерации, в частности, Астраханской области, Ставропольского края, Карачаево-Черкесской и Чеченской республик, а также города Москвы. Центральными вопросами прошедшего 29 мая 2011 года съезда стали такие вопросы, как требование прямых выборов главы района, подготовка Всероссийского съезда ногайцев, объединение ногайского этноса в рамках одного субъекта федерации, а также решение земельной проблемы в Ногайском районе Республики Дагестан [Рамазанова 2018b: 52]. Обсуждался и вопрос создания единого органа, координирующего деятельность ногайских общественных структур на уровне регионов. В итоге, решение о создании подобной структуры все-таки было принято, но несколько позже – 24 августа 2013 года на учредительном съезде Федеральной национально-культурной автономии ногайцев «Ногай Эл», а в 2015 году организация получила официальную регистрацию на уровне Министерства юстиции Российской Федерации [Рамазанова 2018b: 52].

Общероссийский съезд ногайского народа прошел 14 июня 2017 года в населенном пункте Терекли-Мектеб и собрал порядка шести тысяч участников. Активно обсуждалась инициатива властей Республики Дагестан по предоставлению легального статуса застройкам на территориях, выделенных под отгонное животноводство. В ходе съезда была принята резолюция, в которой говорилось о необходимости решения всех вопросов, касающихся земель сельскохозяйственного назначения в границах муниципального образования, с участием населения Ногайского района республики². Одна из претензий ногайского населения состоит в том, что большинство фермеров из горных районов Дагестана, пользуясь имеющимися льготами, платят за аренду земли почти в пять раз меньше, нежели коренные жители района. Кроме того,

---

¹ Ногайский район: борьба за землю // Интернет-СМИ «Кавказский узел». URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/305823/> (дата обращения: 12.12.2018)

² В ходе съезда ногайского народа принята резолюция // Интернет-портал «КАВПОЛИТ». 14.06.2017. URL: http://kavpolit.com/articles/v_hode_sezda_nogajskogo_naroda_prinjata_rezoljutsi-34299/ (дата обращения: 14.12.2018).

немаловажным аспектом является то, что финансовые поступления за аренду сельскохозяйственных земель направляются непосредственно в столицу республики, а в бюджет Ногайского района не поступает ничего [Карпов, Капустина 2011: 324-325]. В настоящее время аренда одного гектара земли отгонного животноводства составляет 21 рубль и 70 копеек в год, в то время как местное население вынуждено платить за один гектар 105 рублей¹. В итоговой резолюции съезда было выдвинуто требование об отмене закона «О статусе земель отгонного животноводства в Республике Дагестан» и признании его не соответствующим федеральному законодательству². По мнению председателя организационного комитета Общероссийского съезда ногайского народа Рустама Адильгереева, закон «О статусе земель отгонного животноводства в Республике Дагестан» не соответствует Конституции Российской Федерации, а также федеральным законам «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», в которых не предусмотрена такая категория земель, как земли отгонного животноводства³.

Спустя одиннадцать дней после проведения Общероссийского съезда ногайского народа, 25 июня 2017 года, в селе Нариман состоялся круглый стол, посвященный «земельной проблеме», в котором принимали участие, как депутаты районного парламента, так и ногайские активисты из других регионов Северного Кавказа. По итогам мероприятия было подготовлено и направлено предложение в администрацию Ногайского района о проведении референдума о статусе земель отгонного животноводства и передаче этих территорий под юрисдикцию муниципальных властей. Администрация Ногайского района перенаправила обращение республиканским властям, которые, со ссылкой на правовое управление правительства республики, ответили отказом на проведение референдума, аргументируя это тем, что вопрос о статусе земель отгонного животноводства регулируется на уровне республики и, следовательно, не может быть вынесен на муниципальный референдум⁴.

Кроме того, Собранием депутатов Ногайского района было направлено административное исковое заявление в Верховный суд республики о признании недействующим закона «О статусе земель отгонного животноводства в Республике Дагестан». В рассмотрении иска было отказано, а основной аргумент Верховного суда республики заключался в том, что проверка законов

---

¹ Ногайцы призвали Васильева решить вопрос с землями отгонного животноводства // Интернет-СМИ «Кавказский узел». URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/312411/> (дата обращения: 15.12.2018).

² Ногайский район: борьба за землю // Интернет-СМИ «Кавказский узел». URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/305823/> (дата обращения: 12.12.2018)

³ Ногайцы предложили решить проблему отгонных земель на референдуме // Интернет-СМИ «Кавказский узел». URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/322185/> (дата обращения: 17.12.2018)

⁴ Власти Дагестана отказали ногайцам в проведении референдума // Интернет-СМИ «Кавказский узел». URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/325135/> (дата обращения: 17.12.2018)

и иных нормативных актов субъектов Российской Федерации на предмет их соответствия Конституции относится исключительно к компетенции Конституционного Суда России¹. В свою очередь, Конституционный суд также отказал в рассмотрении выдвинутой ногайскими активистами жалобы, обратив внимание на то, что «Конституционный суд считает необходимым воздерживаться от рассмотрения дел, в которых преобладают аспекты экономической и политической целесообразности»².

Отмена данного закона автоматически приведет к изменениям в системе земельных отношений в республике в целом, в частности, изменится арендодатель земель, что будет означать поступление финансовых средств за аренду сельскохозяйственных территорий непосредственно в бюджет района. Исходя из площади земель отгонного животноводства (577 тыс. гектар), а также актуальной на сегодняшний день размера арендной платы (21 рубль 70 копеек), можно сделать вывод, что сумма финансовых поступлений в бюджет Ногайского района будет составлять 12 520 900 рублей в год, что, в свою очередь, может способствовать более эффективной модернизации объектов социальной инфраструктуры района.

Еще одна немаловажная проблема состоит в том, что фермеры из горных районов республики, работающие на землях отгонного животноводства, вследствие отсутствия у них официальной прописки в Ногайском районе, согласно законодательству должны получать различные государственные услуги по месту официальной регистрации, в отдаленных районах республики, но фактически ситуация складывается таким образом, что социальное обслуживание они вынуждены получать по месту фактического проживания, что создает дополнительную нагрузку на социальную инфраструктуру и бюджет Ногайского района [Адиев 2017: 184].

Заключение

Необходимо подчеркнуть, что наличие вышеназванных проблем является довольно значимым фактором, способным оказать дестабилизирующее влияние на сферу межэтнических отношений как в Республике Дагестан, так и в Ставропольском крае. Тенденции к повышению уровня недовольства населения Ногайского района сложившейся ситуацией вокруг земель отгонного животноводства, которые можно наблюдать последние семь-восемь лет, способствуют все более активному распространению среди ногайского социума идей о выходе из состава Республики Дагестан и создании единого национально-территориального субъекта в составе России. В условиях стабильного состояния политической системы на общефедеральном уровне подобные региональные противоречия, как правило, воспринимаются как имеющие латентный характер, а часто и вовсе остаются незамеченными.

---

¹ Ногайцы предложили решить проблему отгонных земель на референдуме // Интернет-СМИ «Кавказский узел». URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/322185/> (дата обращения: 17.12.2018)

² Там же.

Однако недооценивать их ни в коем случае нельзя, поскольку в случае потенциально возможного сценария дестабилизации политической системы страны непременно дадут о себе знать различные нерешенные, считавшиеся ранее «латентными» противоречия на региональном уровне, одновременно разрешить которые ослабевшим институтам государственной власти будет крайне сложно, что чревато дезинтеграцией страны по территориальному принципу, как это уже имело место в начале 90-х годов в период распада СССР. Следует обязательно учитывать, что после президентских выборов 2024 года могут быть самые различные сценарии развития политической системы, в том числе и способные привести к ее временной дестабилизации, поэтому в данном аспекте особенно актуальным становится вопрос проведения реформ на региональном уровне, направленных на формирование определенного «иммунитета» внутри системы государственного управления, который позволит избежать центробежных процессов в государстве.

В случае вероятных изменений в политической системе, а также сложившейся конфигурации во взаимодействии различных ветвей власти, в некоторых субъектах страны, в особенности на Северном Кавказе, могут начать набирать популярность идеи регионального национализма, способные выходить за рамки движений национально-культурного и автономистского типа. Главная опасность состоит в том, что эти движения могут входить в противоречия не только с интересами федеральных властей, но и друг с другом, что, в свою очередь, в реалиях многосоставного социума может являться источником различных межэтнических конфликтов, имеющих глубокие исторические корни. В данном аспекте решение проблемы разделенных народов в северокавказском регионе приобретает особую значимость. Применительно к ногайскому этносу вариантом решения вышеназванной проблемы может стать создание единого административно-территориального субъекта в составе Российской Федерации, основу которого могла бы составить территория от Кара-Тюбинского сельского поселения Ставропольского края на западе до Новодмитриевского сельского поселения Тарумовского района Республики Дагестан на востоке. Учитывая крайне небольшую численность населения (примерно 37 000 жителей), потенциальное ногайское административно-территориальное образование могло бы получить статус автономного округа, имеющего также статус отдельного субъекта Российской Федерации, но при этом входящего в состав другого субъекта страны (или Ставропольского края, или Республики Дагестан) [Узнародов 2018: 393]. В настоящее время в качестве примера административно-территориальной единицы с подобным статусом можно привести Ненецкий автономный округ, являющийся как самостоятельным субъектом, так и частью Архангельской области.

Позитивное влияние предложенного решения будет заключаться в том, что воплощение ногайских ирредентистских устремлений произойдет в условиях стабильного состояния российской политической системы. Таким образом, данный вопрос будет решен еще до гипотетически возможного сценария, связанного с социально-политической дестабилизацией в стране, что,

в свою очередь, позволит избежать перехода данного латентного конфликта в более радикальную форму противостояния.

Такой же вывод можно сделать и в отношении проблемы земель отгонного животноводства, от решения которой также во многом зависит состояние межэтнических отношений и стабильность этносоциальных процессов в Республике Дагестан. Как и в случае с вопросом ирредентистских устремлений ногайского этноса, затягивание решения проблемы может в будущем неблагоприятно сказаться на характере межэтнических отношений в северных районах Дагестана и привести к эскалации имеющихся исторических противоречий между различными этническими группами, в частности, тюркскими народами степного Дагестана с одной стороны, и горскими народами республики с другой.

Снижению имеющейся напряженности вокруг земельного вопроса может способствовать передача территорий, предназначенных для отгонного животноводства, в собственность равнинных районов и входящих в их состав сельских поселений. Необходимо подчеркнуть, что отказываться от практики предоставления земель для отгонного животноводства все же не следует, при этом, было бы целесообразнее прибавить от аренды данной категории земель оставлять непосредственно в бюджете равнинных районов. Для Ногайского района, население которого составляет 22 472 человек¹, ежегодные поступления в бюджет в размере 12 520 900 рублей могли бы стать очень неплохим ресурсом для решения задач, связанных с модернизацией социальной инфраструктуры района. Кроме того, не стало бы лишним решение о снижении арендной стоимости земель отгонного животноводства для местных жителей Ногайского района (в настоящее время она составляет 105 рублей за один гектар, что почти в пять раз выше, чем для жителей горных районов республики). Также является целесообразным провести аудит действующих в настоящее время соглашений по аренде земель. Если проверка покажет, что данные участки используются не по прямому назначению (то есть, не исключительно в сельскохозяйственных целях), то подобный арендатор в дальнейшем должен лишаться права на работу на этих землях, а договор аренды с ним должен быть расторгнут.

Итак, в заключение следует отметить, что такие меры, как создание единого ногайского административно-территориального субъекта и передача земель отгонного животноводства в собственность Ногайского района могут в будущем создать определенный иммунитет от возможных деструктивных процессов в сфере межэтнических отношений, которые могут получить развитие в северных районах Республики Дагестан в случае общей дестабилизации политической ситуации в России.

---

¹ Всероссийская перепись населения 2010 года. Численность населения городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений, городских и сельских населенных пунктов Республики Дагестан // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан. Официальный сайт. URL: dagstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/dagstat/resources/b698fa00421f084fbfb3ff2d59c15b71/ВПН+том1.rar (дата обращения: 20.11.2018)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адиев 2017 – *Адиев А.З.* Земельная реформа и протесты в Ногайском районе Дагестана (анализ событий 2017 г.) // *Власть*. – 2017. – № 11. – С. 181-186.

Карпов, Капустина 2011 – *Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л.* Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. – 448 с.

Рамазанова 2018a – *Рамазанова Д.Ш.* Ногайцы и территория их расселения в политике Российского государства на Северном Кавказе в конце XIX – первой половине XX века // *Общество: философия, история, культура*. – 2018. – № 2. – С. 49-56.

Рамазанова 2018b – *Рамазанова Д.Ш.* Проблемы национального развития разделенного Ногайского народа (на материалах Республики Дагестан) // *Общество: философия, история, культура*. – 2018. – № 3. – С. 48-54.

Узнародов 2018 – *Узнародов Д.И.* Проблема разделенных народов на Северном Кавказе в конце XX – начале XXI в. // *Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 19-22 сентября 2018 г.)* / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. – С. 388-397.

REFERENCES

ADIEV A.Z. *Zemel'naya reforma i protesty v Nogaiskom raione Dagestana (analiz sobytii 2017 g.)* [Land reform and protests in Nogai district of Dagestan (analysis of the events of 2017)]. IN: *Vlast'*. – 2017. – No 11. – P. 181-186. (In Russian)

KARPOV Yu.Yu., KAPUSTINA E.L. *Gortsy posle gor. Migratsionnye protsessy v Dagestane v XX – nachale XXI veka: ikh sotsial'nye i etnokul'turnye posledstviya i perspektivy* [Hillmen behind mountains. Migration processes in Dagestan in the XX – the beginning of the XXI century: its social and ethno-cultural consequences and prospects]. – Saint-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2011. – 448 p. (In Russian)

RAMAZANOVA D.Sh. *Nogaisy i territoriya ikh rasseleniya v politike Rossiiskogo gosudarstva na Severnom Kavkaze v kontse XIX – pervoi polovine XX veka* [Nogais and the territory of its settlement in the policy of Russian state in the North Caucasus at the end of XIX-first half of XX century]. IN: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. – 2018. – No 2. – P. 49-56. (In Russian)

RAMAZANOVA D.Sh. *Problemy natsional'nogo razvitiya razdelennogo Nogaiskogo naroda (na materialakh Respubliki Dagestan)* [Problems of national development of the separated Nogai people (on materials of the Republic of Dagestan)]. IN: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. – 2018. – No 3. – P. 48-54. (In Russian)

UZNARODOV D.I. *Problema razdelennykh narodov na Severnom Kavkaze v kontse XX – nachale XXI v.* [The problem of separated peoples in North Caucasus in the late XX-early XXI century]. IN: *Sotsial'noe protivostoyanie i ego proyavleniya na Yuge Rossii v XX – nachale XXI v. (k stoletiyu nachala Grazhdanskoi voiny i obrazovaniya Donskoi respubliki): materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 19-22 sentyabrya 2018 g.)* [Social confrontation and its manifestations in the South of Russia in the XX – early XXI century (to the centenary of the Civil War and the formation of Don Republic): Materials of all-Russian scientific conference (Rostov-on-Don, 19–22 September 2018)] / Ed. by akad. G.G. Matishov. – Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2018. – P. 388-397. (In Russian)

КАВКАЗ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

УДК 33 (479)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-204-225

**CHINA'S GROWING PRESENCE IN THE CAUCASUS AND ITS
NEIGHBOURHOOD: NEW SILK ROAD****ARGUN BAŞKAN**

Ege University
35040, Turkey, Izmir-Bornova, Youth Street
E-mail: argunbaskan@gmail.com

Abstract. “One Belt, One Road” (OBOR; also referred as the Belt and Road Initiative – BRI; New Silk Road) of the People's Republic of China is an ambitious amalgamation of mega-projects spanning through not only Eurasia (from China to the European Union) but also parts of other continents. Caucasus is one of the transit areas. The article aims to examine the workings of the OBOR with a focus on the Caucasus (Russian Federation's North Caucasus and the South Caucasus). Even if it does not hold a decisive central position, the Caucasus is not a negligible area in Eurasian and wider world politics. Its location between Russia, Eastern Europe, Central Asia and the Middle East is now being more appreciated by China. It is clear, on the other side that China is getting more and more important for the Caucasus. The question is about the maximum level and scope of this influence. As to the North Caucasus the focus of Chinese involvement seems on touristic infrastructure so far. Pretty much everybody agrees that Chinese influence (both geopolitical and economic) is on the rise in the South Caucasus. China bears almost no ethno-political, religious, ideological and historical burden and debts in the Caucasus. This gives China an exceptional flexibility. All South Caucasus countries perceive Chinese investments positively regarding economic and regional stability. China also refrains from expressing strong opinions about local conflicts. So, assessing the Caucasus in wider Eurasian transformations like in the massive case of the OBOR, one may find that in some ways, the OBOR enforces and completes cooperative elements in the region (e.g. Turkish-Georgian-Azeri partnerships). In some other ways, it underlines the existing disagreements and exclusions (e.g. Abkhazia, Armenia). Given the fact that the Caucasus is only one of the many transit hubs in the OBOR, attitudes of regional actors seem to be relatively more critical for the level of the region's mostly positive or negative interaction with the OBOR. Generally speaking, the OBOR provides rather opportunities than problems in the case of the Caucasus to the extent it would make the Caucasus further approach the EU cooperation space which is along with China itself one of the two pillars of the OBOR.

Keywords: International Relations; Russia; China; Europe; Caucasus; Turkey.

РАСТУЩЕЕ ПРИСУТСТВИЕ КИТАЯ НА КАВКАЗЕ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ: НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

АРГУН БАШКАН

Эгейский Университет

35040, Турция, Измир-Борнова, улица Молодежная

E-mail: argunbaskan@gmail.com

Аннотация. «Один пояс, один путь» (ОПОП; также обозначаемый как Инициатива одного пояса и пути – ИПП; Новый шелковый путь) является амбициозной амальгамой мега-проектов Китайской народной республики, простирающихся не только через Евразию (от Китая до Европейского союза), но также частью через другие континенты. Кавказ является одной из транзитных ареалов. Цель настоящей статьи – исследовать воздействие Нового шелкового пути, фокусируясь на Кавказе (Российском Северном Кавказе и Южном Кавказе). Хотя он не занимает ключевого центрального положения, Кавказ нельзя считать и малозначительным регионом в евразийской и мировой политике. Его расположение между Россией, Восточной Европой, Центральной Азией и Ближним Востоком вызывает все больший интерес со стороны Китая. Очевидно, с другой стороны, что Китай приобретает все более важное значение для Кавказа. Вопрос заключается в том, каковы возможные пределы и масштаб этого значения. Что касается Северного Кавказа, то китайское участие пока сфокусировано на туристической инфраструктуре. Но практически все согласны, что на Южном Кавказе растет геополитическое и экономическое влияние Китая. Китай на Кавказе почти полностью свободен от этно-политических, религиозных, идеологических обязательств и давления исторического груза. Это позволяет ему проявлять исключительную гибкость. Все страны Южного Кавказа позитивно воспринимают китайские инвестиции как фактор экономической и региональной стабильности. Китай также воздерживается от выражения твердых позиций относительно местных конфликтов. Таким образом, рассматривая место Кавказа в более широких трансформациях в Евразии, таких как масштабный проект ОПОП, можно обнаружить, что в некоторых отношениях он усиливает и придает завершенность элементам сотрудничества в регионе (например, Турецко-Грузинско-Азербайджанскому партнерству). В некоторых других отношениях он оттеняет существующие разногласия и отчужденность (например, Абхазия, Армения). Поскольку Кавказ является только одним из многих транзитных хабов на Новом шелковом пути, преимущественно позитивное или негативное взаимодействие региона с проектом ОПОП в большей степени определяется подходом региональных акторов. В целом для Кавказа ОПОП создает скорее возможности чем проблемы в той мере, в какой приближает Кавказа к пространству сотрудничества ЕС, которое является, наряду с самим Китаем, одной из двух опор ОПОП.

Ключевые слова: международные отношения; Россия; Китай; Европа; Кавказ; Турция.

Introduction

If globalization needs an iconic symbol, “One Belt, One Road” (OBOR; also referred as the Belt and Road Initiative – BRI; New Silk Road) of the People's Republic of China (PRC; hereinafter, China) would be a strong candidate whose ultimate performance is yet to be witnessed. The OBOR is China's biggest outreach to the European Union (EU) area. In some ways, it is the symbolic rebirth of the historical Silk Road. The OBOR presents new opportunities and challenges for the

world, especially the direct participants. In this context, Caucasus is one the transit areas. In this article, I aim to examine the workings of the OBOR with a focus on the Caucasus (Russian Federation's North Caucasus and the South Caucasus) with complementary references to Turkey and Iran as well. I will also give a few assessments on the roles of the U.S., the EU, India and Japan.

Major aspects of the OBOR *Launch of the OBOR*

In broadest terms, the OBOR takes its roots from the late 1990s. Since then, Beijing has been trying to establish solid contacts with Caucasus, Central Asia and the EU. It encompasses transportation of people, goods and services in the geographically most diversified manner possible [Ghiassy and Zhou 2017: 4]. Announced in 2013, the OBOR [Soric 2017] is a massive and ambitious amalgamation of land, maritime, and, to a lesser extent, air transportation projects between China and the EU. It also encompasses several locations in Africa.

Based on the speech Chinese President Xi Jinping at the 2017 Opening Ceremony of The Belt and Road Forum for International Cooperation¹, some noteworthy points are as follows as I categorized them under subtitles in brackets:

[Historical and Philosophical Background]

“Generation after generation, the silk routes travelers have built a bridge for peace and East-West cooperation. [...] The ancient silk routes spanned the valleys of the Nile, the Tigris and Euphrates, the Indus and Ganges and the Yellow and Yangtze Rivers. [...] Egyptian, Babylonian, Indian and Chinese civilizations [...] Buddhism, Christianity and Islam and homes of people of different nationalities and races. [...] Jiuquan, Dunhuang, Tulufan, Kashi, Samarkand, Baghdad and Constantinople as well as ancient ports of Ningbo, Quanzhou, Guangzhou, Beihai, Colombo, Jeddah and Alexandria stand as living monuments to these past interactions. [...] civilization thrives with openness and nations prosper through exchange. [...] More importantly, the exchange of goods and know-how spurred new ideas. For example, Buddhism originated in India, blossomed in China and was enriched in Southeast Asia. Confucianism, which was born in China, gained appreciation by European thinkers such as Leibniz and Voltaire. Herein lies the appeal of mutual learning. [...] History is our best teacher. The glory of the ancient silk routes shows that geographical distance is not insurmountable. If we take the first courageous step towards each other, we can embark on a path leading to friendship, shared development, peace, harmony and a better future. [...]

[Major Global Challenges]

Never have we seen such close interdependence among countries as today, such fervent desire of people for a better life, and never have we had so many means

---

¹ Full text of President Xi's speech at opening of Belt and Road forum. 14.05.2017 // Belt and Road Forum for International Cooperation: website. URL: <http://www.beltandroadforum.org/english/n100/2018/0306/c25-1038.html> (Date of Access: 27.08.2018).

to prevail over difficulties. In terms of reality, we find ourselves in a world fraught with challenges. Global growth requires new drivers, development needs to be more inclusive and balanced, and the gap between the rich and the poor needs to be narrowed. Hotspots in some regions are causing instability and terrorism is rampant. Deficit in peace, development and governance poses a daunting challenge to mankind. This is the issue that has always been on my mind.

[Transportation and Connectivity]

In the autumn of 2013, respectively in Kazakhstan and Indonesia, I proposed the building of the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road, which I call the Belt and Road Initiative. [...] I have said on many occasions that the pursuit of the Belt and Road Initiative is not meant to reinvent the wheel. Rather, it aims to complement the development strategies of countries involved by leveraging their comparative strengths. We have enhanced coordination with the policy initiatives of relevant countries, such as the Eurasian Economic Union of Russia, the Master Plan on ASEAN Connectivity, the Bright Road initiative of Kazakhstan, the Middle Corridor initiative of Turkey, the Development Road initiative of Mongolia, the Two Corridors, One Economic Circle initiative of Viet Nam, the Northern Powerhouse initiative of the UK and the Amber Road initiative of Poland. We are also promoting complementarity between China's development plan and those of Laos, Cambodia, Myanmar, Hungary and other countries. China has signed cooperation agreements with over 40 countries and international organizations and carried out framework cooperation on production capacity with more than 30 countries. [...] Building roads and railways creates prosperity in all sectors. We have accelerated the building of Jakarta-Bandung high-speed railway, China-Laos railway, Addis Ababa-Djibouti railway and Hungary-Serbia railway, and upgraded Gwadar and Piraeus ports in cooperation with relevant countries. A large number of connectivity projects are also in the pipeline. [...] Total trade between China and other Belt and Road countries in 2014-2016 has exceeded US\$3 trillion, and China's investment in these countries has surpassed US\$50 billion. Chinese companies have set up 56 economic cooperation zones in over 20 countries, generating some US\$1.1 billion of tax revenue and 180,000 jobs for them.

[Finance and Budget]

[...] The Asian Infrastructure Investment Bank has provided US\$1.7 billion of loans for 9 projects in Belt and Road participating countries. The Silk Road Fund has made US\$4 billion of investment, and the 16+1 financial holding company between China and Central and Eastern European countries has been inaugurated. With distinctive focus, these new financial mechanisms and traditional multilateral financial institutions such as the World Bank complement each other.

[Geopolitics]

[...] As we often say in China, "The beginning is the most difficult part." [...] First, we should build the Belt and Road into a road for peace. The ancient silk routes thrived in times of peace, but lost vigor in times of war. The pursuit of the Belt

and Road Initiative requires a peaceful and stable environment. We should foster a new type of international relations featuring win-win cooperation; and we should forge partnerships of dialogue with no confrontation and of friendship rather than alliance. All countries should respect each other's sovereignty, dignity and territorial integrity, each other's development paths and social systems, and each other's core interests and major concerns.

Some regions along the ancient Silk Road used to be a land of milk and honey. Yet today, these places are often associated with conflict, turbulence, crisis and challenge. Such state of affairs should not be allowed to continue. We should foster the vision of common, comprehensive, cooperative and sustainable security, and create a security environment built and shared by all. We should work to resolve hotspot issues through political means, and promote mediation in the spirit of justice. We should intensify counter-terrorism efforts, address both its symptoms and root causes, and strive to eradicate poverty, backwardness and social injustice.

[Transportation and Connectivity]

Second, we should build the Belt and Road into a road of prosperity. [...] Industries are the foundation of economy. [...] Finance is the lifeblood of modern economy. Only when the blood circulates smoothly can one grow. [...] Infrastructure connectivity is the foundation of development through cooperation. We should promote land, maritime, air and cyberspace connectivity, concentrate our efforts on key passageways, cities and projects and connect networks of highways, railways and sea ports. [...] Third, we should build the Belt and Road into a road of opening up. Opening up brings progress while isolation results in backwardness. [...] We should build an open platform of cooperation and uphold and grow an open world economy.

[Science and Innovation]

[...] Fourth, we should build the Belt and Road into a road of innovation. [...] We should pursue the new vision of green development and a way of life and work that is green, low-carbon, circular and sustainable. [...] Educational cooperation should be boosted, more exchange students should be encouraged and the performance of cooperatively run schools should be enhanced. [...] In the cultural, sports and health sectors, new cooperation models should be created to facilitate projects with concrete benefits. Historical and cultural heritage should be fully tapped to jointly develop tourist products and protect heritage in ways that preserve the distinctive features of the Silk Road. We should strengthen exchanges between parliaments, political parties and non-governmental organizations of different countries as well as between women, youths and people with disabilities with a view to achieving inclusive development. [...] We will actively promote supply-side structural reform to achieve sustainable development, inject strong impetus into the Belt and Road Initiative and create new opportunities for global development.

[Geopolitics]

[...] We are ready to share practices of development with other countries, but we have no intention to interfere in other countries' internal affairs, export our own

social system and model of development, or impose our own will on others. In pursuing the Belt and Road Initiative, we will not resort to outdated geopolitical maneuvering. What we hope to achieve is a new model of win-win cooperation. We have no intention to form a small group detrimental to stability, what we hope to create is a big family of harmonious co-existence.

[Science and Innovation]

China has reached practical cooperation agreements with many countries on pursuing the Belt and Road Initiative. These agreements cover not only projects of hardware connectivity, like transport, infrastructure and energy, but also software connectivity, involving telecommunications, customs and quarantine inspection. [...] The Chinese railway authorities will sign agreements with their counterparts of related countries to deepen cooperation on China-Europe regular railway cargo service.

[Finance and Budget]

[...] China will scale up financing support for the Belt and Road Initiative by contributing an additional RMB 100 billion to the Silk Road Fund, and we encourage financial institutions to conduct overseas RMB fund business with an estimated amount of about RMB 300 billion. The China Development Bank and the Export-Import Bank of China will set up special lending schemes respectively worth RMB 250 billion equivalent and RMB 130 billion equivalent to support Belt and Road cooperation on infrastructure, industrial capacity and financing.

[Development Aid]

We will also work with the AIIB, the BRICS New Development Bank, the World Bank and other multilateral development institutions to support Belt and Road related projects. We will work with other parties concerned to jointly formulate guidelines for financing the Belt and Road related development projects. [...] In the coming five years, we will offer 2,500 short-term research visits to China for young foreign scientists, train 5,000 foreign scientists, engineers and managers, and set up 50 joint laboratories. [...] In the coming three years, China will provide assistance worth RMB 60 billion to developing countries and international organizations participating in the Belt and Road Initiative to launch more projects to improve people's well-being. We will provide emergency food aid worth RMB 2 billion to developing countries along the Belt and Road and make an additional contribution of US\$1 billion to the Assistance Fund for South-South Cooperation. China will launch 100 "happy home" projects, 100 poverty alleviation projects and 100 health care and rehabilitation projects in countries along the Belt and Road. China will provide relevant international organizations with US\$1 billion to implement cooperation projects that will benefit the countries along the Belt and Road. [...] We will also develop a network for cooperation among the NGOs in countries along the Belt and Road as well as new people-to-people exchange platforms such as a Belt and Road news alliance and a music education alliance.

[Participants and Enlargement]

The Belt and Road Initiative is rooted in the ancient Silk Road. It focuses on the Asian, European and African continents, but is also open to all other countries. All countries, from either Asia, Europe, Africa or the Americas, can be international cooperation partners of the Belt and Road Initiative.”

As seen above, the OBOR is basically about trade transportation infrastructure in any case. However, it is also intended to address secondary and complimentary issues more or less in a comprehensive manner.

Objectives

Basically, its rationale is to cut down the mainstream maritime transit time (some 30-40 days) and costs down to some 15 days between China and the EU [Uysal, 2016: 55]. From Beijing's viewpoint, the profits the OBOR remain as: (1) cutting down the time for the delivery of Beijing's commercial goods, particularly as Beijing enhances its goods to more sophisticated levels and considering the developing e-commerce market; (2) dropping Beijing's perils in sea trade prohibition resulting from Washington's supremacy in important chokepoints in the sea routes around East Asia; (3) enabling growth in China's interior provinces, particularly Xinjian; (4) dealing with surplus production issue [Inan, Yayloyan 2018: 28]. OBOR is alternative means for Beijing to deal with the surplus bulk issue, even though not in the manner that several spectators think. When Beijing proclaimed the OBOR, some experts categorized it as an action by Beijing to export surplus manufacturing. Reportedly, the OBOR was even initially created as a not so ambitious export framework in the first place [Cai 2017: 12].

Tools

Under the OBOR China is making bilateral deals with the participating countries. Actually, formal or technical frameworks and regulations barely exist. As a noteworthy exception, though, the OBOR was incorporated into the Chinese constitution in 2017 [Shepard 2017b]. OBOR based pipelines would not totally replace maritime transportation but they would help to diversify China's options and lessen the country's strategic vulnerability. This would be especially helpful in case of a conflict-like situation between a US-led alliance and China. Plus, if all goes as expected, the OBOR would be a best case of China's peaceful foreign policy intentions in line with official statement [Rolland 2017: 112-113].

Funding

Beijing has vowed to devote huge funds for the OBOR. In 2014, Beijing set up USD 40 billion Silk Road Fund – with common-venture from the State Administration of Foreign Exchange, Beijing Venture Corporation, Foreign sale-Import Bank of Beijing and Beijing Development Bank – to invest in OBOR ventures. Plus, Beijing as well as founded two development banks – the Asian Logistical Venture Bank (AIIB) with USD 100 billion and the New Development Bank (NDB) with a overall venture of USD 50 billion, indicating Beijing's enthusiasm to needs to bear the TASK. In May 2017, at the OBOR Forum in Beijing,

Beijing proclaimed a capital increase promising an additional USD 24 billion [Inan, Yayloyan 2018: 23]. Despite opposition from the US, participation of key European countries, South Korea and Australia in China's AIIB contributed to the legitimacy of the bank. Another win for Beijing was its ability to block Taiwan's application to join the bank [Danner 2018: 17-18].

Challenges

There are a number of challenges before the OBOR: (1) financial sustainability of the OBOR's funding by China and other participants [Shepard 2017b]; (2) geopolitical rivalries in the OBOR area [Krakowska 2018]; (3) coordination of numerous projects in about 60 countries [Shams 2017]; (4) possible negative side-effects of the OBOR over existing problems in the OBOR countries (e.g. weak governance, corruption, lack of transparency, human rights violations, environmental pollution) [Shams 2017]. The OBOR also creates dependencies for the long term. Chinese loans would bring heavy debt burden (also called as "debt trap") for the participating countries. The OBOR would also trigger or worsen socio-political problems. For instance, the handling of the China-Pakistan economic corridor (CPEC) project causes multi-level problems (e.g. land grabbing and forced internal migration) in Pakistan. So, China may be underestimating such local or international risks [Shams 2017]. All in all, the OBOR looks like a "very complex endeavour" [Van der Leer 2018: 7] for skeptics.

Russian Federation and the OBOR

Even though relations between the Russian Federation (RF; hereinafter, Russia) and China are essential for both sides, Russian route is not the dominant one for OBOR. The following factors motivate Russia to work with China to deal with: (1) global geopolitical challenges; (2) rise of the Asia-Pacific region; (3) economic problems in Russian eastern territories and the Central Asia. Yet, Russia has worries about: (1) whether Chinese presence would also gain a military dimension to protect key infrastructure in these regions; (2) Russian demographic decline in the Russian Far East in sharp contrast to the large Chinese demographic bloc [Avdaliani 2017a]. Indeed, from China's point of view, Georgia and even Russia are small entities [Roehrs-Weist 2018]. (3) China-led upgrading of Iranian-Uzbek railway connections and full operationalization of Baku-Tbilisi-Kars (BTK) line [Yan 2017] as exemplary alternative transportation routes that would considerably bypass (if not totally eliminate) Russia-based transportation options.

In contrast to Beijing, Moscow's involvement in international rules is pointedly inferior because of stricter expectations on a worldwide level, weaker economic tools, and low levels of unification with international commerce flows. Consequently, international intergovernmental and commercial predictability is not critically important for Moscow. According to Kaczmarek, ambiguity benefits Moscow to display its power [Kaczmarek 2018: 244].

According to the analysis of Charaia and Papava [Charaia, Papava 2018: 126-127], Russia has launched the Greater Eurasian Partnership (GEP) in association with the Eurasian Economic Union (EAEU). The rationale is to combine economic issues with geopolitical ones to strengthen Russia's position vis-à-vis China's clear

economic advantages. From an cautiously optimistic perspective on the eventual compatibility of the OBOR and the GEP, Li [Li 2018: 94, 97-98] points that:

“For [the GEP] to succeed, it must strictly adhere to WTO [World Trade Organization] rules [...]. [p. 94] [...] Russia and China would also enjoy certain opportunities with the creation of the [GEP]. First, their economies complement each other greatly [...]. Of course, the process [...] cannot progress smoothly at all times [...]. First, Russia is concerned that China’s enormous economy could hurt the integration processes of the EAEU [...]; second, after the SCO [Shanghai Cooperation Organization] admits new member countries, Indo-Chinese and Indo-Pakistani disagreements could have a negative impact [...] within the SCO; and so on. Nevertheless, it is realistic to link the Greater Eurasian Partnership [...] with the Belt and Road Initiative. [p.98]”

On the other hand, the International Crisis group has a more pessimistic perspective. According to its assessment, Russia seems to be interested in partially counter-balancing the Chinese dominated OBOR with a more local and vague model called as “Greater Eurasia” under the Eurasian Economic Union (EEU). Additionally, Kazakhstan seems a bit more welcoming towards Western elements in the region to balance Russia and China, Uzbekistan seems to prefer tighter trade norms in cooperation with Russia and China [International Crisis Group 2017].

In a simplistic conclusion on this matter, I think that multi-party and institution-centred relations between Russia and China seem generally more difficult to manage in comparison to mere bilateral Russian-Chinese relations. The details of wider Eurasian institutional cooperation mechanisms somewhat goes beyond the scope of this paper at this point.

Table 01: Russian and Chinese Attitudes Towards Mutual Cooperation

	Level of Russian Willingness	Level of Chinese Willingness
Jointly limiting the influence of the U.S.	High	High
Coordination in the Central Asia	Medium	High
Coordination in the Caucasus	Medium	High
Coordination in the Korean Peninsula	High	High
Further internationalization of the Former Soviet Space	Low	High
Note: (+) denotes mostly supportive attitudes. (-) denotes mostly non-supportive attitudes.		
Source: Interpretatively compiled from [Avdaliani 2017a].		

China and the Caucasus

Even if it does not hold a decisive central position, the Caucasus is not a negligible area in Eurasian and wider world politics. Its location between Russia,

Eastern Europe, Central Asia and the Middle East is now being more appreciated by China, and, to a lesser extent, even by India and Japan. As in many other condense, multiethnic settings squeezed between larger neighbors, the Caucasus host delicate acts of geopolitical and economic cooperation and competition at the same time. As Babayan [Babayan 2016: 12] notes, local policy goals and shifts are in an uneasy interaction with those of the neighboring countries and great powers.

From wider historical perspective Caucasus and China had already contacts via the historical Silk Road. This contact eventually faded as the historical Silk Road lost its importance. In the Soviet period, Caucasus and China reestablished minimal relations thanks to communist internationalism. Much of the Post-Soviet era saw little impulse in the contacts. Indeed, the OBOR is practically a radical breakthrough in comparative terms. However, even within the OBOR, Caucasus-Chinese trade volume figures are not top cases in China's global engagement [Hovhanesian, Manasyan 2014: 6-7]. Actually, China is asymmetrically more important for the Caucasus than the other way around. This should be considered normal at some point considering China's economic capacity which roughly catches up even with that of the US and the EU.

It is clear that China is getting more and more important for the Caucasus. The IMF is expecting the continuation of large Chinese investment to both the Caucasus and Central Asia under the OBOR framework in the next ten years [Kleiman 2018]. The question is about the maximum level and scope of this influence. Michael Eric Lambert even argues that China would single-handedly shape the future of the region [Roehrs-Weist 2018]. However, current economic outlook has its limits. Chinese trade with Central Asia has a larger volume compared to that with the Caucasus and even Russia [Devonshire-Ellis 2015]. Chinese investments in Central Asia are generally large-scale infrastructure projects that are backed by special loans from China's state-owned banks [Yan 2017].

According to Rinna's more moderate political projections which contrast with Lambert's views, China does not view the Caucasus as a special sphere of influence, and, is unlikely to turn into the dominant power in the region. Compared to the Central Asia, South Caucasus has less significance per se. Two major causes are the Caucasus's geographical distance from China, and, regional freight security risks. Whereas China has clear economic expectations, it is much less likely to engage in regional political or military tasks (e.g. peacekeeping operations) [Rinna 2015]. Beijing's key interests in the Caucasus appear to be: (1) continuation of the geopolitical status quo in the North Caucasus; (2) geopolitical neutrality of the South Caucasus; (3) prevention of the rise of anti-status quo radical ideologies [Babayan 2016: 12].

China is considerably more active in Central Asia than in Caucasus. For China, Caucasus is one of the neighborly transit routes between Central Asia and Europe. Meanwhile the EU has a similar perception of the Caucasus regarding overall reach to Central Asia and, then, China. China's primary interest is to see the Caucasus as a open route to the EU. Furthermore, unlike the EU and Russia, China does not seem to have strong preferences in the domestic politics and regime types of the polities of the Caucasus. Additionally, China's overall relationship with Russia is a mix of

cooperation and competition [Boonstra 2015: 22].

North Caucasus

The table provided below presents a summarized outline and chronology of China's recent involvement in the North Caucasus. The focus seems on touristic infrastructure so far.

Table 02: A Basic Chronology of Events		
Date of Announcement	Participants and Sector	Sources
06.2012	Tourism: Russian company Northern Caucasus Resorts (NCR OJSC) signed a contract with French Caisse des Depots et Consignations to develop tourism infrastructure.	[Baronin, Kolpakov 2013]
17.05.2013	Tourism: Russian company Northern Caucasus Resorts (NCR OJSC) and Chinese Dalian Wanda Group Corporation and China Oceanwide Holdings Group signed a Memorandum of Intent for the development of resorts in Northern Caucasus federal district, the Krasnodar territory, the Republic of Adyghey, Caspian Lowland in Dagestan, Sochi, Arkhyz in Karachay-Cherkess Republic. Earlier, some potential South African, French and Turkish investors had proposed smaller amounts for investment.	[Baronin, Kolpakov 2013]
06.2014	Macroeconomy: Georgia signed an association agreement with the EU.	[Soric 2017]
01.2015	Macroeconomy: Armenia joined the Eurasian Economic Community (EEC)	[Devonshire-Ellis 2015]
05.10.2016	Air travel; Tourism: Airports of Mineralnye Vody and Mahachkala have signed a memorandum with five Chinese tour operators for regular flights.	Regnum.ru ¹
01.2017	Multi-Sectoral: Georgian government and private Chinese companies agreed on the management of the Poti Free Industrial Zone (FIZ).	[Yan 2017]
05.2017	Multi-Sectoral: Georgia and China signed a free trade agreement (FTA).	[Soric 2017]
2018	Transportation; Energy: The Chinese-led Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) has loaned USD 600 million Azerbaijan for construction of Trans-Anatolian Natural Gas Pipeline Project (TANAP) gas pipeline, and, USD 114 million Georgia for Batumi road project.	[Poghosyan 2018]

¹ Kitai i Kavkaz svyazhet vozdushnyi «Velikii shelkovyi put'» [China and the Caucasus will connect the air “Great Silk Road”]. 05.10.2016 // Regnum.ru – information agency: website. URL: <https://regnum.ru/news/2188676.html> (Date of Access: 30.04.2018).

10.04.2018	Air Travel; Tourism: A Chinese airline company expressed intention to start Mineralnye Vody-Beijing and Mineralnye Vody-Shanghai flights.	TASS ¹
05.07.2018	Agriculture: Some locals in Chechnya publicly protested Chinese companies for using poisonous pesticides in agriculture.	Кавказ.Реалии ²
03.08.2018	Tourism: Kabardino-Balkaria and China signed three co-operation agreements over trade, tourism, agriculture.	Interfax ³ ; РИА Новости ⁴ ; Московский Комсомолец ⁵
09.08.2018	Tourism: Foreign tourism journalists from Turkey, Azerbaijan, China, Saudi Arabia, the United Arab Emirates, Hungary, the Czech Republic, Italy and France visited Karachay-Cherkessia and Kabardino-Balkaria.	Svali.ru ⁶
Note: All projects presented in this table are backed by public authorities in general.		
Sources: Compiled from the sources shown inside the table above.		

South Caucasus

Pretty much everybody agrees that Chinese influence (both geopolitical and economic) is on the rise in the South Caucasus. The debate is about the impact and scope of that engagement. Krakowska [Krakowska 2018] points that regional countries may follow mainly four paths of adaptive leaning rather towards: (1) the West; (2) Russia; (3) China; (4) neutrality.

South Caucasian economies are expected to show some grow between 2018

¹ Ekspert: Kitai mozhет stat' krupneishim investorem dlia kurortov Kavkazskikh Mineral'nykh Vod. 10.04.2018 // TASS – Russian news agency: website. URL: <https://tass.ru/v-strane/5109240> (Date of Access: 30.04.2018).

² Zhiteli Chechni uvereny, chto rabochie iz Kitaya ikh travyat [Residents of Chechnya are sure that workers from China are poisoning them]. 05.07.2018 // Kavkaz.Realii – the project of the North Caucasus service of Radio Liberty: website. URL: <https://www.kavkazr.com/a/29341748.html> (Date of Access: 30.04.2018).

³ KBR i Kitai podpisali tri soglasheniya o sotrudnichestve [KBR and China signed three cooperation agreements]. 03.08.2018 // Information agency Interfax: website. URL: <http://www.interfax-russia.ru/South/print.asp?id=955030&sec=1679&type=news> (Date of Access: 30.04.2018)

⁴ Kitai khochet razvivat' kontakty s regionami Severnogo Kavkaza [China wants to develop contacts with the regions of the North Caucasus]. 03.08.2018 // RIANovosti.ru – news agency: website. URL: <https://ria.ru/politics/20180803/1525908197.html> (Date of Access: 30.08.2018).

⁵ Yurii Kokov protsitiroval Konfutsiya na vstreche s kitaiskoi delegatsiei [Yuri Kokov quoted Confucius at a meeting with the Chinese delegation]. 04.08.2018 // Moskovskii Komsomolets – Network edition “MK – Caucasus” kavkaz.mk.ru: website. URL: <https://kavkaz.mk.ru/economics/2018/08/04/yuriy-kokov-procitiroval-konfuciya-na-vstreche-s-kitayskoy-delegaciey.html> (Date of Access: 30.04.2018).

⁶ Zarubezhnye zhurnalisty uvereny, chto Kavkaz mozhет stat' populyarnym u inostrannykh turistov [Foreign journalists believe that the Caucasus could become popular among foreign tourists]. 09.08.2018 // Svali.Ru – tourist portal. URL: <http://www.svali.ru/index.php?index=11&ts=180809105447&cntr=73> (Date of Access: 30.08.2018).

and 2013. Azerbaijan would gain more in the process if oil prices keep rising¹. All South Caucasus countries perceive Chinese investments positively regarding economic and regional stability. This perception is underlined by the economic stagnation in Russia and the EU area [Poghosyan 2018; Rinna 2015; Sanamyan 2016]. However, the EU represents a stronger economic area in the middle to future term. Despite its weaknesses, Russian economy is still too big to ignore for the whole former Soviet area.

Georgia

As clearly seen in the pioneering case of Georgia, South Caucasian countries' special economic relations with the EU and Russia make them more attractive for China. Indeed, Georgia has signed free trade agreements with the EU, Russia and China [Yan 2017]. Georgia is also seeking to benefit from partnerships between the OBOR and the Eurasian Economic Union (ECU)² [Escobar 2017; Soric 2017; Krakowska 2018]. Georgia's Anaklia deep water port on the Black Sea is another important unit within the OBOR [Yan 2017]. Unlike Georgia, Abkhazia, on the hand, has much limited prospects to benefit from Chinese investments as China does not recognize Abkhazia's independence [Pender 2017]. South Ossetia is in a similar situation.

Armenia

Following the Georgian case, Armenia, too, provides access both to the EU and Russia, especially North Caucasus and South Russia. Armenia can benefit from its membership in the ECU [Poghosyan 2018; Devonshire-Ellis 2015]. In the South, Armenian-Iranian railway project is also attractive for Chinese funding [Keshishyan 2015]. Armenian-Chinese relations are expected to continue to develop in the coming years [Avdaliani 2017b].

Azerbaijan

Azerbaijan steps ahead with its key involvement in both the Trans-Caspian International Transport Route (TITR) [Poghosyan 2018] and the BTK [Bora 2017]. The BTK railway is a complementary extension [Keshishyan 2015]. These projects are not original OBOR elements but they integrated into the OBOR. Meanwhile, despite its geologically convenient location, Armenia has been excluded from these projects due to the decisive opposition of Azerbaijan [Krakowska 2018]. Clearly, Azerbaijan-Armenian dispute over Karabakh is a key obstacle before further regional cooperation.

Turkey, Azerbaijan and Georgia have been engaged in intensive cooperation in mega transportation projects, which excludes Armenia because of political disputes.

---

¹ World Bank Expects Robust Growth In The Caucasus Through 2020. 07.06.2018 // Bne Intellinews – Business news from Eastern Europe, Eurasia, the Middle East and Africa: website. URL: <http://Www.Intellinews.Com/World-Bank-Expects-Robust-Growth-In-The-CaucasusThrough-2020-142964/> (Date of Access: 30.04.2018).

² The American-Backed “Belt And Road” Port In Georgia. 22.02.2018 // Maritime Executive: website. URL: <https://www.maritime-executive.com/article/the-american-backed-belt-and-road-port-in-georgia> (Date of Access: 30.04.2018).

These projects also partially include Central Asia. Major examples are: Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipeline (BTC); Baku-Tbilisi-Erzurum (BTE) / South Caucasus Pipeline (SCP); and the Baku-Tbilisi-Kars railway (BTK) [Inan, Yayloyan 2018: 10-11].

So, OBOR is more beneficial for some entities than others in the Caucasus. However, one crucial common element has to be noted. In all bilateral contacts China appears as the dominant exporter/investor which imports little from the Caucasus or Former Soviet space in general [Yan 2017].

Diplomatic and military aspects

Considering the limited scope of this article, my focus here is rather on the civilian and economic aspects of Chinese engagement in the Caucasus however it is necessary to consider parallel diplomatic and military aspects as well. Some highlights are: (1) current Chinese presence in the Caucasus is clearly economic oriented. However, China may develop some autonomous security related initiatives in the future in ways which may not totally overlap with Russian interests [Avdaliani 2017a]. (2) China bears almost no ethno-political, religious, ideological and historical burden and debts in the Caucasus [Rinna 2015]. This gives China an exceptional flexibility. Likewise, Russia (North Caucasus) and all South Caucasus polities respect Beijing “One China” policy over Taiwan (Republic of China – ROC). China also refrains from expressing strong opinions about local conflicts (e.g. Abkhazia, Karabakh) [Sanamyan 2016; Krakowska 2018]. (3) Armenia appears as the most eager polity to establish military partnership with China in order to lessen its military dependence on Russia [Sanamyan 2016; Avdaliani 2017b].

Last but not least, as something to keep mind, Wertsch [Wertsch 2013] succinctly underlines wider historical background about pretty much everything in the Caucasus:

“There are deep historical roots for just about everything in the Caucasus. [...] Western commentators often refer to conflicts that followed the break-up of the Soviet Union in 1991. People from the region find this superficial, almost humorous, and instead tend to see things from a much longer historical perspective. Historical roots in the region are indeed impressive: [...] In “recent” medieval times the Caucasus was overrun by Arabs, Mongols, Persians, and Turks [...] And for the past two centuries Russia has been the major player in the region. [...] The result is a set of competing national narratives that extend much further back in time than what we are accustomed to. In Georgia, for example, twelfth century king “David the Builder” retains a living presence in politics. Any Georgian knows what supporters of President Misha Saakashvili mean when they call him “Misha the Builder.””

Turkey

Generally speaking, Turkey has its own diverse goals in its neighborhood. Apart from Turkey’s occasional and not so vocal criticisms over China’s Uyghur minority related policies, there seems to be no significant matter of disagreement between the countries. With or without OBOR, Turkey is already engaged in both domestic huge infrastructural construction plans (e.g. Marmaray project) [Shepard 2017b] and foreign partnerships with almost everybody in the Caucasus with the

exception of Armenia as Turkish foreign policy is bound to favor Azerbaijan over Armenia for both ethno-political and economic (i.e. Azerbaijan's energy riches) reasons. However, even in the case of Armenia, Turkey is not totally refraining from keeping the low profile dialogue channels open with Armenia. Plus, Turkey has a noticeable presence in Armenia's consumer goods market.

Rinna argues that Chinese-Russian infrastructure projects would help to counter-balance not only the West but also Turkey [Rinna 2015]. I think that the actual impact would be less straightforward. Indeed, Chinese OBOR is based on the diversification of trade routes as much as possible. Basically, China and the EU are the two final (and most important) destinations on the two edges of the OBOR map. All others in-between (including Russia, Turkey, Caucasus, Central Asia) are essentially transit countries or bridges. In other words, China and the EU being the constants, all others are more or less interchangeable and mutually complementary but inherently autonomous options. That is, transit countries serve as transit hubs but they are not necessarily easy chess pawns or bargaining chips between China and "the West". Furthermore, the term "the West" (and, by the way, "the East", too) is inherently a semi-useful, vague categorization to use in any study (including this text of mine). Perhaps, the EU-Europe, the non-EU Europe and the U.S. should not be always wrapped under the term "the West".

Likewise Baronin and Kolpakov argue that OBOR would trigger Chinese geopolitical rivalry with Turkey as well since overall Chinese engagement in the Caucasus targets preventing the spread of Pan-Turkism and Islamic fundamentalism in China. Plus, such Chinese thinking also overlaps with Moscow's interests [Baronin, Kolpakov 2013]. I find this half-justifiable. I agree that China's Uyghur soft belly has the potential to combine Pan-Turkism and Islamic fundamentalism. However, OBOR's focus is on economy. Plus, Pan-Turkism and Islamic fundamentalism do not necessarily overlap or correlate perfectly. Thirdly, Turkey's current or future capabilities and even inclinations to spread Pan-Turkism and/or Islamic fundamentalism eastwards are overrated. Brzezinski's [Brzezinski 1997: 41, 136] following assessment still seems valid: "[...] though both Turkey and Iran are to some extent – within their more limited capabilities – also geostrategically active. [p. 41] [...] Given Turkey's much more limited political and military power, a sphere of exclusive political influence [in the Former Soviet Space] is simply unattainable."

Additionally, Pan-Turkism does not work as efficient as would be expected for the same reasons Pan-Arabism (or, roughly speaking, Pan-Slavism) does not work. Here, I find Walt's [Walt 1987: 211] following assessment about pan-Arabism applicable to pan-Turkism, pan-Islamism and other "pan-" ideologies in general:

"What explains the failure of pan-Arabism? Why did its most enthusiastic proponents find cooperation so difficult to sustain? The answer lies in the contradictory premises of the ideology itself. Pan-Arabism threatened the security of the separate Arab regimes, because it called for them to merge into a single state. The long-range goal of unity could not be openly abandoned, because it provided an important source of legitimacy for the revolutionary Arab states. But if the goal were ever achieved, all regimes save the one that emerged on top would be replaced. Thus the various attempts to implement an Arab union quickly became struggles for

hegemony. As the collapse of the UAR [short-lived United Arab Republic co-established by Egypt and Syria between 1958-1961] illustrates, even the most serious efforts were highly unstable. Indeed, even the most dedicated advocate of pan-Arabism, the Ba'th, fell victim to bitter factional quarrels once it acquired political power in more than one country. In the politics of pan-Arabism, in short, nothing failed like success. Finally, because the ideology of pan-Arabism was an important source of legitimacy, setbacks required renewed efforts and a search for scapegoats.”

Plus, Pan-Islamism is much more globalist, stronger and multipolar in itself than Pan-Turkism. Turkey is far from fully controlling and utilising these ideologies efficiently against China (and Russia, and, inevitably at some point, even India) even if it would ever be fully committed to do so. Turkey's geopolitical priorities and capabilities swing between the EU area and the Middle East (specifically North Iraq). Despite the occasional anti-American rhetorical blasts inside Turkey, all of this is still taking place within the wider framework of Pax Americana which is best presented by Turkey's membership in NATO. Furthermore, (and as a partial deviation in itself regarding Pax Americana) Turkish-Russian relations are progressing in general. So, Turkey would not and cannot seriously focus on any anti-Chinese geopolitical initiative for more than one reason.

The U.S.

Unlike the case of pacific region, the U.S. and China face much less risk for economic and military confrontation in the Caucasus. Same can be said about the EU [Rinna 2015]. Russia is the actor which would feel the positive or negative impacts of China's great Western outreach more directly in the longer term. Even in that case, the U.S. and the EU will continue to matter more for better or worse for Russia in and around the Caucasus [Bora 2017]. However, things may follow a more challenging path in Russia's Far Eastern territories which borders with Chinese space.

Trump administration does not seem interested in the OBOR even though China invited the U.S. to take part in the OBOR [Shams 2017]. Even now, some U.S. companies are engaged in OBOR related investments. For example, Georgia's Anaklia deep water port project is undertaken by a joint American-Georgian venture following Georgia's earlier unsuccessful negotiations with some Chinese companies¹ [Yan 2017].

The European Union

The EU pursued to engage in a dynamic task in creating connections conjoining the South Caucasus and Central Asian countries. Most particularly, in 1993, the EU introduced the TRACECA Program with an objective to improve commercial routes from the EU, across the Black Sea, the South Caucasus and the Caspian Sea reaching Central Asian countries. Initial stakeholders were Yerevan, Baku, Tbilisi, Astana, Bishkek, Dushanbe, Ashgabat and Tashkent. Between 1996

---

¹ The American-Backed “Belt And Road” Port In Georgia. 22.02.2018 // Maritime Executive: website. URL: <https://www.maritime-executive.com/article/the-american-backed-belt-and-road-port-in-georgia> (Date of Access: 30.04.2018)

and 1998 Kiev, Mongolia and Moldova entered the Program and in the 2000s, Bulgaria, Romania, Ankara and finally Tehran enrolled. Additionally, in 2004, the EU launched the European Neighborhood Policy (ENP) to boost intergovernmental and commercial renovation. In 2009, the EU commenced the Eastern Partnership, an wing of the ENP, to develop its affairs with ex-USSR actors in the South Caucasus (Yerevan, Baku, and Tbilisi) as well as with Belarus, Moldova, and Kiev [Inan, Yayloyan 2018: 15].

Sea trade and air logistics are essential for EU–Beijing . 62% Beijing’s foreign sales to the EU remain as by sea trade routes and up to 24% remain as by air. Land routes provide about ten per cent of Beijing’s foreign sales to the EU. Train logistics could lower commercial times for Beijing’s foreign sales. For instance, to delivering an average load of goods China to Poland lasts concerning 72 hours by air, fourteen days by railroad and 1,5 month by sea trade routes. By the way, delivering commercial goods from inland areas to the ports within China is still costly in itself [Inan, Yayloyan 2018: 25].

Despite some current doubts expressed from Europe, China and the EU seem to work out things under the OBOR in the coming years in general terms. Indeed, they have some initial cooperation experience via Transport Corridor Europe Caucasus Asia (TRACECA) which was launched in 1993 [Ghiasy, Zhou 2017: 48]. Despite the large sources of the EU and the US, they are politically secondary forces in Central Asia in comparison to Russia and China. After the shortcomings of the TRACECA as a mega project, the EU had, indeed, opted to focus on smaller projects in education and rural development [International Crisis Group 2017: 23]. However, the OBOR has been pushing the EU to return to wider continental frameworks. Overall situation is a bit more complex in the Caucasus as the EU and the US have relatively more access to the region.

India and Japan

India and, to a lesser extent, Japan, appear as the most vocal critics of the OBOR mainly for geopolitical reasons. In partial cooperation with Japan, India has announced its own North-South Transport Corridor (NSTC) to counterbalance the OBOR [Shepard 2017a; Galstyan 2017]. There is another Indian-Japanese initiative called as the Asia-Africa Growth Corridor [Shepard 2017b]. Yet, these initiatives are not as publicized as the OBOR until now. Plus, India and Japan seem to place relatively more selective emphasis on the Central Asia more than other locations.

**Table 03: Basic Foreign Trade Profiles of Main OBOR Related Actors
(in alphabetical order)**

	Export commodities	Export partners	Import commodities	Import partners
Abkhazia (*)	N/A	N/A	N/A	N/A
Armenia	unwrought copper, pig iron, nonferrous metals, gold, diamonds, mineral	Russia 24.2%, Bulgaria 12.8%, Switzerland 12%, Georgia 6.9%,	natural gas, petroleum, tobacco products, foodstuffs,	Russia 28%, China 11.5%, Turkey 5.5%, Germany 4.9%,

	products, foodstuffs, brandy, cigarettes, energy	Germany 5.9%, China 5.5%, Iraq 5.4%, UAE 4.6%, Netherlands 4.1% (2017)	diamonds, pharmaceuticals, cars	Iran 4.3% (2017)
Azerbaijan	oil and gas roughly 90%, machinery, foodstuffs, cotton	Italy 23.2%, Turkey 13.6%, Israel 6.1%, Russia 5.4%, Germany 5%, Czech Republic 4.6%, Georgia 4.3% (2017)	machinery and equipment, foodstuffs, metals, chemicals	Russia 17.7%, Turkey 14.8%, China 9.9%, US 8.3%, Ukraine 5.3%, Germany 5.1% (2017)
China	electrical and other machinery, including computers and telecommunications equipment, apparel, furniture, textiles	US 19%, Hong Kong 12.4%, Japan 6%, South Korea 4.5% (2017)	electrical and other machinery, including integrated circuits and other computer components, oil and mineral fuels; optical and medical equipment, metal ores, motor vehicles; soybeans	South Korea 9.7%, Japan 9.1%, US 8.5%, Germany 5.3%, Australia 5.1% (2017)
Georgia	vehicles, ferro-alloys, fertilizers, nuts, scrap metal, gold, copper ores	Russia 14.5%, Azerbaijan 10%, Turkey 7.9%, Armenia 7.7%, China 7.6%, Bulgaria 6.6%, Ukraine 4.6%, US 4.5% (2017)	fuels, vehicles, machinery and parts, grain and other foods, pharmaceuticals	Turkey 17.2%, Russia 9.9%, China 9.2%, Azerbaijan 7.6%, Ukraine 5.6%, Germany 5.4% (2017)
India	petroleum products, precious stones, vehicles, machinery, iron and steel, chemicals, pharmaceutical products, cereals, apparel	US 15.6%, UAE 10.2%, Hong Kong 4.9%, China 4.3% (2017)	crude oil, precious stones, machinery, chemicals, fertilizer, plastics, iron and steel	China 16.3%, US 5.5%, UAE 5.2%, Saudi Arabia 4.8%, Switzerland 4.7% (2017)

Iran	petroleum 60%, chemical and petrochemical products, fruits and nuts, carpets, cement, ore	China 27.5%, India 15.1%, South Korea 11.4%, Turkey 11.1%, Italy 5.7%, Japan 5.3% (2017)	industrial supplies, capital goods, foodstuffs and other consumer goods, technical services	UAE 29.8%, China 12.7%, Turkey 4.4%, South Korea 4%, Germany 4% (2017)
Japan	motor vehicles 14.9%; iron and steel products 5.4%; semiconductors 5%; auto parts 4.8%; power generating machinery 3.5%; plastic materials 3.3% (2014 est.)	US 19.4%, China 19%, South Korea 7.6%, Hong Kong 5.1%, Thailand 4.2% (2017)	petroleum 16.1%; liquid natural gas 9.1%; clothing 3.8%; semiconductors 3.3%; coal 2.4%; audio and visual apparatus 1.4% (2014 est.)	China 24.5%, US 11%, Australia 5.8%, South Korea 4.2%, Saudi Arabia 4.1% (2017)
Nagorno-Karabakh Republic (**)	N/A	N/A	N/A	N/A
Russia	petroleum and petroleum products, natural gas, metals, wood and wood products, chemicals, and a wide variety of civilian and military manufactures	China 10.9%, Netherlands 10%, Germany 7.1%, Belarus 5.1%, Turkey 4.9% (2017)	machinery, vehicles, pharmaceutical products, plastic, semi-finished metal products, meat, fruits and nuts, optical and medical instruments, iron, steel	China 21.2%, Germany 10.7%, US 5.6%, Belarus 5%, Italy 4.5%, France 4.2% (2017)
South Ossetia (*)	N/A	N/A	N/A	N/A
Turkey	apparel, foodstuffs, textiles, metal manufactures, transport equipment	Germany 9.6%, UK 6.1%, UAE 5.9%, Iraq 5.8%, US 5.5%, Italy 5.4%, France 4.2%, Spain 4% (2017)	machinery, chemicals, semi-finished goods, fuels, transport equipment	China 10%, Germany 9.1%, Russia 8.4%, US 5.1%, Italy 4.8% (2017)
Note: (*) denotes de jure recognized only by Russia in this context; accepted as a national province under foreign occupation by Georgia. (**) denotes no de jure recognition by a United Nations member country; accepted as a national province under foreign occupation by Azerbaijan. "N/A" denotes lack of sufficiently specific data for comparative purposes. But in general, trade relations with Russia, Turkey and Iran (in rough ranking order) seem to be vital for these political entities for reasons of geographical proximity and lack of complete access to international trade.				
Source: Central Intelligence Agency, World Factbook 2018 ¹				

¹ Central Intelligence Agency, World Factbook 2018 // Central Intelligence Agency: website. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook> (Date of Access: 30.04.2018).

Conclusion

In this article, I aimed to provide an assessment of the Caucasus in wider Eurasian transformations as seen in the massive case of the OBOR. In some ways, the OBOR enforces and completes cooperative elements in the region (e.g. Turkish-Georgian-Azeri partnerships). In some other ways, it underlines the existing disagreements and exclusions (e.g. Abkhazia, Armenia). Given the fact that the Caucasus is only one of the many transit hubs in the OBOR, attitudes of regional actors seem to be relatively more critical for the level of the region's mostly positive or negative interaction with the OBOR. Generally speaking, the OBOR provides rather opportunities than problems in the case of the Caucasus to the extent it would make the Caucasus further approach the EU cooperation space which is one of the two pillars of the OBOR, the other one, of course, being China.

REFERENCES

- Avdaliani 2017a – AVDALIANI, EMIL. Russia-China Cooperation Grows But So Does Distrust. 21.08.2017 // Georgia Today – Georgia's leading independent English-language newspaper: website. URL: <http://Georgiatoday.Ge/News/7342/Russia-ChinaCooperation-Grows-But-So-Does-Distrust> (Date of Access: 30.04.2018).
- Avdaliani 2017b – AVDALIANI, EMIL. China & Its Dealings In The South Caucasus. 04.09.2017 // Georgia Today – Georgia's leading independent English-language newspaper: website. URL: <http://Georgiatoday.Ge/News/7468/China-%26-ItsDealings-In-The-South-Caucasus> (Date of Access: 30.04.2018).
- Babayan 2016 – BABAYAN, DAVID. China's economic interests in the North Caucasus. IN: Caucasus Survey. – 2016. – Vol. 4. – No. 1. – P. 1-19. DOI: <https://doi.org/10.1080/23761199.2015.1119999>
- Baronin, Kolpakov 2013 – BARONIN A., KOLPAKOV A. Russia Engages Chinese Capital In North Caucasus. 17.05.2013 // ModernDiplomacy.eu: website. URL: <https://ModernDiplomacy.Eu/2013/.../Russia-Engages-Chinese-Capital-In-North-Caucasus/> (Date of Access: 30.04.2018).
- Boonstra 2015 – BOONSTRA, JOS. The South Caucasus and its Wider Neighbourhood. – Madrid: FRIDE, 2015. – 28 p.
- Bora 2017 – BORA, S. İŞİK. China's Growing Presence In The Caucasus. 01.11.2017 // Avrasya İncelemeleri Merkezi [Center For Eurasian Studies]: website. URL: <https://avim.org.tr/en/Yorum/CHINA-S-GROWING-PRESENCE-IN-THE-CAUCASUS> (Date of Access: 30.04.2018).
- Brzezinski 1997 – BRZEZINSKI, ZBIGNIEW. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. – New York, NY: Basic Books, 1997. – 223 p.
- Cai 2017 – CAI, PETER. Understanding China's Belt and Road Initiative. – Sydney: Lowy Institute for International Policy, 2017. – 23 p.
- Charaia, Papava 2018 – CHARAIA V., PAPAVAL V. Belt and Road Initiative: Implications for Georgia and China-Georgia Economic Relations. IN: Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences. – 2018. – Vol. 12. – No. 1. – P. 153-160.
- Devonshire-Ellis 2015 – DEVONSHIRE-ELLIS, CHRIS. China's Trade With Eastern Europe And The Caucasus. 22.01.2015 // China-Briefing.Com – business intelligence on legal, tax, and operational issues in China: website. URL: <https://www.china-briefing.com/news/chinas-trade-former-soviet-states/> (Date of Access: 30.04.2018).
- Escobar 2017 – ESCOBAR, PEPE. From The Caucasus To The Balkans, China's Silk Roads Are Rising. 30.11.2017 // Asia Times – news publication: website. URL: <http://Www.Atimes.Com/Article/Caucasus-Balkans-Chinas-Silk-Roads-Rising/> (Date of Access: 30.04.2018).

30.04.2018).

Galstyan 2017 – GALSTYAN, AREG. Can Japan And India Counter China In The Caucasus? 21.07.2017 // The Diplomat – international current-affairs magazine for the Asia-Pacific region: website. URL: <https://thediplomat.com/2017/07/can-japan-and-india-counter-china-in-the-caucasus/> (Date of Access: 30.04.2018).

Ghiasy, Zhou 2017 – GHIASY R., ZHOU J. The Silk Road Economic Belt: Considering Security Implications and EU-China Cooperation Prospects. – Solna, Sweden: Stockholm Peace Research Institute, 2017. – 60 p.

Hovhanesian, Manasyan 2014 – HOVHANESIAN H., MANASYAN H. South Caucasus-People's Republic of China Bilateral Free Trade Agreements: Why It Matters. – Manila: Asian Development Bank, 2014. – 52 p.

Inan, Yayloyan 2018 – INAN F., YAYLOYAN D. New Economic Corridors in the South Caucasus and the Chinese One Belt One Road. – Ankara: The Economic Policy Research Foundation of Turkey, 2018. – 89 p.

International Crisis Group 2017 – Central Asia's Silk Road Rivalries. Europe and Central Asia Report N°245 by International Crisis Group. – Brussels: International Crisis Group, 2017. – 31 p.

Kaczmarek 2018 – KACZMAREK M. China and Russia in Global Governance: Long Term Obstacles to Cooperation. FIIA (UPI) Briefing Papers. August 2018 / 244. – Helsinki: The Finnish Institute for International Affairs, 2018. – 7 p.

Keshishyan 2015 – KESHISHYAN M. China's New Foreign Policy Target: South Caucasus. 13.10.2015 // AsiaSentinel.Com – Multiple awards for excellence in Asian journalism: website. URL: <https://www.asiasentinel.com/econ.../south-caucasus-china-new-foreign-policy-target/> (Date of Access: 30.04.2018).

Kleiman 2018 – KLEIMAN, GARY. Cash Infusion For Central Asia-Caucasus Region. 02.07.2018 // Asia Times – news publication: website. URL: <http://www.atimes.com/central-asia-caucasus-unready-for-belt-road-infusion/> (Date of Access: 14.09.2018).

Krakowska 2018 – KRAKOWSKA, MALGOSIA. The Dragon In The Room. 30.01.2018 // Neweasterneurope.eu – news magazine dedicated to Central and Eastern European affairs: website. URL: <http://neweasterneurope.eu/2018/01/30/the-dragon-in-the-room/> (Date of Access: 30.04.2018).

Li 2018 – LI, YONGQUAN. The greater Eurasian partnership and the Belt and Road Initiative: Can the two be linked? IN: Journal of Eurasian Studies. – 2018. – No. 9. – P. 94-99.

Pender 2017 – PENDER, KIERAN. Abkhazia: Is Chinese Investment A Panacea Or A Pipe Dream?. 20.09.2017 // Eurasianet – an independent news organization that covers news from and about the South Caucasus and Central Asia: website. URL: <https://eurasianet.org/abkhazia-is-chinese-investment-a-panacea-or-a-pipe-dream> (Date of Access: 30.04.2018).

Poghosyan 2018 – POGHOSYAN B. China's Obor Initiative – Opportunities For The South Caucasus. IN: Indrastra Global, Vol. 04 (2018), Issue No: 7. URL: <https://www.indrastra.com/2018/07/China-OBOR-Initiative-Opportunities-South-Caucasus-004-07-2018-0003.html> (Date of Access: 30.07.2018).

Rinna 2015 – RINNA, TONY. The South Caucasus And China's Rising Presence. 03.12.2015 // Neweasterneurope.eu – news magazine dedicated to Central and Eastern European affairs: website. URL: http://Neweasterneurope.Eu/Old_Site/Articles-AndCommentary/1811-The-South-Caucasus-And-China-S-Rising-Presence (Date of Access: 30.04.2018).

Roehrs-Weist 2018 – ROEHRS-WEIST, PHILIP. Political Analyst: China Is The Only Power That Will Decide The Future of The Caucasus. Interview With Michael Eric Lambert. 11.07.2018 // Caucasuswatch.de: website. URL: <http://caucasuswatch.de/news/876.html> (Date of Access: 30.07.2018).

Rolland 2017 – ROLLAND, NADÈGE. China's Eurasian century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative. – Seattle: The National Bureau of Asian Research, 2017. – 208 p.

Sanamyan 2016 – SANAMYAN, EMIL. China In The Caucasus. 06.02.2016 // The Diplomat – international current-affairs magazine for the Asia-Pacific region: website. URL: <https://TheDiplomat.Com/2016/02/China-In-The-Caucasus/> (Date of Access: 30.04.2018).

Shams 2017 – SHAMS, SHAMIL. New Silk Road' And China's Hegemonic Ambitions. Interview With Siegfried Wolf. 15.05.2017 // Deutsche Welle, DW.com – Germany's international broadcaster: website. URL: <https://www.dw.com/en/new-silk-road-and-chinas-hegemonic-ambitions/a-38843212> (Date of Access: 30.04.2018).

Shepard 2017a – SHEPARD, WADE. Watch Out, China: India Is Building A 'New Silk Road' of Its Own. 28.06.2017 // Forbes: website. URL: <https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2017/06/28/watch-out-china-india-is-building-a-new-silk-road-of-its-own/#69d3b55ea90e> (Date of Access: 30.04.2018).

Shepard 2017b – SHEPARD, WADE. What Happened On China's New Silk Road In 2017. 20.11.2017 // Forbes: website. URL: <https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2017/12/20/what-happened-on-chinas-new-silk-road-in-2017/#f914b3a72e98> (Date of Access: 30.04.2018).

Soric 2017 – SORIC, MIODRAG. China's 'New Silk Road' Goes Straight Through The Caucasus. 26.12.2017 // Deutsche Welle, DW.com – Germany's international broadcaster: website. URL: <https://www.dw.com/en/chinas-new-silk-road-goes-straight-through-the-caucasus/a-41930469> (Date of Access: 30.04.2018).

Toktonaliev 2018 – TOKTONALIEV T. Can Central Asia And The Caucasus Cooperate? [Interview with Svante Cornell]. 22.03.2018 // IWPR.Net – Institute for War and Peace Reporting: website. URL: <https://iwpr.net/global-voices/can-central-asia-and-caucasus-cooperate> (Date of Access: 30.04.2018).

Uysal 2016 – UYSAL, ONUR F. The Iron Silk Road: How will Turkey be Involved? IN: Caucasus International. – 2016. – Vol. 6. – No. 1. – P. 55-66.

Van Der Leer, Yau 2018 – VAN DER LEER Y., YAU J. China's New Silk Route: The Long and Winding Road. – Amsterdam: PricewaterhouseCoopers, 2018. – 8 p.

Walt 1987 – Walt, Stephen M. The Origins of Alliances. – Ithaca: Cornell University Press, 1987. – 321 p.

Wertsch 2013 – WERTSCH, JAMES V. Five Things Worth Knowing about the Caucasus. 16.05.2013 // Pulitzer Center: website. URL: <https://pulitzercenter.org/reporting/five-things-worth-knowing-about-caucasus> (Date of Access: 30.04.2018).

Yan 2017 – YAN, DONG. China's Strategy In The Caucasus. 05.04.2017 // Eurasianet – an independent news organization that covers news from and about the South Caucasus and Central Asia: website. URL: <https://eurasianet.org/chinas-strategy-caucasus> (Date of Access: 30.04.2018).

Наши авторы

Аккиева Светлана Исмаиловна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник сектора этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»

E-mail: asisma@yandex.ru

Апфельбаум Александр Семенович – канд. ист. наук, Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова

Башкан Аргун – доктор, преподаватель кафедры международных отношений, факультет экономики и управления Эгейского Университета (Измир, Турция)

E-mail: argunbaskan@gmail.com

Борова Асият Руслановна – д-р филол. наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: assbora@mail.ru

Геккиев Алибек Бахатович – адвокат, Адвокатская палата КБР

E-mail: algba@yandex.ru

Горюшина Евгения Михайловна – научный сотрудник лаборатории политических исследований Федерального исследовательского центра «Южный научный центр Российской академии наук» (ФИЦ ЮНЦ РАН)

E-mail: esherder@gmail.com

Керимова Раузат Абдуллаховна – канд. филол. наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»

E-mail: K.roza07@mail.ru

Лаврова Наталья Сергеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова»

E-mail: lawrowa.natali2012@yandex.ru

Мамсиров Хамитби Борисович – д-р. ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова»

E-mail: mamsirhb@mail.ru

Пазов Ибрагим Станиславович – аспирант ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: ibragim.pazov@mail.ru

Прасолов Дмитрий Николаевич – канд. ист. наук, доцент, заведующий сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»

E-mail: dmprasolov@gmail.com

Узнародов Дмитрий Игоревич – канд. полит. наук, научный сотрудник лаборатории казачества отдела гуманитарных исследований Федерального исследовательского центра «Южный научный центр Российской академии наук»

E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

Фоменко Владимир Александрович – канд. истор. наук, доцент, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»

E-mail: kbigi@mail.ru

Шорова Марьяна Буденовна – канд. истор. наук, доцент кафедры истории России Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова»

E-mail: mshorova@mail.ru

Кавказология

Caucasology

№ 4 / 2018

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4